

**БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - V
АНТИЧНОСТЬ – ВИЗАНТИЯ – ДРЕВНЯЯ РУСЬ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

БЕЛГОРОД 2016

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - V
АНТИЧНОСТЬ – ВИЗАНТИЯ – ДРЕВНЯЯ РУСЬ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Белгород 2016

УДК 94(3)(495)(47).02
ББК 63.3 (0) 3
К 642

Ответственный редактор:
д.и.н. Н.Н. Болгов

К 642 **Кондаковские чтения - V. Античность – Византия – Древняя Русь:** сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. – 218 с.

ISBN 978-5-9571-2248-0

В настоящее издание вошли материалы V научной конференции, проведенной 01 октября 2016 г. в Белгороде. В центре внимания авторов – идеи, жизнь и деятельность академика Н.П. Кондакова (1844-1925), одного из творцов византиноведения в России, уроженца современной Белгородчины. Материалы сборника призваны актуализировать наследие ученого на его родине и на всем научном пространстве, сложившемся на протяжении XIX-XX вв.

Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы археологии и истории искусства православного мира, краеведения.

УДК 94(3)(495)(47).02
ББК 63.3 (0) 3

ISBN 978-5-9571-2248-0

© Коллектив авторов, 2016
© НИУ «БелГУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Кызласова И.Л. (Москва). Приветственное слово участникам Кондаковских чтений 2016 года	5
Бабаян С.В. Мозаичное искусство Гордиона	6
Арутюнян А.Ж. (Ереван, Армения). Описание Македонии согласно древнеармянской географии (Ашхарацуйц-у)	9
Астахов И.А. (Тула). Снаряжение варварских народов Причерноморья и Балкан в римской коннице периода принципата ...	13
Супренков А.А. (Москва). Узунларский вал как одна из границ Боспора: история исследований и новейшие открытия	20
Ярцев С.В. (Тула). Сармато-иранская династия на Боспоре ..	26
Ключнева Д.А., Польшинкина М.К. (Тула). Поход алан 72 г. против Парфии и современные археологические реалии	38
Шакирова С.Ю. (Тула). К вопросу о культе Афродиты и Эроta на Боспоре в римский период (по материалам городища «Белинское»)	42
Лисин П.Н. (Тула). Особенности почитания Артемиды Таврополы на Боспоре	48
Соколов А.В. (Тула). Особенности почитания Гелиоса на берегах Понта в римский период	52
Вус О.В. (Львов, Украина). Инженерный комплекс дозорного укрепления Бакла VI в.	57
Суханов Е.В. (Москва). Стандартные меры емкости византийских амфор (проблемы методики изучения)	62
Торканевский А.А. (Минск, Беларусь). К вопросу о предпосылках начала возвышения Римской церкви	67
Литовченко Е.В. Руриций Лиможский - друг и коллега Сидония Аполлинария	73
Шилина С.В. К вопросу об особенностях эпистолярного жанра Авита Вьеннского	79
Сапенко В.Ю. Эвергетизм и патронат в сочинениях Магна Феликса Эннодия	84
Болгова А.М. Женщины-философы Ранней Византии и традиция школьного неоплатонизма: Сосипатра	88
Руднева М.А. Этническая и социальная структура населения ранневизантийской Александрии	94
Лопатина М.Ю. Город-порт Маюма как одна из топографических доминант Газы Палестинской	100
Богомаз Е.Е. «Рой мудрых пчел»: адресаты писем Прокопия Газского (просопографический анализ)	105

Богомаз Н.А. Об обряде коронации Анастасия I	108
Болгов Н.Н., Болгова А.М. В ожидании Филопона: этапы медиевализации картины мира	114
Синица М.М. Сравнение образов древней истории у Иоанна Лида и Иоанна Малалы	119
Плужник С.В. Социально-экономическое развитие Галилеи в ранневизантийский период	138
Бузанакова О.В. Кесария Палестинская в системе провинциального управления Византийской империей	141
Третьякова Н.Е. Comitatus, limitanei, gentiles, или типы военных гарнизонов в Византийской Африке (VI в.)	145
Щуринова И.А., Ярцев С.В. (Тула). Чудо исцеления Анны из жития Стефана Сурожского в событиях крещения Руси князем Владимиром	150
Лоза С.Н. (Москва). Проблемы трансформации византийского наследия: Эклога законов и правовые нормы на Руси	158
Литвиненко Я.В. (Киев, Украина). Типология погребальных сооружений в пещерах Киево-Печерской лавры	177
Питателева Е.В. (Киев, Украина). Образы святого равноапостольного князя Владимира и киевского митрополита Петра Могилы в поствизантийской стенописи церкви Спаса на Берестове. Идейное и художественное воплощение	183
Стржалковская А.Д. Евхаристические символы в исследованиях А.С. Уварова и их значение	188
Лиман С.И. (Харьков, Украина). История средневековой Церкви в творчестве профессора императорского Харьковского университета А.С. Лебедева (1833-1910 гг.)	193
Прокопенко Т.Н., Прокопенко С.Н. К вопросу определения достоверности фотоматериалов из личного архива Казимировых о семье и усадьбе Гревсов	204
Быстрицкий Н.И. (Москва). Исторические исследования сетей	211

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНДАКОВСКИХ ЧТЕНИЙ 2016 ГОДА

И.Л. Кызласова (Москва)

Великий Н.П. Кондаков (1844–1925) принадлежал к числу ученых, который создал себя сам. Действуя в науке более полувека, он постоянно преодолевал, казалось бы, непреодолимые препятствия. Жизнь этого удивительного человека была полна всевозможных трудностей (включая такую многолетнюю болезнь, как чахотка). Последние годы, протекавшие в разгар гражданской войны и вынужденной эмиграции (он был приглашен читать лекции в университетах Софии и Праги) были глубоко трагичны.

Подчеркнем, что могучий старец покинул Родину только 8 февраля 1920 г. в самый последний момент, когда в Одессу, в университете которой он до того преподавал, уже входили войска победителей.

«*Vae soli!*» («Горе одинокому!»), такую латинскую надпись предпослал Никодим Павлович своему дневнику за годы лихолетья (она открывает тетрадь за 1920 г.). Можно только поражаться тому, что он сумел за короткий срок не только сплотить вокруг себя последователей, но и придать мощный импульс их дальнейшей деятельности – в память об Учителе они создали совершенно уникальное для Русского Зарубежья научное объединение *Seminarium Kondakovianum*, ставшее в 1931 г. Археологическим институтом имени Н.П. Кондакова.

Все, кто собрался в эти дни на «Кондаковские чтения» в Белгороде, являются живым опровержением мыслям Никодима Павловича об одиночестве – так важно, что его помнят и чтут на «малой» Родине! Трагическая, но и завидная судьба.

Хочется думать, что образ Кондакова одним своим присутствием в сознании профессиональных историков и краеведов может укрепить их духовные силы, направленные на постановку и решение крупных проблем, необходимости осмыслить местную историю широко и масштабно.

Изучение трудов ученого, рожденного на Белгородской земле, может стать своеобразной школой для начинающего и даже зрелого исследователя: мы имеем в виду, в первую очередь, принципиальные установки Кондакова на культ всесторонне изученного факта, на соединение фактов в обширные системы, на едва обозримый историко-культурный контекст, частью которого становились вновь открытые или впервые систематизированные факты.

Невероятная трудоспособность, целеустремленность и исключительная требовательность к себе и другим, неослабевающая с годами творческая энергия этого высокоталантливого человека сами по себе также могут вдохновлять едва ли ни любого исследователя.

Наконец, образ Кондакова и поныне привлекает его постоянными усилиями, направленными на улучшение деятельности музеев, художественного образования, практики иконописания и т.д. И на этом поприще он успел сделать удивительно много. Он постоянно ощущал связи между высокой наукой и культурной жизнью страны.

МОЗАИЧНОЕ ИСКУССТВО ГОРДИОНА

С.В. Бабаян

В статье рассматривается регион Малая Азия, его влияние на развитие культуры. Отмечены основные приемы и особая техника изготовления мозаики в данном регионе. Особое внимание было уделено такому историческому памятнику мозаичного искусства как Гордион, рассмотрены основные сюжеты и мотивы, проведено сравнение с мозаиками Запада.

Ключевые слова: история, мозаика, Гордион, Малая Азия, археология.

MOSAIC ART OF GORDION

S.V. Babayan

The article studies the region of Asia Minor, its influence on the cultural development. The main methods and special technology of production of a mosaic in this region are noted. Special attention has been paid to such historical monument of mosaic art as Gordion, the main subject and motives are considered comparison with West mosaics is carried out.

Key words: history, mosaic, Gordion, Asia Minor, archeology.

Художественная и историческая ценность мозаики часто недооценивалась в искусствоведческой науке. Она воспринималась лишь как некая ветвь искусства, которая была интересна только воспроизведением уже известных сюжетов. Однако в настоящее время появился новый подход к ее изучению. Исследование мозаичного наследия античности важно для понимания процесса его трансформации в искусство раннего Средневековья.

Особое внимание необходимо уделить изучению такого региона как Малая Азия – полуостров на западе Азии, срединная часть территории современной Турции, так как он хранит в себе множество па-

мятников мозаичного искусства, которые отличаются своей структурой, имеют другие сюжеты, образы и мотивы. Это позволяет говорить о новом, отличном развитии региона, техника которого повлияла на становление мозаичного искусства в других областях.

Искусство мозаики привлекало внимание многих исследователей и ученых. К. Данбэбин¹ – профессор Канадского университета – занималась историей искусства, в частности, античной мозаикой. Ее труд «Mosaics of the Greek and Roman World» интересен тем, что помимо теорий и исследований эта книга дает всеобъемлющую и полностью иллюстрированную историю мозаики в греческом и римском мире.

Также необходимо отметить исследователя Р. Янга, который возглавил группу археологов совместно с Музеем Археологии и Антропологии Пенсильванского Университета и изучил мозаику Гордиона, а также опубликовал работу «Early Mosaics at Gordion»², которая дает возможность познакомиться с результатами экспедиции и увидеть ее находки. Гордион – древняя столица Фригии. Это внутренняя историческая область на западе Малой Азии. Первые раскопки города проводились в 1900 г., затем с 1951 г. Были обнаружены мощные оборонительные стены из камня и сырцового кирпича, жилые здания с большим количеством предметов домашнего обихода и оружия. В 1956 г. группой археологов во главе с Родни Янгом в Гордионе была открыта чрезвычайно интересная галечная напольная мозаика, датированная IX-VIII вв. до н.э. Мозаика на момент открытия была почти полной и отличалась большой красотой и сложностью. В 1983 г. сохранившиеся фрагменты были установлены и открыты для обозрения под навесом в Археологическом музее Гордиона, близ деревни Яс-сихююк.

Когда в 1951 г. была обнаружена первая галечная мозаика во фригийской столице, ориентировочно датированная V веком до н.э., на время утвердилось мнение, что новые формы декора пришли в Гордион из Греции³. Полы портика с колоннадой и внутреннего зала здания административного или общественного назначения были вымощены мозаикой с простым узором в виде квадратных спиралей из бледно-голубой, овальной и миндалевидной по форме гальки. Однако перед археологами встал вопрос относительно датировки мозаики. Первона-

¹ *Dunbabin K.M.D. Mosaics of the Greek and Roman World. Cambridge University Press, 1999. 357 p.*

² *Young R. S. Early Mosaics at Gordion // Expedition 7. 1965. P. 4-13.*

³ *Ibid. P. 4-13.*

начально она была отнесена к началу IV в. до н.э.¹ Позже, когда в Гордионе были открыты мозаичные полы, датируемые VIII-IX в. до н.э., возникло предположение, что влияние уже шло с востока на запад. Следовательно, гордионские мозаики приняли более древние традиции, пришедшие из Сирии и Месопотамии, и явились примером для других.

Три здания во фригийской столице были украшены мозаичными полами, созданными в течение VIII вв. до н.э. или даже ранее. Как следует из предположений археологов, изложенных в «Предварительном отчете» 1957 г. Родни Янга², пожар начала VII в. до н.э. уничтожил два здания, а третье, на северо-восточной стороне главной площади, было заброшено. В основе декорации пола не прослеживается единой выстроенной композиции. Она имеет характер «рассеянного» узора из разных геометрических мотивов, размещенных в произвольном порядке. Такой подход к декоративной поверхности можно считать характерно фригийским: галечные орнаменты покрывают равномерно всю плоскость пола. Эта мозаика самая ранняя и крупная по площади. При создании мозаики была использована речная галька темно-голубого, темно-красного и белого цвета, уложенная без четкой композиции в виде хаотично расположенных фрагментов орнаментов, основой которых стали орнаменты, которые использовали в текстиле³.

Итак, в Гордионе были открыты три галечные мозаики, которые с уверенностью могут быть датированы временем до 700 года до н.э. Гордион стоял на одном из оживленных торговых путей, соединявшем центральную Анатолию и страны Передней Азии с Эгейским побережьем. Хотя в Гордионе не обнаружено собственно мозаик из терракотовых «гвоздей», находка отдельных конусов, из которых такие мозаики состояются, позволяет предполагать их наличие⁴.

Таким образом, более ранних аналогов, сопоставимых с мозаиками Гордиона, на данный момент не найдено ни на Западе, ни на Востоке. Можно предположить, что галечные мозаичные полы могли быть местным изобретением. Однако фригийское искусство включает в себя самые разные восточные влияния. У фригийцев была собственная традиция геометрических орнаментов, проявившаяся в прикладном и монументальном искусстве.

¹ Young R.S. Gordion 1956: Preliminary Report // American Journal of Archaeology. 61 (4). 1957. P. 319-333.

² Ibid. P. 319-333.

³ Young R.S. Early Mosaics at Gordion // Expedition 7 (Spring). 1965. P. 4-13.

⁴ Young R.S. Early Mosaics at Gordion // Expedition Magazine. Penn Museum, May 1965 // [Эл. ресурс]. – URL: <http://www.penn.museum/sites/expedition/early-mosaics-at-gordion/>

Илл. 1. Напольная мозаика Гордиона. IX – VIII вв. до н.э.

ОПИСАНИЕ МАКЕДОНИИ СОГЛАСНО ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ (АШХАРАЦУЙЦ-У)

А.Ж. Арутюнян (Ереван, Армения)

В древнеармянском сочинении «Ашхарацуйц» описывается, в том числе, и историко-географическое расположение Македонии. Армянский первоисточник при этом «исправляет» все неточности, которые наличествуют в «Географии» Птолемея.

Ключевые слова: древняя Македония, «Ашхарацуйц», Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, Филипп II.

DESCRIPTION OF MACEDONIA ACCORDING TO THE ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY (ASHKHARATSUYTS)

H.G. Harutyunyan (Armenia, Yerevan)

The historical and geographical position of Macedonia describes in "Ashkharatsuyts". Armenian primary source "corrects" all the errors that are present in the "Geography" by Ptolemy.

Key words: ancient Macedonia, Ashkharatsuyts, Movses of Khorene, Ananias of Širak, Philippos II.

В «Ашхарацуйц»-е (дословно – «Показ мира») авторы достаточно большое внимание уделяют древней Македонии (на древнегрч.

Μακεδονία (на ионическом Μακεδονίη)¹. Мы не случайно упомянули авторство армянского первоисточника во множественном числе, ибо, как доказывают исследования известного ученого Э.Л. Даниеляна, этот труд был написан в V в. армянским историком Мовсесом Хоренаци, а затем дополнен географом VII в. Анием Ширакаци².

Нам представляется очевидным, что отрезок, посвященный Македонии, в основном был написан последним автором, поскольку в рассматриваемом тексте первоисточника особое место занимают вопросы географии, а не исторической географии. Возможно, это обусловлено тем, то Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении» достаточно большое внимание уделяет македонцам и особенно Александру Македонскому, когда описывает его роль в распространении греческого духа (что мы сейчас называем эллинизмом) на Востоке³. Хоренаци говорит о распространении эллинизма как на территории Селевкидского государства, так и в соседних странах, в том числе, и в древней Армении.

В «Ашхарацуйц»-е Македония расположена, естественно, среди европейских стран, и в этом списке она 11-ая, 10-ой упоминается Фракия Χερρόνησος (или Χερσόνησος), 12-ой – Греция, точнее, Эллада. Для сравнения отметим, что в «Географии» Птолемея Македония является 13-ой страной, 12-ой – Фракия, 14-ым Эпир (Ἰπτερος или Ἀρερος)⁴. «Ашхарацуйц» располагает Македонию восточнее Греческого моря (Ионическое море), несмотря на то, что в начале своего возникновения

¹ Более подробно см. *Анания Ширакаци*. Избранные труды. Ашхарацуйц. Ереван, 1979. С. 274 (на арм. яз.); Армянская география VII века по Р.Х. Текст и перевод издал *Патканов К.П.* СПб., 1877. С. 22; *Еремян С.Т.* Армения по «Ашхарацуйц»-у (Армянской географии VII века) (Опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе). Ереван, 1963; *Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte Arménien, traduit en français par le P. Soukry A. Mékhitariste*, Venise, 1881; *Акопян А.А.* «Ашхарацуйц» VII века Анонима, Научно-критический оригинал // Андес амсорья. Ереван-Вена, 2015, С. 35-194; *The Geography of Ananias of Širak («Ašxarhacoyc'»)*. The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by *Hewsen R. H.* Wiesbaden, 1992.

² *Даниелян Э.Л.* Политическая история Армении и армянская апостольская церковь (VI-VII вв.). Ереван, 2000, С. 31 и след. (на арм. яз.).

³ *Мовсес Хоренаци*. История Армении. Ереван, 1990. Кн. I, Гл. 8, 32, II, 1-4 и дал. (пер. с древнеарм. на рус. Г.Х. Саркисяна).

⁴ *Ptolemaios*. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch: Einleitung, Text und Übersetzung, Index / Herausgegeben von *Stuckelberger A. und Grabhof G.* 1 Teil. Einleitung und Buch 1-4. S. 333, 348.

страна не имела туда выхода. Рядом находились, согласно источнику, Далматия (лат. *Dalmatia*) и Фракия, а на юге располагалась Эллада¹.

Поскольку при описании Греции ее политическое состояние излагается более подробно, постольку в «Ашхарацуйц»-е не указывается, до какого места в южном направлении доходила античная Македония. Любопытен факт, что авторы дают как первичные (естественные) границы этой страны, существовавшие до Филиппа II (на древнегреч. Φίλιππος, его имя, а также имена предшествующих и последующих правителей в тексте «Ашхарацуйц»-а отсутствуют) и после его завоеваний, когда полуостров Халкидика был завоеван и вошел в состав Македонии². Однако здесь ничего не говорится о Македонско-Греческом объединенном государстве. Если политическое описание этого вопроса отсутствует, то довольно подробно он упомянут в географическом аспекте. В «Ашхарацуйц»-е в этом ракурсе упоминается следующее: «Македония имеет шесть горных хребтов, один из которых Китарион, а другой Олимбиоз (Ὀλύμπιος Олимп, ныне греки называют Элимпос - *A.A.*), также имеет шесть очень больших рек, тридцать провинций и шестнадцать городов»³.

Естественно, если сравнить наше первое упоминание о границах Македонии с данным упоминанием, крохотная Македония до Филиппа II не могла бы иметь столько гор, полноводных рек, такое число провинций и городов. Македония до Филиппа II была единым целым без каких-либо административно-территориальных делений, либо об этом просто нет никаких упоминаний. Однако после завоевания Филиппом Греции Македония могла бы иметь даже более 30-и провинций. К сожалению, греко-римские историки не говорят о делениях после завоеваний Филиппа II на Балканском полуострове. Получается, что о едином греко-македонском царстве и его административно-территориальном делении мы находим сведения именно в «Ашхарацуйц»-е.

Античные историки единогласно особое внимание уделяют делениям Македонии после Третьей Македонской войны (171-168 или

¹ *Акопян А.А.* Указ. соч. С. 84. См. также *Шофман А.С.* История античной Македонии. Ч. 1. Казань, 1960. С. 50 и дал.; *Before Alexander: Constructing early Macedonia / Publications of the association of ancient historians*, 6 / Ed. E.N. Borza. Claremont, 1999. P. 27-50; *A companion to ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman, J. Worthington.* Oxf., 2010. P. 127-145.

² *Акопян А.А.* Указ. соч. С. 84; *Before Alexander: Constructing early Macedonia.* P. 51-74; *Macedonian legions. Studies in ancient macedonian history and culture / Ed. T. Howe, J. Reames.* Claremont, 2008. P. 17-30.

³ *Акопян А.А.* Указ. соч. С. 84.

167 г. до н.э.), когда римляне поделили страну на 4 округа после битвы при Пидне в 168 г. до н.э.¹ От Македонии тогда была отделена Пеония, которая находилась на севере. Что касается шести горных хребтов, то после завоеваний Филиппа их могло быть и больше, и кроме гор Пангея (ныне Пирнар), богатых золотом, в состав древней Македонии вошли горы Скард, Орбел (ныне Аргентаро), Керкина (Κερκίνη – Керкина на границе с Пеонией)², отроги Дисора (ныне Велице-Пленина) и многие другие. Это все имело место на севере Македонии, не говоря о горных массивах в самой Греции.

Среди высот (пиков) авторы «Ашхарауиц»-а выделяют Олимп и Китарион. Об Олимпе Мовсес Хоренаци упоминает и в своей «Истории Армении»³. Что касается Китариона, то, вероятно, здесь речь идет о горной цепи на юго-западе Македонии в области Пиерия (Πιερία или Πιερή), которая являлась излюбленным местом прожизания греческих муз и одновременно была родиной Орфея (Ὀρφεύς - Орфей жил в селеении Пимплея). Название этих гор происходит от слова Κίταρις, о котором упоминает Плутарх. Так называли остроконечные головные уборы персидских царей⁴.

После завоеваний Филиппа Македония, которая раньше являлась государством с сельским образом жизни, превратилась в урбанизированную страну⁵. Кроме первой столицы (город Эги - на греч. Αἴγαί), которая находилась в округе Эмотия и стала усыпальницей македонских царей, и города Пеллы (на греч. Πέλλα, на македонском означает камень), в состав государства вошли области Фессалия, Фракия, Иллирия, Халкидика, Мезия и т.д. Из городов следует упомянуть Пляменнос, Гиртон, Краннон, Гомоли, Осса, Дион, Халастра, Мефонф, Аллор и др.⁶

Далее в «Ашхарауиц»-е есть сведения о природных богатствах этой страны, о белом и зеленом мраморе. Географическая широта Македонии по «Ашхарауиц»-у составляет 5 градусов, а долгота – 7⁷. Македония вместе с Грецией находится между 36-42 градусами север-

¹ A companion to ancient Macedonia. P. 225-250.

² Thuc. Hist. II, 98, 1. Не следует путать с Κέρκινα (город находился на одноименном острове в заливе Малый Сирт в северной Африке, согласно Плутарху. См.: Plut. ВР. Dio, 25.

³ См.: Мовсес Хоренаци. I, 6.

⁴ См.: Плутарх. Биографии Кира Великого, Кира Младшего и пр.

⁵ См.: A companion to ancient Macedonia. P. 166-185

⁶ См.: Страбон. География в 17 книгах. М., 1994, С. 302 и дал. (Фрагменты книги VII); Ptolemaios. III, XIII, § 4 и дал.

⁷ Аколян А.А. Указ. соч. С. 84.

ной широты, то есть, в этом вопросе ошибку на один градус можно считать незначительной для географических знаний того времени. Что касается долготы, то после завоеваний Филиппа II от Иллирии до западной Фракии, то есть, с севера восточного побережья Фракийского моря Македония уже находилась между меридианами 19-25 градусов восточной долготы. У Птолемея северная широта оставляет 45-51 градусов, восточная долгота - 41-38 градус¹. Если широта у Птолемея соответствует границам после завоевания Филиппа II, то долготу он представляет согласно границам дофилипповского времени. Таким образом, в этом вопросе у Птолемея наблюдается явный анахронизм, и «Ашхарауцц» «исправляет» эту ошибку.

Итак, благодаря «Ашхарауцц»-у мы дополняем не только наши знания о дофилипповской и постфилипповской Македонии, но и имеем возможность исправить неточности и недоразумения, наличествующие в «Географии» Птолемея, так как именно этот труд являлся главным первоисточником для изложения «Ашхарауцц»-а – ранне-средневекового армянского историко-географического труда.

СНАРЯЖЕНИЕ ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И БАЛКАН В РИМСКОЙ КОННИЦЕ ПЕРИОДА ПРИНЦИПАТА.

И.А. Астахов (Тула)

Отсутствие эффективной собственной кавалерии всегда было большим минусом для римской армии. Решать эту проблему приходилось с помощью найма во вспомогательные войска представителей народов с развитой конницей, в том числе, жители Балкан и Причерноморья (фракийцы, сарматы). Имея собственное представление о тактике и вооружение, такие народы, будучи частью римской армии, продолжали использовать «родные» им элементы снаряжения, оставляя большое множество археологических и эпиграфических источников в разных уголках империи. Такое положение дел дает нам право говорить о сильном влиянии, которое оказывали эти народы на римское военное дело.

Ключевые слова: Римская империя, кавалерия, сарматы, фракийцы.

EQUIPMENT OF BARBARIAN PEOPLES OF THE BLACK SEA AND THE BALKANS IN THE ROMAN CAVALRY OF THE PRINCIPATE

I.A. Astakhov (Tula)

¹ См.: *Ptolemaios*. III, XIII, § 3 и дал.

Lack of effective own cavalry has always been a big problem for the Roman army. To solve this problem had to help in the recruitment of auxiliaries representatives of the peoples of the advanced cavalry, including the inhabitants of the Balkans and the Black Sea (the Thracians, Sarmatians, Roxolana, Yazygs). With proper understanding of the tactics and weapons, such people, being part of the Roman army continued to use the "native" elements of the equipment, leaving a great many archaeological and epigraphic sources in different parts of the empire. This situation gives us the right to talk about the strong impact that these people on a Roman military affairs.

Tags: Roman Empire, cavalry, Sarmatians, Thracians.

Древнеримское государство всегда блистало своей этнической многогранностью. Огромное количество совершенно разных народов, каждый со своей культурой и особенностями, были частью Римской империи. Все эти народы активно участвовали в жизни страны, интегрировались в различные общественные и экономические процессы.

Процессы, происходившие в военном деле в эпоху принципата, имеют особое значение и смысл. Народы, оказавшиеся под властью Рима, первоначально вступили в контакт с новой властью путем интегрирования в военные институты. Конечно, римские легионы пополнялись только из граждан Рима, представители варварских народов туда не допускались. Однако римская военная машина имела ряд недостатков, главным из которых являлась слабость кавалерии, численный состав которой в римской армии традиционно был небольшим. Решалась эта проблема путем привлечения союзнических или наемных конных формирований во вспомогательные войска¹. Как правило, это были представители либо полностью подчиненных, либо вассальных народов². Постепенно они полностью вытеснили этнически римскую кавалерию и стали на постоянной основе набираться в войска³.

Первоначально эти формирования сражались в полностью своей, традиционной для их этноса, экипировке, вооружаясь своим оружием, используя свою тактику. В период поздней республики и ранней империи, после реформ Гая Мария, Юлия Цезаря и Октавиана Августа, произошла реорганизация римской армии и всех её составных ча-

¹ *ЛеБож Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 36.

² *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 97.

³ *Rankov B.* The Late Republic and the Principate: Military forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. II / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. 33.

стей¹. Была введена классическая организация легиона по центуриям, осуществлена унификация вооружения легионеров и вспомогательных частей армии. Эти мероприятия не обошли стороной и римского кавалериста. Меч *spatha*, древковое оружие *hasta* или *contus*, щиты *parma* или овальный *thureos*, шлем типа «Коолю-Хагенау», а также кольчужный или кожаный нагрудный панцирь – вот стандартный вид конного воина эпохи принципата (Josephus, BJ., III, 5, 5, 96). Однако не всегда всадники следовали подобному стандарту. Как и прежде, различные этнические группы в римской армии пытались сохранить свою идентичность, используя отдельные части традиционного для них вооружения, о чем можно судить по данным археологии и произведениям изобразительного искусства.

Степные воины (сарматы), находившиеся на службе Рима, даже за тысячи километров от своей родины довольно активно пытались сохранить свои традиционные виды вооружения². Надгробие всадника сарматских вспомогательных войск из лимеса Дева-Виктрикс в Римской Британии, датируемое II в. н.э., демонстрирует нам экипировку воина кочевого племени: конический шлем сарматского типа, чешуйчатый доспех, доходивший почти до колен воина, с рукавами, выполненными с помощью той же техники и достигавшими локтей, а также кинжал, закрепленный на бедре с помощью двух пар крылышек с кожаными ремешками. Все это является типичным образчиком сарматского всадника³.

Интересный шлем происходит из селения Остров в Румынии: высокий, сходный формой с фригийским колпаком, при этом верхняя часть загнута и оформлена как стилизованная голова орла. Вся поверхность гребня шлема покрыта тисненым узором, изображающим орлиные перья. Изделие датируется началом 2-й половины II в. н.э., временем правления Антония Пия, и имеет сарматское происхождение. Вероятно, оригинальная сарматская версия побывала в руках римского кузнеца-оружейника, после чего была украшена узором из области классического наследия Греции и Рима: бог Марс, голова Медузы, Диоскуры на нащечниках⁴, что говорит в пользу использования этого экземпляра всадником римской армии.

¹ Парфенов В.Н. Профессионализация Римской армии и Галльские войны Цезаря // Античный мир и археология. № 2. Саратов, 1974. С. 72-89.

² ЛеБож Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 37.

³ Д'Амато Р. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н.э. – 292 г. н.э. М.: Эксмо, 2012. С. 231.

⁴ Там же. С. 227.

Из могилы во фракийской Визе (Стамбул) был поднят шлем фракийского вождя, датированный 45 г. н.э. Снабженное забралом в виде маски изделие имеет форму кавалерийского шлема аттического типа I столетия¹. Оно обильно покрыто чеканным тиснением, надбровная пластина украшена узором в виде бровей, а по выдавленному по металлу орнаменту в виде волос пролегает ряд стилизованных дубовых листьев, тогда как на маске отчетливо видны тисненные нащечники².

Среди подразделений римской армии выделяются части, именуемые *kontarioi*. Упоминая о них, Арриан говорит о несении ими особенного тяжелого копья сарматского происхождения (Агг., Такт. 4.3). Такие подразделения римлянам, по-видимому, пришлось создать во время Дакийских войн в поисках ответа на угрозу со стороны сарматской кавалерии роксоланов и языгов. Сармато-фракийская элитная конница, уже заметно эллинизированная, хотя и сохранила свои традиционные черты, быстро сделалась ядром таких *kontarioi*, как показывает могильный холм I века н.э. в селении Хаталка, Болгария. Там нашел место упокоения всадник отборной римской конницы фракийского происхождения, похороненный вместе со всем снаряжением, включая и конскую сбрую³. Археологи датируют погребение отрезком времени между последней четвертью I в. н. э. и 1-й половиной II в. н.э.

Оборонительное вооружение из захоронения в Хаталке включало: бронзовый шлем *kassis* с маской, выполненный в соответствии с греко-римской традицией, украшенный лавровым венком; металлическое латное ожерелье, соответствующее фракийско-македонской традиции, изготовленное из толстого железа, цилиндрической формы с прикрепленными к нему фрагментами кольчужного полотна; армированные штаны, достигавшие в длину примерно 1 м и представлявшие собой уплотненную цветистую основу, снабженную в швах чешуйками – по сути, три различных панциря (кольчужный, чешуйчатый, пластинчатый), по сути дела, идентичные элементам доспехов роксоланских катафрактов с колонны Траяна⁴. Наиболее интересным из наступательного вооружения является пара мечей с характерными золотыми

¹ Негин А.Е., Кириченко А.А. К вопросу о боевом применении шлемов с масками в Римской армии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5 (1). 2013. С. 245–253.

² *Robinson H. R.* The armour of Imperial Rome. London. 1975. P. 118.

³ Д'Амато Р. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н.э. – 292 г. н.э. М., 2012. С. 239.

⁴ Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. №3. С. 256-269.

и серебряными украшениями, выполненными в типично сарматском стиле с изображением на гарде одного меча фигуры пантер, а на эфесе другого меча ветви плюща. В длину они достигают 90 см. Плоская золотая головка эфеса одного из мечей украшена орнаментом в виде сарматского племенного символа, тамги, который также виден на золотых и серебряных пластинах ножен, декорированных в сарматском зооморфическом стиле. Также в захоронении находились наконечники двух копий и 55 простых наконечников стрел в колчане¹. Такое снаряжение, особенно защищенные металлом штаны, демонстрируют сильное сходство с арсеналом сарматских всадников². Отчетливо прослеживается нить взаимоотношений между романизированной фракийской военной знатью, состоявшей на службе у Рима и сарматской аристократией, сочетавшей применение длинного копья с упругим составным луком, как можно наблюдать на колонне Траяна³.

Чешуйчатые металлические доспехи использовались также довольно широко. Стелы и монументы вместе с подобными памятниками из всех уголков Империи изобилуют изображениями конницы в защитной чешуе, тогда как из захоронения в Визе удалось поднять целый панцирь, собранный из маленьких бронзовых чешуек⁴. Монумент Адамкиси, терракотовая фигура из Альба-Юлиа и скульптурные источники времен Марка Аврелия, арка Галерия – все это демонстрирует воинов конницы в доходящих до бедра железных и бронзовых чешуйчатых доспехах⁵. Данный факт может поставить нас перед двумя возможными вариантами объяснения данного явления: либо подобный доспех стал настолько популярен среди всадников Рима, что через столетие его стали использовать воины по всей Империи; либо вспомогательные отряды, состоящие из сарматов и фракийцев, были разбросаны по разным уголкам Римской империи и продолжали использовать традиционное для них снаряжение. Наиболее вероятным представляются оба варианта в равной степени.

Конский металлический доспех – *munitus equus*, характерный для всадников кочевых народов, так же, как и нагрудные панцири, со-

¹ *Д'Амато Р.* Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н.э. – 292 г. н.э. М., 2012. С. 241.

² *Симоненко А. В.* Шлемы в комплексе вооружения сарматов и поздних скифов // *Материалы Международной конференции 2-5 сентября 1998 г.* СПб., 1998. С. 164.

³ *Rossi L.* Trajan's Column and the Dacian Wars. Ithaca, 1971. P. 121.

⁴ *Д'Амато Р.* Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н.э. – 292 г. н.э. М., 2012. С. 233.

⁵ *Robinson H. R.* The armour of Imperial Rome. London, 1975, pl. 452.

стоял из прямоугольных железных пластинок. Подобную броню можно увидеть на колонне Траяна¹, а также на надгробии Трифона из Пантикапей².

Важным, чисто кочевым элементом, ставшим частью римского военного дела стал штандарт в виде «ветроуказателя», называемый draco и состоявший из разноцветного корпуса-кишки, к которому крепились или бронзовая голова змеи, или восточный Симвург – хищная птица с чертами льва или собаки. Когда через кишку проходил воздух, он как бы шипел на ветру (Агг. Таст. 35.3). Луций Флавий Арриан, в своем трактате «Тактическое искусство», описывая hippika gymnasia, сообщает, что соревнующиеся римские всадники используют draco в своих состязаниях для того, чтобы придать им красочности (Агг. Таст., 35, 2). В Нидербибере, в Германии, была обнаружена передняя часть штандарта в виде позолоченной драконьей головы³. На колонне Траяна располагается до 20 различных изображений штандарта draco, причем в различных вариациях, как в классическом виде, с головой дракона, так и с собачьей головой⁴.

Помимо стандартных римских мечей gladi и spatha, которыми пользовались, как пехотные соединения, так и кавалерийские, нередко применялось неримское оружие. Так при раскопках Виндониссы, Швейцария, был обнаружен фракийский меч всадника римской вспомогательной конницы, датируемый I–II вв. н.э.⁵ Характерной чертой этого меча является односторонняя заточка, что было не характерно для колющего gladi и обоюдоострого spatha. Длина меча достигает 60 см, он имеет слегка изогнутую форму, напоминающую по виду греческую махайру. На могильной плите с территории Боснии и Герцеговины, датируемой I–II вв. н.э., также присутствует подобный вид оружия. На плите изображен всадник в шлеме, визуально напоминающем шлем типа Вайзенау, тунике, щитом, похожим на пехотный scutum и мечом, визуально напоминающим меч из Виндониссы⁶. Это дает нам повод думать о том, что всадник, похороненный в этом погребении, был либо

¹ Rossi L. Trajan's Column and the Dacian Wars. Ithaca, 1971. P. 135.

² Negin A. E. Sarmatian cataphractts as Prototypes for Roman Equites Cataphractarii // IRMES. № 9. 1998. P. 68.

³ Негин А.Е. О заимствовании римлянами драконообразных штандартов // Наш «Анабасис». Сборник научных статей студентов, магистрантов и аспирантов. Выпуск 3. Н. Новгород, 2005. С. 40–45.

⁴ Rossi L. Trajan's Column and the Dacian Wars. Ithaca, 1971. P. 139.

⁵ Д'Амато Р. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н.э. – 292 г. н.э. М., 2012. С. 222.

⁶ Там же.

фракийцем, на службе Римской империи, либо человеком, ценящим фракийское вооружение.

Помимо чисто варварских элементов снаряжения конного воина, которые, так или иначе, использовались различными подразделениями римской армии, в восточной части империи все ещё были распространены эллинистические традиции военного дела. Кожаные «мускульные» доспехи со шлемами аттического и фракийского стиля и круглым щитом, как представляется, служили защитным снаряжением воинов конницы, которые занимались охраной приграничных восточных районов империи. Это демонстрируется на керамическом фрагменте из Монс-Клаудианус¹.

Эллинистические традиции продолжали господствовать в одежде и вооружении стран и земель, находившихся под греческим влиянием. Если верить Арриану, панцири в *hippika gymnasia* не использовались (Арг. Такт. 3.5). Вместо них использовались характерные киммерийские туники – алье, пурпурные или разноцветные. Такие туники хорошо известны по римским изображениям боспорцев, скифов, амазонок и фригийцев, которые, когда возможно рассмотреть, представляют собой разноцветные рубахи с длинным рукавом². Подобные рубахи одеты на Митре-тавроктоне и дадофоре, изображенных на фресках из митреума в Капуа, датируемые II–III вв. н.э.³ Там же изображены классические скифо-сарматских штаны *anaxyrida*, о которых упоминает Арриан, плотно облегающие ногу, в отличие от мешковатых парфянских *sarabara* (Арг. Такт. 34.7).

Таким образом, мы видим, что влияние неримских народов на военное дело и снаряжение всадников империи было очень сильным. В одних случаях, особенным, этническим, вооружением пользовались вассальные народы на службе Рима (сарматы, фракийцы). Иногда наряду с римскими элементами вооружения они использовали отдельные «родные» предметы, а иногда пользовались целиком своим снаряжением. В других случаях неримские элементы снаряжения перенимали сами римляне или другие народы на службе Рима, не имеющие ничего общего с подобными предметами. То, с какой скоростью различные предметы распространялись по империи, является четким примером того, какое влияние оказывали вассальные народы Рима на римское военное дело.

¹ Breeze J.D., Jilek, A. *Frontiers of the Roman Empire*. Edinburgh, 2005. P. 38.

² Robinson H. R. *The armour of Imperial Rome*. London, 1975. P. 161.

³ Д'Амато Р. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н.э. – 292 г. н.э. М., 2012. С. 236.

УЗУНЛАРСКИЙ ВАЛ КАК ОДНА ИЗ ГРАНИЦ БОСПОРА. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ

А.А. Супренков (Москва)

Статья посвящена Узунларскому валу - древнему земляному оборонительному сооружению в Восточном Крыму. В ней изложена краткая история изучения этого объекта археологии, а также представлены предварительные результаты новейших раскопок автора.

Ключевые слова: античная археология, Восточный Крым, Боспор.

OUZOUNLAR VAL COMME UNE DES FRONTIERES DE BOSPOR. HISTOIRE DES RECHERCHES ET RESULTATS DES DERNIERES FOUILLES

A.A. Suprenkov (Moscow)

Cet article est consacré à Ouzounlarsky val – un ancien objet archéologique à l'est de la Crimée. L'auteur a décrit bref l'histoire des recherches de cet objet et a présenté le résultats préliminaires de ces fouilles de cet année là.

Mots-clé: archéologie antique, l'est de la Crimée, Bospor.

Узунларский (Киммерийский, Аккосов) вал в Восточном Крыму является одним из древнейших и наиболее впечатляющим земляным погранично-оборонительным сооружением на юге России. Это самый крупный и протяжённый среди валов Керченского полуострова. Его длина составляет чуть менее 35 км, и он фактически простирается от Азовского моря до Чёрного, отгораживая восточную часть полуострова от остального Крыма. О валах и рвах на этой территории было ещё известно ещё в V в. до н.э. Известная легенда, изложенная Геродотом [Herod., IV, 3], сообщает о широком рве, который, защищаясь от скифов, выкопали потомки их «слепых рабов» от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Часть исследователей полагала, что в этом пассаже речь и идёт об Узунларском вале. Однако в ходе многолетних работ Восточно-Крымской археологической экспедиции, по результатам которых вышла специальная монография, А.А. Масленникову вроде бы удалось установить, что вал сооружался позже V

в. до н.э.¹ В этой же его книге подробно изложена история изучения Узунларского вала. Скажем о ней коротко.

Следующее после Геродота свидетельство древних авторов принадлежит Страбону [Strabo, IV, 6], и относится уже к I в. до н.э., к периоду правления боспорского царя Асандра. В тексте говорится, что этот правитель построил стену вблизи Меотиды и воздвиг на ней башни. Археологические исследования убедительно доказали существование упомянутых построек именно на Узунларском валу (см. ниже).

Затем интересующие нас архивные сведения появляются только в конце XVIII в. после присоединения полуострова к России. Вал упоминался в записках путешественника Жильбера Ромма. Академик П.С. Паллас описал его довольно подробно, и предположил, что он мог служить границей между владениями Боспора и Херсонеса. Упоминается он также П. Сумароковым, французом И. Релли и англичанином Кларком. На топографические военные карты XIX в. Узунларский вал уже нанесён и фигурирует под названием Аксан-Темир-Индек.

Первые же стратиграфические исследования вала были осуществлены в 1927 г. И. Бларамбергом. Позднее архитектором Шмаковым и полковником Рябовым были сделаны его замеры. Разрезы Бларамберга выявили остатки каких-то стен и башен (?) и было предложено датировать вал периодом после правления Спартока II, хотя о каких-либо находках он не упоминал. Автор также полагал, что в IV в. н.э. он мог служить границей между владениями Боспора и Херсонеса, В это же время вал под наименованием «Асандров вал и ров» попадает в «Описание древних стен и замков, находящихся в крепостях и неукреплённых местах инженерного ведомства», составленным инженер-капитаном Штиром.

Дюбуа де Монтперо отметил этот вал, назвал его «Аккосов» и предположил, что его воздвигли киммерийцы для защиты от скифов, а впоследствии он был укреплён боспорскими греками. В поздний же период служил границей Боспора и Херсонеса, о чём свидетельствовал ещё Константин Багрянородный. Одновременно с ним путешественник А. Демидов коротко упомянул вал, и предположил, что он быть возведён на финальной стадии существования Боспорского царства.

А. Ашик в «Боспорском царстве» называет этот вал «вторым», считая от Керчи, а в соответствующей главе «Древностей Боспора Киммерийского» есть указания на какие-то раскопки (уже после Бларамберга(?)). Наконец автор статьи о древностях Феодосии Е. Мю-

¹ Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003. С. 205.

ральт не обходит своим вниманием и Узунларский вал, дав его краткое описание.

Интересующий нас объект указан на путеводителе по древностям Крыма Ю. Фабра и на «Карте Таврической губернии 1865 г.».

Уже в XX в. директор Керченского музея Ю.Ю. Марти раскопал какой-то курган возле Марфовки, находящийся в линии вала. После войны в 1951 г. В.Ф. Гайдукевич осматривал примерно это же место и описал высокий до 5-и метров курган, на верхушке которого в военной яме или воронке было множество костей. Это дало ему возможность предположить, что здесь стояла башня, а поскольку в валу напротив этого места был проезд, то здесь могла проходить древняя дорога. Исследователь считал, что вал был возведён в конце V в. до н.э., в период начала расцвета Боспорского царства.¹ К сожалению, раскопки на этом участке не производились.

Приблизительно в это же время работал на валу и В.Д. Блаватский.² Он делал разрезы вала в районе Феодосийского шоссе и предположил, что он мог служить существенным препятствием для неприятельской конницы. Автором также измерялись размеры вала на разных участках. В этот же период вышло несколько статей, посвящённых боспорским валам, таких исследователей как Н.Э. Шмидт, К.Э. Гриневич и Н.И. Сокольский.

В 80-х гг. прошлого столетия охранные раскопки на Узунларском валу проводились Северо-Крымской экспедицией ИА НАНУ при строительстве Северо-Крымского канала в долине Эль-Шенгель. В их ходе было сделано 13 разрезов-раскопов. Результаты работ были изложены в специальной статье Б.С. Мосейчука.³

В 80-90-х гг. в своих статьях и диссертациях Узунларский вал упоминали В.П. Толстикова, В.С. Ольховский, В.Э. Яковенко.

В конце столетия Южно-Боспорской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ в ходе охранных работ был сделан ещё один разрез вала. В результате этих работ С.Б. Ланцовым и В.К. Голенко вроде бы было подтверждено предположение, что в IV в. н.э. вал служил границей между владениями Боспора и Херсонеса.⁴

¹ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 71.

² *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 102-103.

³ *Мосейчук Б.С.* Аккосов вал. КСИА № 174. М., 1983. С. 74-77.

⁴ *Ланцов С.Б., Голенко В.К.* О западной границе Боспора в IV в. н.э. (по материалам археологических исследований 1999 г.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 177-181.

Чуть позже Крымский филиал опять же проводил охранные раскопки на валу южнее феодосийского шоссе. По их результатам авторами было предположено, что он мог быть сооружён в IV-III вв. до н.э.¹

Наконец, значительную роль в изучение Узунларского вала сыграли уже упомянутые работы ВКАЭ под руководством А.А. Масленникова, которые в общей сложности велись более 10 лет. Совместно с С.Л. Смекаловым исследователем были уточнены его географические особенности и сделаны привязки при помощи системы GPS. В ходе разведочных работ в линии вала было обнаружено не менее 10 старинных разрывов-проездов фланкированных курганообразными насыпями. Вообще же курганов, расположенных в непосредственной близости от вала, было осмотрено около 30. Они расположены неравномерно и не всегда стоят напротив проходов. Затем на некоторых участках вала были заложены раскопы. В 2000 г. был сделан разрез вала в районе с. Белинское, а в 500 м в стороне от него была раскопана хорошо сохранившаяся башня 2-й половины I века до н.э., на которой автору посчастливилось работать, ещё будучи студентом 5-го курса.

В ходе раскопок было найдено множество артефактов, которые позволили уверенно датировать постройку временем Асандра, что фактически явилось археологическим подтверждением текста Страбона. Год спустя напротив неё за проездом был раскопан ещё один археологический объект - «стена», где автор дебютировал уже в качестве начальника раскопа. В целом по результатам работ А.А. Масленников был склонен полагать, что, скорее всего, вал был сооружён в начале III в. до н.э.²

Отметим отдельно один момент работ ВКАЭ этого периода. Обследуя участок к югу от городища Савроматий, А.А. Масленников описал один из участков вала, где за проездом в его линии располагался большой курган высотой до 5 м. Исследователь предположил, что в этом месте был расположен какой-то важный «узел» линии обороны.

Много лет спустя, осенью 2015 г. автор этой статьи посетил указанный участок уже в качестве начальника охранный археологической экспедиции ИА РАН. Было проведено обследование памятников археологии, попадающих в зону строительства газопровода Краснодарский край – Крым. А затем, в мае сего года в этом месте Узунлар-

¹ Колтухов С.Г., Труфанов А.А., Ужинцев В.Б. Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала // Древности Боспора. 6. М., 2003. С. 180.

² Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003. С. 208-210.

ского вала начались масштабные раскопки на площади более 8000 кв. м., которые продолжаются и по сей день.¹

В первый же месяц работ на вершине кургана была выявлена античная каменная башнеобразная конструкция неплохой сохранности. К востоку от неё находился хозяйственный двор с ямами, которые содержали многочисленные артефакты. К западу же от башни за линией вала находился большой оборонительный ров толщиной и глубиной до нескольких метров.

На участке, где был проезд в линии вала, было открыто грандиозное археологически-архитектурное сооружение, оформлявшее древний проезд через линии рва и вала. Он был оформлен с обеих сторон «воротами», сооруженными из необработанных и обработанных рустованных известковых блоков. Ширина выявленных кладок достигала 3 м при высоте до 5.

Выявленная конструкция, *«Боспорские ворота»*, является уникальной для сельской фортификации Боспора и наиболее масштабной среди подобных, известных в Северном Причерноморье.

Погребение же, расположенное под курганной насыпью и представленное кольцевой каменной конструкцией, увы, оказалось разграбленным и содержало только разрозненные кости и фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы. Зато среди нескольких открытых погребений, впущенных в линию рва, была найдена женская могила античного времени, содержащая целые кувшин и тарелку, бронзовое зеркало, бусы и серьги, принадлежавшие хозяйке при жизни.

В ходе раскопок уже собрана внушительная коллекция древних артефактов, которые в настоящий момент находятся в обработке, а позднее пополнят коллекцию Восточно-Крымского музея-заповедника. Среди коллекционных вещей встречались бронзовые и железные наконечники стрел, граффити на амфорных стенках, бронзовые браслеты и фибулы, монеты, бусины, целые керамические светильники и посуда.

Массовый материал был представлен большим разнообразием фрагментов амфор, произведённых на Боспоре и импортных таких центров как Хиос, Фасос, Синопа, Гераклея, Менда, Кос, Родос, Икос, Колхида, а также множеством фрагментов глиняной посуды. Предметы имеют широкую датировку.

¹ В настоящий момент работы завершены наполовину. В связи с этим мы не даём пока в нашем предварительном сообщении никаких окончательных интерпретаций и датировок.

На сегодняшний день самая ранняя из вещей – ножка хиосской амфоры 2-й четверти V в. до н.э.¹ (!) Поздние же относятся ко II в. н.э.

Продолжение работ и анализ результатов, возможно, позволит уточнить время сооружения Узунларского вала и раскрыть одну из наиболее удивительных загадок в истории Восточного Крыма.

Рис. 1.

«Боспорские ворота» на Узунларском валу.

Авторы снимков: А.А. Супренков, К.М. Морозов, Н.Ю. Требухина.

¹ *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. - Саратов, 2003, табл. 6.

САРМАТО-ИРАНСКАЯ ДИНАСТИЯ НА БОСПОРЕ¹

С.В. Ярцев (Тула)

Статья посвящена истории борьбы за власть в Боспорском царстве представителей сармато-иранской династической линии. По мнению автора, цари указанной династии были связаны, как непосредственно с иранским миром, так и с сарматскими племенами, включая прославленный род сарматских царей Фарзоя и Инисмея. Именно это обстоятельство было использовано римлянами при изменении своей военно-политической стратегии в середине II в. н.э. с целью возведения в Северном Причерноморье эшелонированной буферной зоны империи с опорой на союзные сарматские племена. Однако, вскоре кризисные явления в Северном Причерноморье в III в. н.э. привели к разрыву союзнических отношений между поздними сарматами и Боспором, и отстранению от власти царей сармато-иранской династии. В ходе дальнейших событий, отдельные представители этой династии пытались вернуть власть в государстве. Именно в этот период, как считает автор, на Боспоре знак Посейдона стал превращаться в главный символ царской власти и ее сакральной поддержки.

Ключевые слова: Боспорское царство, Римская империя, римская военно-политическая стратегия, сармато-иранская боспорская династия.

SARMATIAN-IRANIAN DYNASTY IN BOSPORUS

S.V. Yartsev (Tula)

The article is devoted to the history of the struggle for power in the Bosphorus kingdom of the representatives Sarmat-Iranian dynasty. These kings were associated with the Iranian world and the Sarmatian tribes, including the famous Sarmatian kings Farzoy and Inismey. This fact was used by the Romans when changing their military and political strategy in the middle of the II century BC. The aim of this strategy was the construction of layered buffer zone empire building on Allied Sarmatian tribes in the northern Black Sea Region. Soon the crisis in the northern Black Sea Region in the III c. BC led to the rupture of relations between allied late Sarmatian and the Bosphorus. The kings Sarmato-Iranian dynasty were removed from power. In the course of further developments, some representatives of this dynasty tried to regain power in the state. During this period Poseidon sign began to turn into the main symbol of royal power and its sacral support in the Bosphorus.

Key words: Bosphorus kingdom, The Roman Empire, Roman military and political strategy, Sarmat-Iranian dynasty in Bosphorus.

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

Тема внутривосточной борьбы в Боспорском государстве, в контексте враждующих между собою царских династий, уже не раз затрагивалась в историографии¹. Однако отдельных исследований посвященных конкретным династическим линиям или партиям на Боспоре, еще не проводилось.

Наибольший интерес, в этой связи, представляет история самой загадочной боспорской сармато-иранской династии. Ее корни уходят еще во времена Митридата VI Евпатора, при котором Боспор был присоединен к Понту в качестве наследственного владения. Противостояние Митридата с греческими полисами вынуждало царя отказаться от поддержки полисной структуры в пользу формирования царской хоры и создания на ней военно-хозяйственных поселений типа катойкий и клерухий. Известно, что с целью противодействия полисным свободам и развития подобных поселений и военно-административных областей царь и его преемники активно поощряли варваров переходить на царскую службу. Такие военные поселенцы жили на царской земле, охраняли границу, участвовали в военных походах царя, выплачивая при этом определенную ренту – налог за пользование землей². При этом Митридат VI Евпатор, заключая союзы с варварами, укреплял их династическими браками (App. Mithr., 117; Plut. Pomp., XLII), посылая, например, к тем же скифам не только дары, но и своих дочерей в жены (App. Mithr., 78, 108).

Скорее всего, уже тогда началось возвышение вождя какого-то местного племени с Азиатского Боспора (аспургиан?) по имени Асандра. Впоследствии именно ему удалось узурпировать власть и жениться на внучке Митридата VI Евпатора Динамии. Учитывая, что последняя имела тамгу, идентичный образец которой неоднократно встречен на ахеменидских памятниках Персеполя³, а ее сын от брака с

¹ *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев, 1998; *Панченко В.В.* Внутривосточная борьба в Боспорском царстве во второй половине III в. н.э. – начале IV в. н.э. // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев; Судак, 2008. С. 169-182; *Шаров О.В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеимперскую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.). Автореф. докт. дисс. СПб., 2009.

² *Сапрыкин С.Ю.* Новая митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. 2006. №2. С. 79-98; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху: очерки социально-экономической истории // БИ. Вып. XII. 2006. С. 137–139.

³ *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. С. 47.

Асандром – Аспург (так считает большинство ученых)¹, также размещал на своих монетах тамгу², то вывод Ю.М. Десятчикова, что именно Асандра необходимо считать родоначальником новой сармато-иранской династии³, представляется верным. Но если сарматские корни Асандра, посредством брака на Динамии, соединились с традициями ахеменидско-понтийской династии, то логично предположить, что и у Асандра (Асандроха?) тоже была тамга⁴. Судя по имени его сына Аспурга (КБН, 40), Асандр, скорее всего, являлся вождем именно аспургиан (Ptolem., V, 8, 17–25; Herodian Techn., VII, 180, 2; Tab. Peut., Col. 620; Steph. Byz. s.v. aspourgianoï)⁵. По сведениям Страбона, в его время они жили между Фанагорией и Горгиппией, частично затрагивая территорию Синдики (Strabo, XI, 2,11). Расселенные Аспургом⁶, возможно, вдоль дороги на Скопел, и являясь дружиной боспорского ца-

¹ *Блаватский В.Д.* О Рескупориде Первом // СА. 1976. №4. С. 58; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 15; *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 162–163; *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. 1985. №2. С. 66.

² Отдаленная аналогия данного знака, основанного на принципе зеркально отраженных и соединенных тамг, уводит нас в районы Южной Монголии. Но особая популярность тамги Аспурга наблюдалась почему-то в Южной Сибири, где у тюркоязычного населения она сохранялась вплоть до XIX века (*Яценко С.А.* Знаки-тамги ... С. 47).

³ *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 18.

⁴ Скорее всего, с тамгой Асандра можно связать один из родственных Аспургу знаков, некоторые из которых хорошо известны на рубеже эр в районе устья Кубани (*Яценко С.А.* Знаки-тамги ... С. 48).

⁵ Этимология слова восходит к иранским корням – «мощноконные» (*Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 157; *Десятчиков Ю.М.* Сатархи // ВДИ. 1973. №1. С. 143–144; *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. 1985. №2. С. 67; *Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ХСб. 1999. Вып. X. С. 210) или же «сильные» (*Десятчиков Ю.М.* Ук. соч. С. 143; *Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии ... С. 220. Ком. 39).

⁶ С ираноязычным именем, которого они в любом случае были связаны (*Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане ... С. 68). Учитывая к тому же наличие сарматской тамги у Аспурга, считать аспургиан меотским племенем (*Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // ПОНТИКА: Сб. научн. ст. В.В. Латышева. СПб., 1909. С. 104; *Молев Е.А.* Этногеографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II – первой половине I в. до н.э. // GAUDEAMUS IGITUR: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 273), не представляется возможным.

ря¹ или, что более вероятно, военными поселенцами на царской земле, аспургиане занимались земледелием, ремеслом и военным делом, обеспечивая охрану юго-восточной границы Боспорского царства².

Правда, вышеупомянутые античные авторы настойчиво называют аспургиан племенем. Однако это, по нашему мнению, не должно вызывать сомнений в их служилом статусе³, так как, с одной стороны, в рамках организации военно-хозяйственных поселений, известных еще при Митридате VI Евпаторе, расселенные на царских землях варвары обладали существенной автономией. Более того, судя по надписям (КБН, 36, 1246, 1248), аспургиане занимали отдельный территориальный округ на Азиатском Боспоре во главе со своим наместником. Указанные надписи, конечно поздние, но вряд ли ситуация во времена Аспурга сильно отличалась от последующих веков, учитывая высокую степень консолидации этих варваров, легко убивших царя Полемона⁴. Хорошо организованные и жившие, по-видимому, в крепостях или усадьбах, аспургиане вполне заслуживали определения как народа или племени, даже несмотря на вероятное смешение и неизбежную эллинизацию. То, что именно эти аспургиане являлись ближайшими родственниками правящего царя доказывает их отсутствие в царской титулатуре Аспурга среди практически полного списка подвластных племен синдов, меотов, тарпитов, торетов, псессов, танаитов, скифов и тавров (КБН, 39, 40)⁵.

Тем не менее, для решения данной проблемы, необходимо также учитывать и то обстоятельство, что аспургиане, о которых идет речь, это только часть крупного объединения варваров, перешедшая на службу боспорским царям. Не у кого из исследователей не вызывает сомнений, что аспургиане были неразрывно связаны с племенным миром меото-сарматского населения Кубани⁶. Напомним, что в это время здесь особо выделяются богатые сарматские курганные могильники зубовско-воздвиженской группы, возникшие примерно во второй по-

¹ *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // *Древности: Тр. Имп. Моск. археол. о-ва.* М., 1916. Т.25. С. 16.

² *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане ... С. 65–78; *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 372.

³ *Молев Е.А.* Этногеографическая ситуация на Боспоре ... С. 273.

⁴ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., 1949. С. 222, 316–317.

⁵ *Сапрыкин С.Ю.* Аспург, царь Боспора // *Древности Боспора.* М., 2002. Т.5. С. 212, 219.

⁶ *Медведев А.П.* О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории // *Античный мир и археология.* №17. Саратов, 2015. С. 273.

ловине I в. до н.э., и по ряду черт отличающихся от среднесарматских сиракских комплексов Прикубанья. Обычно их отождествляют с сираками¹, меотами² или даже с аланами, учитывая наличие здесь ярко выраженных центральноазиатских элементов культуры³. При этом если с аспургианами связывать обнаруженные на некрополях античных поселений и Цемдолинском могильнике погребения тяжеловооруженных воинов с мечами и копьями сопровождаемых конями, а также отдельные захоронения коней, то придется согласиться с утверждением М.И. Ростовцева, что аспургиан вывел с берегов Азовского моря или глубин Сарматии именно Аспург⁴. Ведь, судя по археологическим данным Восточного некрополя Фанагории и других античных некрополей, указанные захоронения, традиция которых уходит своими корнями в древности меотского или меото-сарматского круга, появляются на Боспоре только с рубежа эр.⁵ Хотя, как уже говорилось выше, аспургиане, по-видимому, являлись главной опорой еще Асандра, в его борьбе за власть.

Таким образом, именно ориентация новой боспорской сармато-иранской династии на варваров, позволила Боспору проводить независимую от Римской империи политику. Однако такое положение дел вступило в серьезные противоречия с римской стратегией в Северном Причерноморье, направленной в данное время на покорение всего известного римлянам мира⁶. По замыслу римлян, варвары должны были быть или полностью уничтожены или, в лучшем случае, превращены в рабов. Даже присоединенные к империи новые провинции, на этом этапе, рассматривались римлянами, как неравноправные с Италией части. Мало что могла сделать в это время и провинциальная аристо-

¹ *Смирнов К.Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 14-15; *Пуздровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ВДИ. 2001. №3. С. 104.

² *Абрамова М.П.* О погребениях зубовско-воздвиженской группы: Историко-графический обзор // Нижне-Волжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 123-128.

³ *Раев Б.А., Яценко С.А.* О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 111-125.

⁴ *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности: Тр. Имп. Моск. археол. о-ва. М., 1916. Т. 25. С. 16.

⁵ *Медведев А.П.* Об аспургианах в Фанагории // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. IV. Сб. научн. тр. К 50-летию проф. Н.Н. Болгова. Белгород, 2015. С. 66-68.

⁶ *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014. С. 88-92.

кратия, требовавшая для себя больше власти и равных с италийской знати привилегий. Вот почему в Северном Причерноморье римляне всеми силами стремились развернуть занимающее стратегическое положение Боспорское государство на проримский курс, опираясь при этом на города и полисную структуру землевладения. В варварах же, находившихся на службе царей из новой сармато-иранской династии, они видели серьезную угрозу своему влиянию. Судя по дальнейшим событиям, римляне хотели, в первую очередь, сменить боспорскую династию, поставить во главе государства своего ставленника и вернуть политику государства на проримский путь.

Таким образом, именно римляне сыграли решающую роль в событиях отстранения от власти Асандра, Аспурга и Митридата VIII и утверждения на Боспоре Полемона, Полемона II и Котиса I¹. При этом отстранить от власти представителей сармато-иранской династии римлянам удалось на довольно большой период. Впрочем, люди, принадлежащие к данной родственной группе, не исчезли полностью из поля зрения исторических источников. Так, на Почепском селище горизонта Рахны-Почеп, возникшем в результате кризиса зарубинецкой культуры и расположенном на подконтрольной царям Фарзою и Инисмею территории, неожиданно появилась преобразованная в результате зеркального отражения тамга Динамии². То, что это не случайно, свидетельствует и другой подобный факт – в сарматском погребении вблизи Ольвии, вместе с тамгой Фарзоя и другими родственными ему знаками, была размещена и тамга боспорского царя Аспурга³. По мнению С.В. Воронятова, экспансию в эти районы осуществили группировки сарматов, прочно связанные с Боспорским царством и считающие своими покровителями вышеуказанных боспорских царей⁴. Не исключено даже, что потерявшие власть представители сармато-иранской генеалогической партии могли иметь прямое отношение к нашествию в Северное Причерноморье воинства Фарзоя и Инисмея. Например, последние могли быть вызваны на помощь своим дальним родственникам, пострадавшим после поражения своего покровителя Митридата

¹ Там же. С. 92-105.

² *Воронятов С.В.* Ромб с крючками – сарматский след // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Вып. 1. С. 341-366.

³ *Симоненко А.В.* Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства // Золото, конь и человек: Сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. Киев, 2012. С. 248–249, 260–261.

⁴ *Воронятов С.В.* Ромб с крючками ... С. 351.

VIII¹. Более того, с целью воздействия на ситуацию внутри Боспорского царства, эти люди могли сознательно пойти на обострение отношений с Римской империей и использовать дестабилизацию военно-политической обстановки в Северном Причерноморье в своих интересах.

Как бы то ни было, но такое объяснение лучше соответствует странному появлению в Ольвии в указанное время, надгробий выходцев с Боспора. Так как данные надгробия официально ставились должностными лицами Ольвийского государства, то боспорцы, безусловно, относились к высшей социальной группе античного населения². Трудно, в этой связи, не согласиться с мнением А.С. Русяевой, предположившей, что в начале II в. н.э. в Ольвии осела какая-то часть сарматов вместе с боспорскими сторонниками Митридата VIII³. Попытка же доказать, что Ольвия при Траяне была отдана под протекторат боспорских царей, которые якобы послали для ее защиты войска, противоречит тому, что в тексте этих надгробий отсутствуют какие-либо упоминания воинских подразделений. Более того, один из героизированных умерших, традиционно изображенный в виде всадника, принципиально был лишен всякого вооружения⁴. В этой связи указанных боспорцев чрезвычайно трудно представить даже солдатами союзников⁵.

Представители сармато-иранской династии, судя по всему, смогли вернуть себе власть на Боспоре только в самом конце правления Риметалка (131-154 гг.) или в годы царствования Евпатора (154-171 гг.). Именно в это время на Боспоре вновь появились царские тамги сармато-иранской династии. Не вызывает сомнений, что это произошло по причине резкой смены римской стратегии в Северном Причерноморье. В середине II в. н.э. сюда прорвались с востока позднесарматские орды, что вызвало резкое обострение всей ситуации в регионе. Риметалку, а позднее Евпатору, с опорой на родственные сарматские кланы, по указанию Антонина Пия, даже пришлось участво-

¹ *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период ... С. 124-125.

² *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 70-72.

³ *Русяева А.С.* До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Одеса, 1989. С. 192-193.

⁴ *Зубарь В.М.* Северный Понт ... С. 71, рис. 32.

⁵ *Ростовцев М.И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // Известия археологической комиссии. СПб., 1915. Вып. 58. С. 12-13; *Зубарь В.М.* Северный Понт ... С. 70-75.

вать в войне против тавроскифов¹. Таким образом, основные изменения римской стратегии в Северном Причерноморье во второй половине II в. н.э. касались установления достаточно прочных союзных отношений с новыми кочевниками – представителями позднесарматской культуры².

Последнее обстоятельство вызывает неподдельный интерес, так как характер этого нового союза серьезным образом отличается от прошлого договора с Фарзоем и Инисмеем. В первую очередь, отметим, что заключения договора с сарматами удалось достичь, скорее всего, благодаря родственным связям боспорских царей – представителей сармато-иранской династии. Это подтверждает анализ тамги Тиберия Евпатора, верхняя часть которой имела отношение к клану, родственному царице Динамии, а нижняя изображала упомянутый нами выше позднесарматский «триденс»³. Появление таких знаков обычно связывают с процессом слияния тамг двух разных кланов в ходе заключения династических браков⁴ (в нашем случае – родственной между собой боспорской и среднесарматской знати и представителей позднесарматской культуры)⁵, хотя, на примере тех же германцев, сарматские тамги могли получить распространение и по причине установления союзных отношений⁶. Поэтому Евпатору, Савромату II, Рескупориду II не было необходимости брать в жены только принцесс из сарматских племен⁷ – достаточно было заключить договор с могущественным сарматским кланом, ведь через некоторых своих общих предков боспорская и сарматская знать и так уже являлись родствен-

¹ Ярецев С.В. Северное Причерноморье в римский период ... С. 162-163.

² Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э.: Локализация и политическая история // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. С. 84–85, 87; Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии ... С. 110.

³ Яценко С.А. Знаки-тамги ... С. 52.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Видимо, в этом кроется причина трудности определения происхождения переселившихся в Танаис танаитов. Если одни ученые, как уже говорилось выше, считают их выходцами из позднесарматской среды, то другие говорят о среднесарматском происхождении переселенцев (Яценко С.А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н.э. // Нижне-Волжский археологический вестник. Волгоград, 2011. Вып. 12. С. 197–213; Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (Палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д, 2011. С. 81).

⁶ Яценко С.А. Знаки-тамги ... С. 22.

⁷ Завойкина Н.В. Таваεηταλ в истории Боспорского царства // Древности Боспора. М., 2004. Вып. 7. С. 172, прим. 5.

никами. Двухсоставные тамги боспорских царей второй половины II – начала III в. н.э., по-видимому, как раз и отражают данный союз. Делая вывод по поводу значения данных тамг, С.Ю. Сапрыкин совершенно верно заметил, что в качестве царских знаков они необходимы были для того, чтобы варварские вожди или царьки воспринимали своих боспорских суверенов как своих владык, а не просто как союзников¹.

Наступление нового периода дестабилизации в Северном Причерноморье в III в. привело к разрыву союзнических отношений между поздними сарматами и Боспором. Видимо это произошло во время совместного правления Рескупорида II (211-229 гг.) и Котиса III (227-234 гг.), когда появилась тамга боспорского царя без традиционного позднесарматского «триденса»². Вскоре после этого сармато-иранская династия была отстранена от власти. Очевидно, что тяжелое внешнеполитическое положение государства, усугубилось еще и острым внутривнутриполитическим кризисом. По словам Зосима, раньше боспорские цари «имели наследственную монархию (царей, получивших власть по наследству от отца к сыну)», затем же «их царский род пресекался», и «недостойные и низкие люди встали во главе государства» (Zosim. I, 31)³. Правда, еще какое-то время, отдельные представители правящей сармато-иранской династии Инифимей и Фарсанз (видимо, не прямые потомки Рескупорида II), имена которых явно являлись производными от знаменитых сарматских правителей I в. н.э., продолжали бороться за власть. При этом тамга Инифимея относится к типу тамг сарматских царей Фарзоя и Инисмея⁴. Тамга же Фарсанза не известна, но, учитывая, что этот представитель сармато-иранской династии, мог впервые попытаться занять царский трон еще в конце 30-х гг. III в. н.э. сразу после Инифимея, то с ним вполне можно будет связать один из знаков близкородственного этому царю клана⁵. У победившего же

¹ Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Тр. ГИМ. М., 2006. Вып. 159. С. 242.

² Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 61-67.

³ Зосим. Новая история. Белгород, 2010. С. 76.

⁴ Яценко С.А. Знаки-тамги ... С. 55.

⁵ Например, знак, размещенный на сарматском зеркале из Нижнего Подунавья, где в середине III в. н.э. неожиданно появились погребальные сооружения сармат, выходцев, скорее всего, с территории Нижнего Дона. Он отличался от тамги Инифимея только удвоенной перемычкой (Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Ук. соч. С. 67-74).

Рескупорида V тамга отсутствовала, что подтверждает слова Зосима о пресечении царской династии на Боспоре.

В конечном итоге, ослабление римской власти в Северном Причерноморье и экспансия аланов, вынудили римлян перейти к поддержке прямых аланских ставленников на Боспоре (Тейрана, Фофорса, Радамсада). По всей вероятности, в сложившейся обстановке стабилизировать ситуацию в регионе, без учета аланского фактора, было уже невозможно. Тем не менее, представители сармато-аланской династии, вскоре вновь попытались вернуть себе власть в государстве.

С первой такой попыткой можно связать появление на боспорском троне в 275 г. царя Савромата IV, который перед своей гибелью, по-видимому, все же успел расселить группу варварских союзников в приазовских районах Боспора. Судьба его теряется в событиях войны с римлянами и другими своими противниками¹.

Однако реально вернуть власть представителям сармато-иранской династии удалось только в период противостояния Константина и Лициния. Именно тогда в 314-316 гг., параллельно с монетами Радамсада, неожиданно начинается выпуск монет его соправителя Рескупорида VI. Размещенная на монете этого царя 319 г. большая тамга из двух кругов и двузубца, без одного круга соответствует одной из половинок тамги царя Инисмея. На всех же остальных монетах этого царя изображалась вторая малая тамга в виде двузубца, идентичная одной из частей тамги царя Фарзоя². Очевидно, что приход к власти Рескупорида VI был связан с необходимостью срочного обеспечения воинскими отрядами своего патрона Лициния. То, что выполнить это было нелегко, свидетельствует тот факт, что чекан монет нового соправителя довольно быстро оборвался и вновь был возобновлен только после нормализации отношений между Константином и Лицинием в 317 г.³

Тем не менее, на этот раз реванш сармато-иранского клана боспорской знати, имел одну труднообъяснимую особенность. На первых своих монетах Рескупорид VI вместе с родовой тамгой специально разместил еще и изображение трезубца Посейдона, явно стараясь продемонстрировать свои законные права на престол. Своими корнями такая акция, безусловно, уходит в генеалогическую легенду, по которой предками боспорских царей считались Геракл и Посейдон, а также его сын Евмолп (КБН, 53, 980, 1048). С этой же целью, на монете

¹ Там же. С. 129-138.

² Шаров О.В. Боспор и варварский мир ... С. 28.

³ Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутковский А.Ю. Ук. соч. С. 159-160.

Рескупорида VI 318 года, как и на монетах Радамсада, уже фигурирует палица Геракла¹. Все это хорошо согласуется с тем, что один из самых известных представителей сармато-иранской династии Митридат VIII размещал на своих монетах одновременно и палицу Геракла, и трезубец Посейдона², не делая между ними различий по своей значимости для сакрализации царской власти. Данное обстоятельство противоречит предположению, что родословная на Боспоре, начиная с Митридата VIII, или даже с Митридата VI Евпатора, строго велась по двум линиям: отцовской – от Геракла и материнской – от Посейдона и Евмолапа³. Тем не менее, место дифферента на монетах Рескупорида VI после 318 года, прочно и принципиально (за редким исключением)⁴, занимает трезубец Посейдона. Конечно, это может указывать на некие разногласия в политических взглядах Радамсада и нового царя Рескупорида VI⁵. Однако наиболее вероятным объяснением такого демонстрационного разворота царя сармато-иранской династии в сторону культа морского бога, является его подготовка к отправке союзных Лицинию варваров с территории Боспора к границам владения Константина⁶. То, что их планировалось отправить именно на кораблях боспорского флота, неизбежно должно было обострить проблемы функционирования последнего в государстве. В дальнейшем вопросы, связанные с деятельностью боспорской флотилии, приобрели еще большую актуальность, так как они стали противоречить новой римской стратегии, не предусматривающей наличие сильного флота на Боспоре⁷.

Владыка морей и защитник кораблей – Посейдон, как известно, не пользовался популярностью в понтийских полисах, несмотря на то, что они были тесно связаны с морем⁸. Однако на Боспоре он считался предком правящих царей, что не соответствовало упадку морского дела в государстве при Константине и Констанции II.

Как свидетельствуют археологические источники, многие из боспорских рыбовзасолочных цистерн в IV в. оказались заброшенными

¹ *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т.1. (1834-2005 гг.). Симферополь; Керчь, 2008. С. 505-506.

² *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 151, № 327-331.

³ *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы, Святылища, Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 455.

⁴ Палица Геракла, например, фигурирует также на монете Рескупорида VI 327 г. (*Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Ук. соч. С. 516).

⁵ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутковский А.Ю.* Ук. соч. С. 160.

⁶ Там же. С. 164-169.

⁷ Там же. С. 194-195.

⁸ *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов ... С. 420.

или стали использоваться для переработки сельскохозяйственной продукции¹. Вот почему, сложившаяся кризисная ситуация в этой области вынуждала Рескупорида VI уделять флоту больше внимания, обеспечивая ему, в том числе, и сакральную поддержку. Не исключено, что по этой причине функцию чеканки монет в данное время мог взять на себя даже храм, посвященный указанному богу².

Тем не менее, усиление культа Посейдона, в ущерб почитанию Геракла при Рескупориде VI, может указывать и на особенности религиозных представлений, связанных с этими богами. Здесь, в первую очередь, обращает на себя внимание то обстоятельство, что трезубец, демонстративно занявший важнейшее место на монетах Рескупорида VI, явно заменил исчезнувшую по политическим причинам с боспорских монет при Константине, стилистически схожую с ним, тамгу в виде двузубца. При этом принципиальное размещение трезубца только на лицевой стороне монеты рядом с изображением царя, недвусмысленно показывает, что в данное время на Боспоре именно знак Посейдона стал превращаться в главный символ царской власти и ее сакральной поддержки. Надо сказать, что такой вывод подтверждается и рядом косвенных источников.

Нам, конечно, слабо известны особенности сарматских религиозных представлений III-IV вв., однако заметим, что если действительно в это время продолжала существовать традиция культа семи богов скифо-сарматского мира³, то могла сохраняться и общая система верований, в которой каждое божество занимало свое определенное место. Так, Геродот, подробно перечислив всех семь богов скифского мира, в числе которых он назвал и Геракла, специально уточняет, что помимо данного пантеона, господствующая правящая верхушка (царские скифы) отдельно приносила «жертвы еще и Посейдону» (Тагимасаду) (Herod., IV, 59). Такое отождествление скифского Тагимасада с Посейдоном, скорее всего, происходило на основе «водного» и «конского» аспектов греческого божества⁴. Если такое нарушение традици-

¹ *Зинько А.В.* Позднеантичный жилищно-хозяйственный комплекс из раскопок Тиритаки // Боспорские чтения. Окоз. Керчь, 2006. Вып. VII. С. 129-132.

² *Анохин В.А.* Ук. соч. С. 108; *Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 29.

³ Такой вывод обычно выводится из анализа текста автора V в. н.э., который, описывая «Перипл Эвксинского Понта», уточнил, что «ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардаба, то есть Семибожный» (Ps.-Agr., PPE, 77) (*Абаев В.И.* Культ семи богов у скифов // Древний мир. М., 1962. С. 446-450).

⁴ *Гуляев В.И.* Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005. С. 318-319.

онной для индоиранцев семибожной структуры скифской религиозной системы¹ являлось в достаточной степени устойчивым явлением духовной культуры, то представители сармато-иранской династии на Боспоре уже изначально могли иметь к морскому богу, как к своему главному небесному патрону, достаточно особое отношение. Не исключено, что Тагимасад – Посейдон являлся одним из вариантов общеарийского божества Йимы-Йамы² и имел прямое отношение к сакрализации верховной власти у сармато-алан.

Все это, наравне с другими обстоятельствами, не могло не способствовать выходу данного божества на главную роль в пантеоне представителей сармато-иранской династической линии на Боспоре в позднеантичный период.

ПОХОД АЛАН 72 Г. ПРОТИВ ПАРФИИ И СОВРЕМЕННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Д.А. Ключнева, М.К. Польшкина (Тула)

Статья посвящена проблеме интерпретаций противоречивых сведений Иосифа Флавия о походе алан против Парфии в 72 г. и современных археологических реалий. По мнению авторов, данный поход более напоминал миграцию среднеазиатских кочевников, чем чисто военный поход. Причиной же появления информации Иосифа Флавия об аланах, живущих вдоль Танаиса и Меотийского озера, которая явно не находит отражения в археологических источниках, стала попытка пришельцев взять под контроль этот регион. Хотя она и не привела к постоянному присутствию здесь аланов, в отличие от более защищенных и безопасных районов Центрального Кавказа, война стала причиной вынужденной миграции в верховья Танаиса средних сармат.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Нижний Дон, Танаис, Иосиф Флавий, аланы, средние сарматы.

ALAN CAMPAIGN OF 72 A.D. AGAINST PARTHIA AND MODERN ARCHAEOLOGICAL REALITIES

D.A. Klochneva, M.K. Polynkina (Tula)

The article is devoted to the interpretation of conflicting information of Flavius Josephus about Alan's campaign against Parthia in 72 and modern archaeological realities. According to the authors, this campaign is more reminded migration of nomads of Central Asian, than a military campaign. Josephus Flavius information

¹ Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. С. 304-305.

² Там же. С. 152-153.

about Alan's, living along the Tanais and Meotian lake, which isn't clearly reflected in the archaeological sources, was an attempt of the newcomers to take under their control this region. Although it did not lead to a permanent Alan's presence here, this war was the cause of forced migration to the upper of the Tanais middle Sarmatian.

Keywords: the northern Black Sea, Lower Don, Tanais, Josephus Flavius, Alans, Sarmatians average.

Аланы – это ираноязычная группа кочевников сарматского происхождения, которые изначально представляли собой разрозненные независимые племена, объединенные общим языком и культурой. Как единый народ, предположительно, сформировались в первые века н.э. на огромных пространствах от Средней Азии до Балкан. Именно в этот период происходит объединение аланских племен в военный союз, одним из отражения которого, видимо, и стал поход 72 г.

Данная тема необычайно важна для истории закавказских народов, в частности, для осетин - единственного на данный момент ираноязычного народа юга России, который по праву считает себя потомками алан.

Основным источником по истории похода алан 72 г. является Иосиф Флавий, который вполне определенно отметил, что «племя аланов есть часть скифов, живущих вдоль Танаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пакор, убежав от страха в неприступное место, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, произведя грабежи с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно, некто издала набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку. Аланы, еще более расшарившие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств» (Fl. Jos. *De bello Jud.*, VII, 7, 4).

Анализ этого текста уже в течение длительного времени не позволяет ученым прийти к единой точке зрения по поводу обстоятельств и маршрута движения алан в данном походе. Если одни авторы, следуя

тексту источника буквально, ведут алан из районов Северного Причерноморья строго на юг через Дербентский¹ или Дарьяльский² проходы, нарушая четко обозначенную в источнике схему маршрута (Гиркания – Мидия – Армения), то другие, наоборот, предлагают довериться предложенной схеме, и начинают поход из районов Средней Азии³. Однако в этом случае фраза Иосифа Флавия об аланах, живущих «вдоль Танаиса и Меотийского озера» (Fl. Jos. *De bello Jud.*, VII, 7, 4), становится трудно объяснимой.

Правда, существует и альтернативное мнение американского исследователя А. Босворта⁴, который считает, что аланы, с севера обогнув Каспий, прошли вдоль всего восточного побережья этого моря, и только после этого, через Гирканские ворота, вторглись в Мидию. Это мнение наименее противоречит сообщению Иосифа Флавия, но до сих пор является уязвимым в объяснении легкости движения алан через безводные солончаки и пустыню Каракум, ведь тогда трудности похода превысили бы финансовую выгоду от него⁵.

Археологические источники по данной проблеме также неоднозначны. Если некоторые катакомбные могильники Северного Ирана указанного времени и можно связать с походом алан 72 г.⁶, то в Северном Причерноморье, с этой точки зрения, мы наблюдаем довольно странную картину.

С одной стороны, судя по появлению в районах Центрального Кавказа в конце I – начале II вв. главного маркера аланской культуры – Т-образных катакомб, совершенных под курганной насыпью и окруженных ровиком, аланы действительно появились в регионе, судя по

¹ *Gutschmid A.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 133; *Markwart J.* Iberer und Hyrkanier // *Caucasica*. 1931. F.8. S. 79-113.

² *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 60-61.

³ *Taubler E.* Zur Geschichte der Alanen // *Klio*. Leipzig, 1909. Bd. 91. S. 17-18.

⁴ *Bosworth A.B.* Arrian and the Alani // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1977. № 81. С. 233.

⁵ *Лысенко Н.Н.* Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. – II в. н.э. М., 2007. С. 367-368.

⁶ *Берлизов Н.Е.* Походы алан в Закавказье в I-II вв. н.э. (письменные и археологические свидетельства) // *Древности Кубани* (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991. С. 24-25; *Он же.* Походы алан в Закавказье в первые века н.э.: письменные и археологические свидетельства // *Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1997. Вып. 3. С. 41-54.*

всему, сразу же после похода 72 г.¹ При этом, не исключено, что это была больше миграция, чем военный поход, ведь многие аланы не вернулись на родину, а решили осесть в центральных районах Северного Кавказа.

С другой стороны, аланские памятники в указанное время совершенно не известны в Северном Приазовье, что явно противоречит сведениям Иосифа Флавия о живущих на берегах Меотийского озера аланах. Может быть, именно борьба за эту территорию, еще на самом раннем этапе появления алан в Северном Причерноморье, и привела к полному отсутствию устойчивых традиций у нижнедонских кочевников в среднесарматское время. Ведь не случайно же, по данным fuzzy-анализа, не один из нижнедонских могильников, включая крупнейший из них – Новый, – не был причислен ни к одному археологическому классу². Более того, неожиданно в верховьях Танаиса на рубеже I-II вв. появляются сарматские погребения, которые явно являются следствием боевых столкновений с новой волной пришельцев, пытавшихся захватить берега Меотиды. По мнению К.Ю. Ефимова, в сражениях с такими врагами значительная часть коренного мужского населения была уничтожена, а уцелевшая часть, спасая себя и скот, перекочевала в другие регионы, в том числе, и на север в Среднее Прихоперье³.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема датировки появления указанных сарматских памятников в верховьях Танаиса. А.П. Медведев датирует их концом I – серединой II вв. и прямо связывает с аланами⁴. По нашему мнению, для уточнения датировки можно использовать и особенности одного из главного маркера среднесарматской культуры – диагональных захоронений. Известно, что в позднесарматское время во второй половине II в. н.э. данные погребения изменяются в сторону появления северной ориентировки, искусственной деформации черепа и т.д.⁵ Однако А.П. Медведев такие поздние инновации отмечает только у небольшого ряда погребенных

¹ *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С. 148-150.

² *Сергацков И.В.* Анализ сарматских погребальных памятников I-II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002. С. 123.

³ *Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 31.

⁴ Там же. С. 31-32.

⁵ *Балабанова М.А.* Антропология сарматских диагональных погребальных комплексов // Нижне-Волжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 82.

(Третьяки, Второй Власовский)¹, что означает, что основная масса мигрантов ушла на север в районы верховья Танаиса еще до появления в Северном Причерноморье поздних сармат.

Заметим, что хронологически такая миграция на север причерноморских кочевников не соответствует ни появлению в регионе воинства Фарзоя (60-е гг. I в. н.э.)², ни нашествию позднесарматских орд в середине II в. н.э.³ Единственно возможным вариантом, хронологически совпадающим со временем отхода кочевников из Приазовья на север, в верховья Танаиса, остается появление в регионе алан, причем, вероятно сразу же после похода 72 г. Хотя военная попытка аланов взять под контроль берега Приазовья и не привела к постоянному присутствию здесь пришельцев, в отличие от более безопасных и защищенных районов Центрального Кавказа, по-видимому, именно она и стала причиной появления информации Иосифа Флавия об аланах, живущих вдоль Танаиса и Меотийского озера.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ АФРОДИТЫ И ЭРОТА НА БОСПОРЕ В РИМСКИЙ ПЕРИОД (по материалам городища «Белинское»)

С.Ю. Шакирова (Тула)

В статье рассматривается проблема трансформации культа Афродиты и Эрота на Боспоре в римский период. На материале городища «Белинское» автор приходит к выводу, что распространение данного культа в указанное время было связано с необходимостью демонстрации местными военачальниками официальной римской идеологии.

Ключевые слова: Афродита, Эрот, Боспор, городище «Белинское».

TO THE QUESTION OF THE CULT OF APHRODITE AND EROS ON THE BOSPORUS IN THE ROMAN PERIOD (according to materials of Belinskoe settlement)

S. Yu. Shakirova (Tula)

The problem of the transformation of the cult of Aphrodite and Eros in the Bosphorus in the Roman period is discussed in this article. According to materials of Belinskoe settlement the author concludes that the spread of the cult at this time was

¹ *Медведев А.П.* Ук. соч. С. 31.

² *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014. С. 103-136.

³ Там же. С. 149-189.

connected with the necessity of demonstration of the official Roman ideology by local military commanders.

Keywords: Aphrodite, Eros, Bosphorus, Belinskoe settlement.

Археологическое исследование городища «Белинское», расположенного на западных рубежах Боспора, в районе северного участка Узунларского вала (в 1,5 км к югу от современного села Белинское), ведётся с 1996 г.¹ Время существования городища - начало II – 1-я половина V вв.² В 600 м к востоку от городища «Белинское» расположен его некрополь площадью 7,8 га³.

Погребение № 12 этого некрополя содержало захоронение мужчины 30-40 лет, женщины 20-30 лет и двух детей в возрасте 6 мес.-1 года. Кости скелетов ориентированы головой на северо-запад. По мнению авторов раскопок, наиболее вероятная дата этого погребения – конец II – первая половина III в.⁴

Особый интерес среди найденных вещей представляют парные подвески из жёлтого металла (Рис. 1). Подвески круглой формы с двумя припаянными петельками. На подвесках отгиснуто изображение Эрота. По краям – три кольца витой проволоки, два из которых составляют косичку. Сохранность подвесок удовлетворительная. Имеются следы небольшой деформации, мелкие утраты металла, красная патина. У одной из подвесок на пластине петли есть разрывы. Голова Эрота слегка повернута влево. Он стоит в свободной позе, левая нога согнута в колене. На плечи накинута плащ, на голове диадема. В правой руке лук. В рельефах заметны различия в пропорциях лица и некоторых мелких деталях, включая степень поворота лица. Возможно, это связано с тем, что для изготовления металлических штампов, которыми выбиты рельефы, использовались разные восковые модели⁵.

¹ Начальник Белинской археологической экспедиции д.и.н., проф. Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого В.Г. Зубарев.

² Зубарев В.Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское») // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. X. С. 80-89.

³ Зубарев В.Г., Ланцов С.Б., Минаев О.В. Склепы некрополя городища «Белинское» // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Ч.1. С. 144.

⁴ Зубарев В.Г. Парные подвески с изображением Эрота из погребения № 12 некрополя городища «Белинское» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 281.

⁵ Зубарев В.Г. Парные подвески ... С. 281-283, рис. 2, 4.

Эрот, с одной стороны, связан с почитанием Афродиты. Эрот – сын Афродиты и Ареса. Его верные помощники – лук и стрелы, с ними он идёт в бой и повсюду сеет семена любви. Однако, с другой стороны, предметы с изображением этого божества нередко находят и в погребениях. Так, например, недалеко от Цукурского лимана археологи раскопали грандиозный курган с погребениями членов какой-то знатной семьи. Среди похороненных, как считают, были жрицы святилища Апатура. Их сопровождали необыкновенно богатые высокохудожественные вещи. Здесь много изображений Афродиты, одной или с Эротом¹.

В этой связи, стоит отметить и особенности изображения одного рельефа, где Эрот держит обнажённого мужчину за руку и подводит к Афродите. Над фигуркой Эрота как бы «зависла» верхняя часть туловища Гефеста с клещами в левой руке. Не исключено, что в рельефе заключён сюжет этиологической легенды об Афродите. Аид или Посейдон трезубцем готов открыть бездну для их низвержения; Афродита игриво и многообещающе обнимает Геракла перед входом его в пещеру; Эрот факелом освещает для каждого из гигантов путь в неё; откуда-то со стороны за предстоящим действием наблюдает супруг богини Гефест².

Разные ипостаси Афродиты нашли отражение и в других произведениях искусства на Боспоре. Отметим, например, найденные в Пантикапее фигурки Афродиты Пандемос, сидящей в хитоне и гиматии на козле, с фигурками Эротов сверху и двумя козлятами внизу (V в. до н.э.), или стоящей Афродиты с Эротом возле гермы из Пантикапея (II вв. до н.э.)³.

Однако заметим, что Эрот – самостоятельное божество, часто изображающееся отдельно. Считается, что единичные изображения этого божка с атрибутами, в частности, с петухом, скорее всего, символизируют его личные качества вездесущего бога любви, обладавшего умением искусной стрельбы из лука, наделённого крыльями. При этом его культ также был связан с хтоническим миром. Именно изображения Эрота с фруктовыми гирляндами, с дионисийскими символами и масками постоянных мифологических спутников бога виногра-

¹ Петрова Э.Б. Озябшие в Тавриде боги. Северное Причерноморье в античных мифах и легендах. Симферополь, 1994. С. 60, 62.

² Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 302-303.

³ Там же. С. 303-305.

дарства и потустороннего мира, украшали стенки мраморных саркофагов богатых херсонеситов¹.

То, что Эрот найден в могиле, казалось бы, позволяет думать о дорийском следе в почитании этого божества. Известно, что культ Афродиты в дорийских городах имел ряд специфических черт, что нашло свое отражение в религиозном мировоззрении херсонеситов. По-видимому, хтоническая черта данного культа была занесена в Херсонес из Дельф. Афродите была отведена роль Надгробной, перед её статуей совершался обряд с возлияниями и мистическими молитвами с обращением к усопшим (Plut. Mor. Quest. Rom. 23). Тем не менее, помещение в могилу терракот и других изображений не обязательно связывалось с их ролью в загробной жизни. Таковыми могли наделяться и погребения жриц. Кроме того, число подобных изображений невелико по сравнению с теми, что найдены при раскопках города. Если бы действительно здесь был распространён культ Афродиты Могильной, или Тёмной², следовало бы ожидать значительно большего количества её изображений в погребениях III в. до н.э. - III в. н.э.³

В этой связи, обращает на себя внимание то обстоятельство, что резкое изменение почитания Афродиты в городах Северного Причерноморья произошло именно в римский период. Возможно, это было связано не столько с хтонической составляющей культа, сколько с проникновением в регион новых представлений об этой богине как родоначальнице и покровительнице римского народа. Не случайно поэтому, в том же Херсонесе, из носящего сугубо домашний характер этот культ во II-III вв. быстро превращается в государственный. Так, во время раскопок Уваровской базилики были найдены первоклассные ордерные храмовые детали и уникальные для античной цивилизации вотивные надписи (IOSPE, I², 440-446)⁴. При этом, на строительство храма было использовано около 5000 денариев. Храм Афродиты стоял на высоком подиуме, имел общую высоту 9 м, представляя собой небольшой периптер или простиль в римском варианте⁵. В его строительстве были заинтересованы государственные магистраты, внесшие из казны основные средства, отдельные богатые граждане. Большинство из них имели смешанные греко-римские имена, хотя, вероятно,

¹ Там же. С. 310.

² Мещеряков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 9.

³ Русяева А.С. Ук. соч. С. 309.

⁴ Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 227, 249, 250.

⁵ Там же. С. 249, рис. 95.

они являлись херсонесскими гражданами¹. Наличие храма Афродиты в городе во II-III вв. обязывало херсонеситов признать её культ государственным и почитать его соответствующим этому рангу проведением общественных празднеств с обрядами². По мнению А.С. Русяевой, такой разворот к культу Афродиты, которая под именем Венеры почиталась римлянами в ипостаси их главной прародительницы (через сына – троянского героя Энея, ставшего легендарным предком Юлиев, в частности, Юлия Цезаря), был предпринят херсонеситами, по большей части, именно в угоду императорам³.

По нашему мнению, римским фактором можно объяснить возведение в это время храма Афродиты не только в Херсонесе, но и в Горгииппии. Здесь на рубеже I-II вв. этой богине возводится отдельный храм, что, безусловно, свидетельствует о наличии официального характера культа Афродите в Горгииппии⁴. Неслучайно поэтому в горгииппийском некрополе найдены разнообразные золотые и серебряные медалионы первых веков новой эры с изображением Афродиты Урании, одетой в строгого покроя хитон, с двумя Эротами по бокам и скипетром в руке⁵.

Если это так, то такая демонстрация особой приверженности к официальным римским культам, в том числе, и Афродите с Эротами, в первую очередь, должна была наблюдаться в местах наибольшего римского влияния. Белинское городище, как нельзя лучше, подходит на эту роль. Дело в том, что возведение этой мощной крепости на западных рубежах Боспора было неразрывно связано с изменением римской стратегии в Северном Причерноморье в конце I – первой половине II вв. Этот период характеризуется достаточно резким размежеванием варварского мира на зависимое население от античной цивилизации население и враждебные племена.

Единственными надёжными союзниками римлян в Северном Причерноморье на данном этапе остаются только античные государства. Тем не менее, несмотря на переход к оборонительной тактике, от планов мирового господства императорский Рим не отказывался и сейчас. Римская стратегия всё более начинала разрываться между указанными тенденциями.

¹ *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 98 сл.

² *Русяева А.С.* Ук. соч. С. 311.

³ *Русяева А.С.* Ук. соч. С. 312.

⁴ *Алексеева Е.М.* Античный город Горгииппия. М., 1997. С. 219.

⁵ Там же. С. 63-65.

С одной стороны, римляне стали задумываться о бесперспективности новых завоеваний, склоняясь в сторону стратегии эффективного прикрытия периметра своих границ системой дружеских «буферных» образований. С другой стороны, решение о выравнивании границ римского мира, в тех или иных районах, неизбежно вело к концентрации воинских контингентов и возведению новых укреплений в стратегически важных местах.

Именно эти процессы и привели, в скором времени, к строительству на западных границах Боспора новой крепости, которая, судя по планировке и домам казарменной постройки, являлась местом дислокации крупного воинского контингента, необходимого для предстоящего военного раздела территории Крымской Скифии¹.

Таким образом, культ Афродиты и Эроса, зафиксированный археологическими артефактами на городище «Белинское», уже на самом начальном этапе существования этой крепости, скорее всего, был связан с необходимостью демонстрации местными военачальниками, в том числе, и членами их семей, своей приверженности Римской империи и её официальной идеологии.

Рис. 1. Золотые предметы из инвентаря погребения № 12 некрополя городища «Белинское».

¹ Ярцев С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014. С. 142-148, 248-249.

ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ АРТЕМИДЫ ТАВРОПОЛЫ НА БОСПОРЕ

П.Н. Лисин (Тула)

Статья посвящена особенностям культа Артемиды Тавропола на Боспоре. В центре внимания - интерпретация ритуальных жертвоприношений быков, выявленных при раскопках городища «Белинское». По мнению автора, возникновение подобных духовных инноваций на Боспоре необходимо связывать с насильственным переселением на территорию государства в конце II в. н.э. представителей позднескифского этноса.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище «Белинское», Артемиды Тавропола, жертвоприношение быков.

FEATURES OF HONORING OF ARTEMIS TAVROPOLA ON THE BOSPORUS

P.N. Lisin (Tula)

The article is devoted to features of a cult of Artemis Tavropola on the Bosphorus. In the center of attention is interpretation of ritual sacrifices of bulls, revealed at excavation of the hillfort of "Belinskoe". According to the author, emergence of similar spiritual innovations on Bosphorus needs to be connected with forced relocation of representatives of late Scythian ethnos on the state territory at the end of the second century AD.

Keywords: kingdom of Bosphorus, hillfort of "Belinskoe", Artemis Tavropola, sacrifice of bulls.

Ритуальные захоронения животных являются обычной культовой практикой на античных поселениях Боспорского царства. Тем не менее, среди обычных в таких случаях жертвоприношений собак и свиней, иногда встречаются и обряды, связанные с другими животными. Так, в одной из культовых ям городища «Белинское»¹, расположенного на западных рубежах Европейского Боспора, был обнаружен череп быка, явно попавший туда не случайно. Более того, здесь же, среди других ритуальных захоронений животных, под фундаментом

¹ Раскопки городища «Белинское» с 1996 г. проводит Белинская археологическая экспедиция ТГПУ им. Л.Н.Толстого. Начальник экспедиции д.и.н., проф. В.Г. Зубарев.

одной из стен помещений, был выявлен еще один фрагмент черепа быка¹.

С целью интерпретации жертвоприношения этого животного, необходимо обратиться к известной мраморной статуе Артемиды из Пантикапея. Богиня здесь изображена в хитоне и гиматии, восседающей на троне с орнаментом в виде листка аканфа и держащей на коленях голову быка, которая вместе с растительным декором подчёркивает её покровительство животным и растениям². По мнению Е.А. Савостиной, аналогий этому памятнику нет, хотя он и близок изображениям «Владычицы зверей», Кибелы, Деметры, Великой Матери богов, Артемиды с эпитетами Элафеболия, Браврония, Тавропола. Богиню же, по мнению ученого, необходимо интерпретировать как Артемиду Босбатос – защитницу животных, связанную с хтоническими силами и покровительством всему сущему³. С.Ю. Сапрыкин, напротив, считает, что женская фигура с головой быка из Пантикапея - это богиня плодородия и животного мира Артемида, но не в ипостиси Босбатос, а Тавропола. При этом именно бык, голова которого была отрезана во время ритуального действия и покоилась на коленях богини, является священным животным этой Артемиды Таврополы⁴.

Однако, по мнению С.Ю. Сапрыкина, известное святилище, расположенное в крымских горах на перевале Гурзуфское Седло, тоже каким-то образом было связано с почитанием Артемиды Таврополы. Ведь местоположение святилища вызывало ассоциации с быком (ταῦρος) и обычаем клеймения быков – тавро, которые, в свою очередь, занимали важное место в культе Артемиды Таврополы⁵.

Тем не менее, здесь необходимо учитывать, что распространенная эпikleза Артемиды Таврополы как покровительницы животных, в частности, быков, в греко-римском мире со временем забылась, а определение Тавропола вскоре стали понимать как эпитет богини, которой поклонялись в Таврике⁶. На это обстоятельство недвусмысленно

¹ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 361.

² *Сапрыкин С.Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула, 2009. С. 351-352.

³ *Савостина Е.А.* Статуя в храм. Боспорская Артемида // Введение в храм. М., 1997. С. 170-179.

⁴ *Сапрыкин С.Ю.* Ук. соч. С. 352.

⁵ Там же. С. 351.

⁶ *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 194.

указывает известный сюжет трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде»¹. При этом трудно также не согласиться и с Э.Б. Петровой в том, что, в данном случае, греки явно приписывали варварам свои собственные религиозные верования².

Надо сказать, что такой вывод вполне соотносится с археологическими данными. В самом нижнем слое упомянутого святилища, расположенного на перевале Гурзуфское Седло, обнаружено множество костей животных, которые (в основном, челюсти и зубы) залегают хаотически и являются остатками крупного рогатого скота, а также коз, овец, свиней, лошадей³. При этом, автор раскопок Н.Г. Новиченкова уверена, что происхождение древней формы обрядности святилища первого периода связано с местной средой⁴. Действительно, подобный обряд встречается и в других местах, где жили тавры и тавро-скифы. Варварское население, по-видимому, придавало большое значение использованию в обрядах челюстей животных, что хорошо прослеживается на материалах таврских могильников и пещерных святилищ Горного Крыма 1-й половины и середины I тыс. до н.э. Отметим, например, находки черепов животных в пещере Ени-Сала-II на Долгоруконской яйле в святилище VII-VI вв. до н.э.⁵, а также в Чатырдагских пещерах (в том числе, и быков)⁶.

Несмотря на обилие находок, полностью выяснить обрядность святилища и функции божества, почитавшегося здесь, не удалось⁷. Однако, с уверенностью можно сказать, что на первых этапах своего существования этот храм принадлежал таврам, и в жертву здесь при-

¹ *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009. С. 53-54.

² *Петрова Э.Б.* Озябшие в Тавриде боги. Северное Причерноморье в античных мифах и легендах. Симферополь, 1994. С. 44.

³ *Новиченкова Н.Г.* Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь, 2015. С. 21-25.

⁴ *Новиченкова Н.Г.* Горный Крым ... С. 123.

⁵ *Щепинский А.А.* Пещерные святилища раннего железного века в Горном Крыму // Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР. Киев, 1963. С. 138-140.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ *Русяева А.С., Русяева М.В.* Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 22; *Новиченкова Н.Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002. С. 147-172; *Она же.* Горный Крым ... С. 122-137; *Бондаренко М.Е.* Тавры. Этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н.э.). М., 2010. С. 53-54.

носили, главным образом, домашних животных, причём на протяжении всего периода его существования¹.

В первые века н.э. таврские религиозные представления серьёзно изменяются под воздействием скифской культуры. В святилище на перевале Гурзуфское Седло с конца I в. до н.э. возникают новые обряды, которые Н.Г. Новиченкова склонна связывать с появлением в горах Крыма тавро-скифов². Однако, отдельные черты и особенности древней таврской религии, безусловно, продолжают сохраняться и у этого народа³, причём даже на сопредельных к Горному Крыму территориях. Об этом свидетельствует находка человеческого черепа в святилище Илурата (III в. н.э.)⁴. Голова принадлежала мужчине 30-35 лет и была отрублена, что напрямую связывается с культом человеческой головы и почитанием таврской богини⁵. Нам известно, что после того как в 193 г. Савромат II «завоевал сираков и скифов», «присоединив по договору» (КБН, 1237) с римским военным командованием часть Таврики⁶, на городище «Белинское» начинает меняться состав населения. При этом миграция тавро-скифского населения, скорее всего, насильственного характера, из наиболее пострадавшего во время войны Центрального Крыма, происходит как в Юго-Западную Таврику, так и на юг Альмы⁷, и в Восточный Крым, на Боспор⁸. Это подтверждается и появлением в данное время новых для территории Боспора культовых захоронений, как животных, так и людей (ритуальных захоронений грудных младенцев)⁹.

¹ Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность ... С. 149-151; Бондаренко М.Е. Ук. соч. С. 54.

² Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность ... С. 171.

³ Грач А.Д. К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений // СЭ. 1952. №4. 1952. С. 178; Бондаренко М.Е. Ук. соч. С. 60.

⁴ Емец И.А. Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском. М., 2002. С. 130, 132.

⁵ Бондаренко М.Е. Ук. соч. С. 60.

⁶ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 111-113.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Власов В.П. О позднескифских миграциях на Боспор // Боспорские исследования. Симферополь, 2006. Вып. XI. С. 173.

⁹ Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. 1992. №4. С. 32-40; Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период Поздней Античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 364-365.

По нашему мнению, именно в рамках позднескифского этноса необходимо оценивать зафиксированный на Белинском городище обряд жертвоприношения быка. Во всяком случае, это лучше всего соответствует всему комплексу приведенных в нашем исследовании источников.

ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ ГЕЛИОСА НА БЕРЕГАХ ПОНТА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

А.В. Соколов (Тула)

Статья посвящена особенностям почитания Гелиоса на берегах Понта в римский период. По мнению автора, в период кризиса III в. н.э. культ солнца и солнечного света претерпел значительные изменения. На первый план в функциях этого культа вышли способности Гелиоса – мстителя, ослепляющего людей, совершивших преступления. Автор считает, что именно с этими представлениями связано размещение в качестве погребального инвентаря блюда с изображением Гелиоса в склепе с массовым захоронением на некрополе городища «Белинское».

Ключевые слова: Гелиос, Северное Причерноморье, Боспорское царство, боспорский царь Тейран, некрополь городища «Белинское».

FEATURES OF THE WORSHIP OF HELIOS ON THE BANKS OF PONTUS IN THE ROMAN PERIOD

A.V. Sokolov (Tula)

The article is devoted to the peculiarities of the worship of the god Helios on the shores of the Pontus in the Roman period. According to the author, during the crisis of the III century AD the cult of the sun and sunlight has undergone significant changes. The main role in the functions of this cult, came to the fore the ability of Helios, the avenger, blinding people committed crimes. The author believes that it is with these ideas associated the placement of a grave inventory, the dishes with the image of Helios in the crypt with the mass burial on the necropolis of the settlement Belinskoe.

Key words: Helios, the Northern black sea region, the Bosporan Kingdom, Bosporan king Taran, the necropolis of the settlement Belinskoe.

Нельзя сказать, что культу Гелиоса в Северном Причерноморье уделялось мало внимания исследователями¹. Однако очевидно, что на современный момент не все аспекты почитания этого божества хорошо изучены. Для того, чтобы уточнить некоторые особенности данной проблемы, в первую очередь, отметим, что Гелиос не был широко почитаем на берегах Понта. Он относился к разряду божеств, чей культ, как правило, возобновляли в определенных ситуациях или экстраординарных случаях².

Наиболее почитаем он был на Родосе, где был установлен знаменитый родосский колосс. Поэтому те города, которые были связаны с ним торговлей, активно перенимали этот культ. В тех же городах, которые не поддерживали с Родосом экономических связей, указанный культ был слабо выражен, или вообще отсутствовал. Не случайно поэтому, монеты с изображением Гелиоса на Боспоре III-II вв. до н.э. копируют родосскую драхму. Подобные монеты есть и в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Горгиипии³.

Более того, в Херсонесе имя Гелиоса, наряду с другими богами, использовалось в клятвах по защите государства (IOSPE, I², 401). На Боспоре же иногда освободившийся раб поступал под опеку, в том числе, и этого бога (КБН, 74, 1123, 1126). В противоположность мнению, что таким образом раб должен был теперь посвятить себя божествам, А.С. Русяева не исключает возможности, что данное посвящение являлось подтверждением клятвы бывших хозяев, что они не будут вновь поработать отпущенных⁴.

При этом в Херсонесе, по мнению Н.П. Сорокиной, изображение Гелиоса вполне могло украсить любое общественное здание⁵. Считается, что храмов, посвященных данному божеству, в Херсонесе нет.

¹ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.: Л., 1956. С. 385, 416; Русяева А.С. Религии и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 122-123; Алексеева Е.М. Античный город Горгиипия. М., 1997. С. 235 сл.; Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 406, 416-418.

² Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 424-425.

³ Анохин В.А. Монетное дело античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 46, 109-110.

⁴ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов ... С. 425-426.

⁵ Сорокина Н.П. Архитектурная терракота Херсонеса // Сообщения Херсонесского музея. Севастополь, 1961. №2. С. 5-7.

Однако его алтари и жертвенники, по-видимому, стояли в храмах других богов, а также на вершинах ближайших холмов¹.

Впервые серьезную трансформацию этого культа мы начинаем наблюдать в конце периода позднего принципата. Несмотря на малопочитаемость данного божества, новые археологические находки демонстрируют нам довольно любопытные изменения в отношении людей к Гелиосу. Наибольший интерес, в этой связи, представляют раскопки склепа №19 некрополя городища «Белинское»². В склепе были обнаружены останки 22 чел., из них 9 взрослых и 13 детей. Возрастной диапазон детей сильно дифференцирован, один из них был либо новорожденный, либо мертворожденный, старшему из детей было 13 лет. Останки взрослых принадлежат четырем мужчинам в возрасте от 19 до 50-60 лет и пяти женщинам в возрасте от 19 до 39 лет. Анализ керамического комплекса и нумизматический материал позволяют датировать данное массовое погребение периодом кризиса 2-й половины III в. н.э.³ Из погребального инвентаря наибольший интерес представляет фрагментированное блюдо с оттиснутым рельефным медальоном с изображением Гелиоса на квадриге (Рис.1). В левой руке бога полыхает факел, а колесница устремлена скачущей на зрителя⁴, что было не совсем характерно для традиционного изображения Гелиоса. Во всяком случае, аналогии таким изображениям найти трудно⁵.

Конечно, в период кризиса всегда повышается детская смертность, однако это было более характерно для необеспеченных слоев, что не вяжется с дорогим типом нашего погребального сооружения⁶. По словам Н.И. Винокурова, в таких склепах особой полуциркулярной формы производились захоронения аристократической, наиболее за-

¹ *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов ... С. 426.

² Раскопки городища «Белинское» и его некрополя проводит Белинская археологическая экспедиция ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Начальник экспедиции д.и.н., проф. В.Г. Зубарев.

³ *Зубарев В.Г., Леонтьева В. А., Пономарев Д.Ю.* Некоторые вопросы истории Европейского Боспора во второй половине III в. н.э. (по материалам раскопок склепа № 19 некрополя городища «Белинское») // Боспорские чтения. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. Вып. XIV. С. 204-212.

⁴ Там же. С. 207, 212, рис. 2,1.

⁵ *Ермолин А.Л., Гецко П.П., Куликов В.А.* Краснолаковая керамика и нумизматический материал из мастерской коропласта Пантикапея (к вопросу о датировке) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Ч.1. С. 109.

⁶ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период Поздней Античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 132.

житочной и родовитой прослойки населения¹. Как же тогда сочетается блюдо с изображением Гелиоса с братской могилой на некрополе городища «Белинское»?

По нашему мнению, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на то, что еще с древних времен была известна функция Гелиоса, как мстителя, обладающего способностью ослеплять людей (Plat. Legg., 887; Eur. Нес. 1068; Soph. El. 825). И если подобное отношение людей к богу солнца в эллинистический период, в значительной мере, размывалось в других ипостасях его культа, то в период кризиса III в. именно образ Гелиоса–мстителя стал выходить на первое место в мировоззрении античного населения. На это вполне определенно указывают два надгробия из Херсонеса III в. н.э. с изображением жеста адорации и мольбой к Гелиосу отомстить за раннюю смерть (IOSPE, I², 576)². По справедливому мнению А.С. Русяевой, вряд ли такое трансформированное представление о Гелиосе было присуще в это время только херсонеситам. Все эллины склонялись к тому, что это божество не только даровало свет и жизнь, но также и жестоко наказывало за преступления³.

В этой связи напомним, что авторы раскопок городища «Белинское» и его некрополя связывают обнаруженное здесь массовое погребение, в основном женщин и детей, с драматическими событиями нападения Тейрана на Боспор в 275 г.⁴ Более того, определенное археологическое подтверждение получает и свидетельство из достаточно спорного и позднего источника X в. – 53 главы трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей». Особый интерес здесь вызывают подробности нападения херсонесского войска на Боспор с целью возведения на его трон ставленника Рима. Источник настойчиво, и не один раз, повторяет сообщение о захваченных на Боспоре семьях варваров и боспорян, воевавших в это время против Рима в Малой Азии, и угрозах последним, в случае отказа от мира с римлянами: перебить всех захваченных «от мала до велика» и лишь тогда уйти оттуда (Const. Porph. De adm. Imp., 53, 45-60)⁵. Исходя из этого, можно допустить, что люди, чьи останки были обнаружены в склепе №19 на

¹ *Винокуров Н.И.* Греко-варварское взаимодействие в Крымском Приазовье в римское время (по материалам некрополя городища Артезиан) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 237.

² *Макимова М.И.* Ук. соч. С. 221; *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. № 58.

³ *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов ... С. 427.

⁴ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Ук. соч. С. 129-138.

⁵ Там же. С. 137.

некрополе городища «Белинское», были связаны с теми драматическими событиями, которые происходили во 2-й половине III в. на Боспоре.

По нашему мнению, наличие блюда с изображением Гелиоса в склепе с массовым захоронением женщин и детей косвенно может свидетельствовать о насильственной смерти последних. Использование в качестве погребального инвентаря такого специфического предмета явно означало стремление тех, кто совершал погребение, отомстить врагам и наказать преступников за совершенное злодеяние.

Таким образом, несмотря на малопочитаемость, культ Гелиоса не был вычеркнут из жизни понтийских эллинов и в период кризиса античного мира III в. н.э.

Но теперь он больше символизировал не столько тепло и радость божественного света, сколько представлялся эффективным способом божественной мести по отношению к людям, совершившим страшные преступления.

Рис. 1. Фрагментированное блюдо с оттиснутым рельефным медальоном с изображением Гелиоса на квадриге из раскопок склепа №19 некрополя городища «Белинское».

ИНЖЕНЕРНЫЙ КОМПЛЕКС ДОЗОРНОГО УКРЕПЛЕНИЯ БАКЛА В VI В.

О.В. Вус (Львов, Украина)

В статье исследуются оборонительные сооружения средневекового городища Бакла в юго-западном Крыму. Отмечается ранневизантийское происхождение фортификаций; проводятся параллели с общеимперскими военными инженерными мероприятиями последней трети VI в.; раскрывается тактический замысел строителей укрепления; выдвигается версия о взятии Баклы войсками Тюркского каганата в 581 г.

Ключевые слова: Византия, Крымский полуостров, Бакла, оборонный комплекс.

ENGINEERING COMPLEX OF THE PATROL FORTIFICATION BAQLA IN VI CENTURY

O.V. Vus (Lvov)

The article investigates the fortifications of the medieval settlement Baqla in the south-western Crimea. There is the early Byzantine origin of the fortifications; parallels with the empire-wide military and engineering activities in the last third of the VI century are drawn; the builders' tactical plan of the fortification is revealed; the version of the capture of Baqla by the troops of the Turkic Khanate in 581 is produced.

Key words: Byzantium, the Crimean Peninsula, Baqla, the defense complex.

До последней трети VI в. н.э. защиту византийских владений в Крыму надежно обеспечивали «длинные стены» «страны Дори», оборонные комплексы Херсона и Боспора, а также ряд укреплений в зоне Киммерийского Боспора и на южном побережье Таврики. Однако приход в Северное Причерноморье войск Тюркского каганата резко изменил военно-политическую ситуацию не в пользу ромеев. В 576 г. тюркюты захватили город Боспор, разрушили и сожгли несколько крепостей на Керченском и Таманском полуостровах (Menandr., fr. 45, 47).

Имперская администрация была вынуждена вмешаться в происходившие события, оказать всестороннюю помощь своим дальним гарнизонам и усилить инженерную оборону северных владений. Императоры-соправители Юстин II Младший (565–578) и Тиберий II Константин (574–582) даже отменили корабельную повинность, которую исполняли жители Херсона, Боспора и Лазики (Iust., Nov. 163, cap. 2). Возможно, изданная ими в апреле–мае 575 г. новелла санкционировала не отмену повинности как таковой, а временное перераспределе-

ние финансов в пользу военно-инженерных проектов, осуществляемых ромеями в Северном и Восточном Причерноморье¹.

Затронули эти проекты и Таврику, в частности, главный опорный пункт Империи на полуострове – Херсон. Строительными мероприятиями здесь руководили византийский чиновник Феаген и неизвестный военачальник в ранге «стратилата и дукса Херсона» (IOSPE³, V 7). Одновременно ромеи приступили к строительству дополнительных фортификаций неподалеку – на границах «страны Дори». Укрепления возводились на вершинах Внутренней гряды Крымских гор, которые господствуют над долинами рек Бельбека, Качи, Черной, Чурук-Су. Все эти вершины являются командными высотами и чрезвычайно выгодны для организации долговременной инженерной обороны.

Среди горных укреплений, возведенных Империей в Таврике, выделяются два основных типа фортификаций – бурги и фрурионы. Можем предположить, что главным назначением первых было обеспечение стратегического наблюдения за ситуацией в крымских степях и предгорьях. К бургам можно отнести Сюйреньское укрепление, крепости Сиваг-Кермен, Каламиту и Баклу².

В 2,5 км к северо-востоку от с. Скалистое (Бахчисарайский р-н Крыма), между реками Альма и Бодрак, на террасе горы Бакла (выс. 470 м) расположены руины древнего городища. Его площадь составляет 0,8 га. Треугольное плато, на котором обнаружены остатки крепости, с запада и востока окружено известняковыми грядами; с юга оно ограничено скальным обрывом высотой до 12 м. Длина цитадели Баклы с юго-запада на северо-восток – 175 м, с юга на север – 55 м. В плане городище напоминает огромный неправильный угол, открытый тыл которого в древности был защищен не только обрывом, но и невысоким бруствером. С юго-запада и северо-востока, между обрывом и скальной грядой, на плато ведут две крутые дороги.

В раннем средневековье (IV–VI вв.) на плато располагалось небольшое открытое поселение, жители которого занимались виноградарством и земледелием³. А.И. Айбабин констатирует, что «об этносе жителей [Баклы – *О.В.*]... свидетельствуют связанные с ними некрополи. По конструкции погребальных сооружений, обряду захоронения в них и инвентарю крепостные могильники не отличаются от других

¹ *Сорочан С.Б.* О новелле 575 г. и морских судах византийского Херсонеса-Херсона // Стародавнє Причорномор'я. Вип. 11. Одеса, 2016. С. 509-511.

² *Вус О.В.* Ранневизантийский limes в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // ВВ. 2013. Т. 72. С. 234.

³ *Фадеева Т.М.* Пещерные города и монастыри в окрестностях Бахчисарая. Симферополь, 2002. С. 74.

известных в области Дори аланских и готских»¹. Можем предположить, что первый гарнизон крепости формировался из свободных крестьян баклинской сельской общины, и именно здесь, в маленькой цитадели, находилась резиденция алано-готского племенного вождя – предводителя местного отряда военных союзников Империи. Вероятно, потребность в инженерной защите возникла у местного населения во второй половине VI в., в связи с появлением в степях войска тюркютов.

Раннесредневековое укрепление Бакла состояло из двух куртин оборонительных стен (северо-западной и северо-восточной), двух башен (центральной и угловой), и ряда боевых пещерных казематов на южном участке обороны. Ныне куртины сильно разрушены и представляют собой задернованный вал высотой до 3,5 м. Высота крепостных стен (сохранившаяся) достигает 1,6 м, толщина – 2,3 м.

Наиболее исследованным является северо-восточный участок обороны. В 1961–1965 гг. Д.Л. Талис установил, что здесь укрепления возводились на специальной субструкции (платформе-фундаменте). Она состояла из массивных плит известняка, промежутки между которыми был залит раствором извести с примесью глины². Стена северо-восточной куртины имела внешний и внутренний панцири, и толстый слой забутовки между ними. Толщина раннесредневековой стены достигала 1,5 м. Кладка стены регулярная (*opus reticulatum*), квадратная (*opus quadratum*). Минимальный размер квадратов внешнего панциря – 0,5×0,6×0,5 м, максимальный – 1,0×0,8×0,7 м³.

Через некоторое время строители нарастили внешний боевой панцирь стены на 1 м, а пространство между квадратами (0,3–0,4 м) залили раствором извести. Таким образом, толщина стены юго-восточной куртины стала соответствовать византийскому стандарту – 5 локтей. Средний размер квадратов дополнительного панциря – 0,9×0,6×0,4 м, однако есть и большие.

На стыке северо-восточной и северо-западной куртин были открыты руины большой прямоугольной башни, вынесенной во фронт

¹ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 147.

² Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 103.

³ Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 57.

обороны¹. Размер башни – 7,5×6 м. Башня возведена на такой же субструкции, что и северо-восточная куртина. В раннем средневековье ее стены также наращивались для усиления оборонной мощи. От башни внутрь укрепления вел путь, вымощенный мелким камнем и битой керамикой. Возможно, возле башни (или в ней) находились главные крепостные ворота Баклы. В пользу такого вывода свидетельствует открытие между башней и северо-западной куртеной остатков строения необычной, трапециевидной в плане, формы. Особенности расположения здания в цитадели и наличие двух противоположных входов позволяют предположить, что когда-то в нем располагалось караульное помещение у входа в крепость².

В месте, где северо-восточная куртина подходила к скальному обрыву, обнаружено место, где располагалась еще одна, круглая в плане, башня. Хотя сам факт ее существования подтверждают только высеченные в скале «постели», вполне понятно, для чего ее здесь строили – в этом месте обрыв имеет незначительную высоту и является относительно доступным для подъема.

На северо-восточном участке обороны хорошо сохранился вырубленный в материковой скале туннель. Туннель довольно широкий при входе (3,5×5 м). Постепенно сужаясь, он выводит на узкий карниз. Возможно, этот карниз, расположенный на три метра ниже двора цитадели, играл роль боевой площадки: с него защитники Баклы могли простреливать «мертвое пространство» под обрывом. В случае необходимости воины гарнизона поднимались на поверхность не через туннель, а по высеченному в скале узкому коридору с лестницей. Кроме туннеля с боевой площадкой, южный участок защищали пещерные казематы. В некоторые из них с поверхности плато ведут люки, в другие – ступенчатые лестницы. В казематах несли дозор и вели обстрел наступающего противника лучники и пращники.

Кроме боевых казематов, вдоль обрыва располагалось большое количество высеченных в скале зерновых ям. Сама форма зернохранилищ весьма напоминает форму керамических византийских пифосов. Благодаря значительным запасам зерна, гарнизон Баклы мог обороняться на протяжении длительного времени.

В ходе исследований было обнаружено большое количество фрагментов керамики IV–VI вв., что, по мнению Д.Л. Талиса, помогло четко определить дату *ante quem non* оборонительной линии Баклы. В

¹ Талис Д.Л. Новые материалы по истории Юго-Западного Крыма // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 103.

² Талис Д.Л. Оборонительные сооружения... С. 103-104.

1993 г. А.В. Сазанов уточнил его выводы. Он констатировал, «что первая оборонительная линия функционировала во второй – третьей четвертях VI в. и прекратила свое существование где-то в 70–80-е гг. VI в. н.э. ... наличие ойнохой Баклинского типа, впервые появляющихся в комплексах Ильичевки 576 г. и Херсонеса конца VI – первой четверти VII в., указывает на 80-е гг. VI в. н.э. как время разрушения цитадели»¹. Как показали раскопки, в те годы на Баклинском городище произошли катастрофические события – стремительный штурм и захват цитадели и неукрепленного посада, сопровождавшийся «повсеместными разрушениями и пожарами»².

Можем предположить, что маленькая византийская цитадель на плато горы Бакла стала жертвой воинственных тюркютов, медленно продвигавшихся в 576–581 гг. вдоль гор Внутренней гряды к главному городу Империи в Таврике – Херсону.

Изувавший памятник в 60-х гг. XX в. Д.Л. Талис считал, что «крепость стратегически расположена плохо... в радиусе действия стрел, выпущенных сверху, с горного плато, что нависает над крепостью». Вместе с тем, он тут же констатировал, что «как убежище крепость расположена удобно, ведь горная гряда, с которой ее можно обстреливать, прикрывала крепость с севера». По его мнению, «особенности расположения Баклинского городища не позволяют связывать возникновение крепости с деятельностью византийской администрации..., ведь она сооружена с нарушением основного фортификационного принципа: не подставлять крепость под обстрел сверху»³.

Необходимо отметить, что, во-первых, маленькая цитадель Баклы не могла быть убежищем уже потому, что на площади 0,8 га не смог бы разместиться никто, кроме воинов гарнизона. Для укрытия мирного населения, домашнего скота и имущества в Горной Таврике существовали крупные опорные крепости – Эски-Кермен, Мангуп-Кале и Кырк-Ор. Во-вторых, анализ военно-инженерной составляющей памятника (византийский стандарт толщины стен и их структура, регулярная квадратная кладка, наличие опорной субструкции под стенами и башней, строительный раствор с цемянкой) свидетельствует о

¹ Сазанов А.В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 45-46.

² Талис Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы: Труды ГИМ. 1982. Вып. 54. С. 62.

³ Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища... С. 63.

том, что укрепление строили люди, хорошо знакомые с требованиями самой передовой на то время фортификационной науки.

В-третьих, Баклинская цитадель в плане напоминает вытянутый вдоль обрыва неправильный тупой угол, высшей точкой которого является прямоугольная башня, вынесенная во фронт обороны. Таким образом, по ряду признаков горное укрепление можно отнести к фортификациям типа пограничных бургов. Главным заданием маленького гарнизона Баклы было не спасение мирных жителей, а несение дозорно-разведывательной службы и своевременное предупреждение ставки византийского дукса в Херсоне об опасных передвижениях кочевников в степи.

Укрепление до последней минуты оставалось незаметным для подходившего с севера противника. Главным тактическим принципом, которым руководствовались ромеи при строительстве, была маскировка маленького, но важного, объекта в складках горного рельефа. На невысокой гряде, господствующей над Баклой, находились только посты наблюдения, личный состав которых в случае опасности мог укрыться внутри бурга. Вместе с тем, выдержать нападение крупного военного контингента Бакла не могла, что полностью подтвердили археологические исследования, зафиксировавшие разрушения и пожары укрепления в 80-х годах VI в.

СТАНДАРТНЫЕ МЕРЫ ЕМКОСТИ ВИЗАНТИЙСКИХ АМФОР (ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ)

Е.В. Суханов (Москва)

Статья посвящена краткому обзору основных методических проблем, связанных с изучением стандартов объема византийских амфор VIII-X вв. К числу таковых, по мнению автора статьи, относятся выбор методов исследования, и неоднозначность сопоставления мер емкостей с определенными византийскими мерами измерения объемов различных веществ.

Ключевые слова: византийские амфоры, меры емкости.

STANDARD MEASURES OF CAPACITY OF BYZANTINE AMPHORAE (METHODICAL PROBLEMS OF STUDYING)

E. V. Sukhanov (Moscow)

The main aim of this article is to overview of main methodical problems in investigation of Byzantine amphorae which dated VIII-X centuries A.D. Among

them we can distinguish choose of research methods and complexity in the comparison between capacity standards and Byzantine measures of different substances.

Key words: Byzantine amphorae, measures of capacity.

Амфорная тара давно признана специалистами важным и информативным источником для изучения торговых, политических и культурных контактов в древности. В свою очередь, сведения о стандартных мерах емкости амфор позволяют с достаточной степенью надежности оценивать объемы импорта определенной продукции, которые, в некоторых случаях, являются индикаторами политической ситуации в том или ином регионе.

Исследования стандартных мер емкости амфор продолжаются уже более века и берут свое начало в работах зарубежных исследователей¹. В отечественной археологической науке наиболее существенный вклад в эту область знаний был внесен И.Б. Брашинским². Отработке и корректировке методических приемов подсчета объема амфор посвящены исследования С.Ю. Монахова³, Г.М. Николаенко⁴, С.Ю. Внукова⁵, О.О. Барабановой и С.Б. Платонова⁶. Необходимо констатировать, что большинство перечисленных авторов, кроме двух последних, занимались разработкой и апробацией различных методов подсчета применительно к античным амфорам. При этом, «незаслуженно забытой» оказалась средневековая амфорная тара, которая, по справедливому мнению некоторых исследователей, только после решения ряда вполне конкретных задач станет надежным и информативным

¹ *Hissen H. Griechische und romische Metrologie // Hand buch der Klassischen Altertumswissenschaft. Munchen, 1892; Grace V. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World // Hesperia. Suppl. VIII. 1949. P. 175–189.*

² *Брашинский И. Б. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары // СА. 1976. № 3. С. 87–102.*

³ *Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV - II вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов: СГУ, 1989. 177 с.; Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов: СГУ, 1992. С. 163–204.*

⁴ *Николаенко Г.М. Метки на античных пифосах // Херсонес Таврический: ремесло и культура. К.: Наукова думка, 1974. С. 25–29.*

⁵ *Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. II в. н.э. (морфология). М.: Институт археологии РАН, 2003. 235 с.*

⁶ *Барабанова О.О., Платонов С.Б. К методике изучения объемов средневековых амфор // АДСВ. Византия и ее провинции. Вып. 19. Свердловск, 1982. С. 127–133.*

источником по торговым и политическим отношениям в средневековой Восточной Европе¹.

Настоящая статья посвящена краткой характеристике двух основных методических проблем, связанных с изучением стандартных мер емкости амфорной тары византийского времени, с которыми довелось столкнуться ее автору в ходе первых шагов по разработке этой проблематики. Конкретнее, речь идет о так называемых «причерноморских» амфорах, которые производились в Крыму и циркулировали в южной части Восточной Европы в VIII-X вв.² Есть основания полагать, что этот обзор окажется полезным и для исследователей, ставящих целью изучение емкостных характеристик других разновидностей амфорной тары византийского времени.

1. Выбор адекватных методов исследования.

Существующий инструментарий изучения объемов археологической керамики можно свести к двум наиболее распространенным способам. Первым из них является наполнение сосудов жидким или сыпучим веществом. Второй - это проведение математических расчетов по прорисовкам сосудов, с представлением их емкостей в виде сумм определенных геометрических фигур (цилиндр, конус, усеченный конус). Особняком стоит способ вычисления вместимости античных амфор по формуле Герона – древней рекомендации расчета объема сосуда, основанной на использовании нескольких метрических показателей³, а также по различным модификациям этой формулы⁴.

Первый способ обычно доступен лишь в случае изучения сосудов *de visu*, что не всегда оказывается возможным. Использование второго способа чревато погрешностям различной величины, поскольку конечный результат сильно зависит от точности прорисовки и конкретной схемы расчета. На примере использования методики О.О. Барабановой и С.Б. Платонова для изучения объемов средневековых ам-

¹ Чхаидзе В.Н. Средневековые амфоры VIII-XIV вв. (история изучения) // РА. 2005. № 2. С. 71.

² Паришина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. К.: Наукова думка, 2001. С. 52-81; Науменко В.Е. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Симферополь-Керчь: АДФУ-Украина, 2009. С. 35-50.

³ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. С. 96.

⁴ Монахов С.Ю. О некоторых особенностях расчета стандартных мер емкости остродонных амфор // Античный мир и археология. Вып. 6. Саратов, 1986. С. 106-114.

фор¹, нами было установлено, что в зависимости от количества условных геометрических фигур, на которые разбивается прорисовка сосуда, значения реконструируемого объема сосуда могут отличаться в пределах 15-20 (!) %, что весьма существенно.

В этой связи большое значение приобретают компьютеризированные способы расчетов объемов сосудов. Нами для решения этой задачи применяется программа Autodesk 3Ds Max (версии 2009-2014 гг.). Методика расчета объемов сосудов в программе Autodesk 3Ds Max была разработана и опубликована Е.П. Загваздиным и Н.П. Туровой². Она имеет серьезное обоснование результатами сравнения объемов трехмерных моделей с данными эмпирического наполнения сосудов веществом. Используя упомянутое программное обеспечение, ранее нами были изучены объемы 75 сосудов³. К настоящему времени исследованы объемы более 180 сосудов, результаты этой работы вскоре будут опубликованы.

2. Сопоставление объемов с византийскими мерами измерения объема различных веществ.

Из опыта античного амфороведения хорошо известно, что продукция, транспортировавшаяся в таре, обычно была связана с сельскохозяйственной специализацией региона⁴. Производство двух базовых типов позднеримских амфор, послуживших образцами для средневековых «причерноморских», LRA 1 и LRA 2, было локализовано в разных регионах Средиземноморья - LRA 1 изготавливались, в основном, в мастерских Кипра, Киликии, а LRA 2 в центрах Эгейского бассейна⁵. Эти два региона имели различную сельскохозяйственную специализацию, вследствие чего указанные типы амфор использовались для

¹ *Барабанова О.О., Платонов С.Б.* К методике изучения объемов средневековых амфор // АДСВ. Византия и ее провинции. Вып. 19. Свердловск, 1982. С. 127-133.

² *Загваздин Е.П., Турова Н.П.* О вычислении ёмкостных характеристик археологической керамики в трёхмерном редакторе Autodesk 3ds Max // IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых учёных (IV БАСК): материалы конференции / Отв. ред. И.И. Бахшиев. Сибай: ГУП РБ «Сибайская городская типография», 2011. С. 62-66.

³ *Суханов Е.В.* Об объемах средневековых «причерноморских» амфор // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 172-189.

⁴ *Lawall M.* Socio-Economic Conditions and the Contents of Amphorae // Patabs II. Production and trade of amphorae in the Black Sea. Acts of the International round table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26-30, 2007. Sofia, 2011. P. 23-33.

⁵ *Peacock D.P.S., Williams D.F.* Amphorae and the Roman Economy. London: Longman, 1986. P. 182, 186;

транспортировки различной продукции – вина в LR 1 и оливкового масла в LR 2.

С территории Крыма происходят материалы, красноречиво свидетельствующие о развитии в этом регионе в VIII-X вв. виноградарства¹, но при этом нет никаких свидетельств, позволяющих предполагать выращивание в этом регионе оливок. Из этого прямо следует, что местное амфорное производство должно было обеспечивать интересы по сбыту товара местных виноделен, в связи с чем «причерноморские» амфоры (как восходящие от своего морфологического прототипа LRA 1 (вариант 2 по А.Л. Якобсону), так и амфоры, генетически связанные с LRA 2 (вариант 3 по А.Л. Якобсону)) должны соответствовать византийским мерам измерения объема вина. Результаты сопоставления с разными единицами измерения позволили прийти к выводу, что в целом объемы «причерноморских» амфор соответствуют винным мерам². Однако к некоторым мерам измерения вина чрезвычайно близки византийские меры измерения объема и оливкового масла.

В рассматриваемой проблеме выделяется еще один немаловажный аспект – к сожалению, мы точно не знаем точный уровень заполнения емкости византийских амфор. В связи с этим, значения объема одного сосуда, полученные при заполнении до двух разных зон, например, до плеча и до шеи, могут соответствовать двум разным теоретическим стандартам. Причем здесь возможно два варианта – когда мы видим сходство одного значения с винным, а второго с масляным стандартом, или же когда наблюдается близость к двум разным винным стандартам. Допустим, это может быть ситуация неопределенности между $\frac{1}{2}$ морского метрона (5,13 л.) и 1 анонным метроном (6,83 л). Приведенный пример, на наш взгляд, указывает на необходимость отказаться от неоправданно высокой степени детальности при изучении объемных характеристик рассматриваемой керамической тары. Первостепенно важным при рассмотрении этой проблемы в дальнейшем нам видится приобщение результатов экспериментальных исследований, направленных на выявление диапазонов случайных колебаний объема емкости в серии сосудов, обладающих идентичными прочими линейными параметрами.

¹ *Веймарн Е.В.* О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА. 1960. Вып. 10. С. 109-117; *Даниленко В.Н.* Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 104; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. М., 1970. С. 153, Рис. 100-103.

² *Суханов Е.В.* Об объемах средневековых «причерноморских» амфор // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 182, 184.

Таковыми к настоящему времени нам представляются основные методические проблемы изучения стандартов объема амфорной тары византийского времени.

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ НАЧАЛА ВОЗВЫШЕНИЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ

А.А. Торканевский (Минск, Беларусь)

В статье рассматриваются предпосылки такого процесса, как возвышение христианской церкви Рима. Особое внимание уделено росту значения Рима как центра христианства в связи с утратой этого значения Иерусалимом в 70 г. н.э. Анализируется концепция французского ученого Э. Ренана по этому вопросу.

Ключевые слова: христианство, Римская церковь, Рим, Иерусалим.

TO QUESTION ON THE CONDITIONS OF THE RISE OF THE ROMAN CHURCH

A.A. Torkanevskiy (Minsk, Belarus)

The article deals with the problem of the background of such process as start of eminency of the Roman Church. Special attention is paid to the growth of the value of Rome as the center of Christianity because of the loss of the value of Jerusalem Church in 70 A.D. Therefore the concept of the french scientist Ernest Renan is being analyzed.

Key words: Christianity, Roman Church, Rome, Jerusalem.

Казню императором Нероном римских христиан закончился первый этап истории Римской церкви, который условно можно назвать апостольским. Какова же была дальнейшая судьба христианской общины Рима во 2 пол. 60 – 90 гг. I в. н.э.? К сожалению, об этом нам известно очень мало по причине отсутствия источников. Более того, фактически, об этом послеапостольском периоде истории Римской церкви нам известно меньше, чем о предыдущем. Поэтому иногда этот этап в истории Римской церкви называют «темным периодом»¹. Довольно характерную оценку такого положения в историографии этого вопроса дал французский академик А. Деко: «Приходится признать: рассуждая о событиях, последовавших за смертью Павла,

¹ *Whitham M. A. The History of the Christian Church of the separation of East and West. London, 1920. P. 142.*

мы продвигаемся на ощупь. Постоянно возникают препятствия: слишком поздние документы, сомнительные тексты»¹. Очевидно, нероновы казни оказались сильным ударом для римских общинников. Тацит сообщает о «великом множестве» казненных (Анналы, XV, 44). Возможно, община хоть и не была полностью уничтожена, но и восстановилась не скоро (количество жертв оценивается в 200-300 человек²), поскольку следующие после пожара ясные сведения о римских христианах относятся лишь к 90-м гг. и связаны с именем римского епископа Климента. С другой стороны, на несомненное существование христиан в Риме в это время указывает, в частности, обнаруженный в катакомбах фрагмент продолговатой таблицы, надпись христианского характера на которой датируется 71 г. н.э.³

В целом, сведений об этом времени в истории Римской церкви настолько мало, что историкам приходится лишь делать предположения относительно того, что же происходило в то время в среде римских христиан. Известный французский историк Л. Дюшен, например, предполагает, что «евангелия Марка и Луки, Деяния апостолов, первое послание ап. Петра, Послание к евреям, сложились среди римской общины раньше или позже взятия Иерусалима, и что там же были собраны воедино послания апостола Павла»⁴. В то же время, именно события конца 60-х гг. причудливым образом связали судьбу Римской церкви со старейшей церковью в Иерусалиме. В чем же заключалась эта связь?

Очевидно, что после казни Иисуса Иерусалимская церковь стала духовным центром христианства: отсюда направлялись апостолы в миссионерские путешествия проповедовать Евангелие, и именно туда всякий раз стремился приходить апостол Павел после своих благовестнических путешествий. Чуть более 30 лет церковь этого города удерживала за собой право считаться центром христианского мира. И эту монополию она потеряла с разрушением в 70 г. н.э. Иерусалимского храма.

Известно, что вскоре после казней христиан в Риме при императоре Нероне в Иудее в 66 г. началось антиримское восстание (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Веспасиан, 4, 5; Тацит. Анналы, XV, 44). Кроме того, восстание было подробно описано его участником - еврейским историком Иосифом Флавием (37

¹ Деко А. Апостол Павел. М., 2005. С. 229.

² Басле М.Ф. Апостол Павел. Ростов-на-Дону, 1999. С. 307.

³ Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 198-199.

⁴ Дюшен Л. История древней церкви: в 2 т. М., 1912. Т. 1. С.146.

– ок. 100 г.) в книге «Иудейская война». В 70 г. римляне под предводительством полководца Тита Флавия Веспасиана взяли осадой Иерусалим и сожгли городской храм. Восстание было подавлено.

На первый взгляд может показаться, что это восстание не имеет никакого отношения ни к истории христианства, ни, тем более, к истории Римской церкви. Однако, это далеко не так, ибо, как заметил известный французский историк церкви Э. Ренан: «... для христианства разрушение Иерусалима и храма являлось самым большим счастьем»¹. Так что же приобрела молодая религия в результате разрушения Иерусалимского храма? Ведь известно, что Иисус, например, посещал храм, да и жизнь Иерусалимской церкви была тесно связана с храмом. Но именно в этом Э. Ренан видит наибольшую угрозу для христианства - опасность чрезмерного развития иудейских влияний через главную иудейскую святыню: «Не будь разрушен храм, христианство, несомненно, остановилось бы в своем развитии. Храм оставался бы центром всяких иудейских начинаний»². Напомним, что Иерусалимская церковь по своему составу была преимущественно иудео-христианской³. Отсюда в ней как нигде была благоприятная почва для влияния иудаизма: «Церковь Иерусалимская, сосредоточенная вокруг священных дворов, продолжала бы, во имя своего первенства, быть предметом почитания всего мира, стала бы преследовать христиан церкви, основанной Павлом, и требовать обрезания и соблюдения Моисеева закона для того, чтобы иметь право называться последователями Иисуса... Утвердился бы центр непогрешимой власти, возник бы патриархат, что-то вроде коллегии кардиналов, под предводительством таких лиц, как Иаков, истых евреев, членов семьи Иисуса. Такой патриархат грозил бы величайшей опасностью возникающей церкви»⁴.

Трудно однозначно утверждать, было ли бы все именно так, как это представлял себе Э. Ренан. Но очевидно, что он преувеличивал. Ведь не стоит забывать, что в то время существовали прочие значительные христианские центры. Так уже в первом столетии (еще до Иудейской войны) росли и крепились общины языко-христиан, основанные самим Павлом, к которым он писал свои послания: Рим,

¹ Ренан Э. Рим и христианство // Раннее христианство: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 52.

² Там же.

³ Поснов М. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). Киев, 1991. С. 73-74.

⁴ Ренан Э. Рим и христианство // Раннее христианство: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 52.

Коринф, Эфес, Колоссы, Филиппы, Фессалоники. Крупная христианская община была в Антиохии. Также не следует забывать о семи малоазийских общинах, названных в Откровении Иоанна Богослова (Откр., I, 4).

Несомненно, что определенная опасность значительного влияния элементов иудаизма на Иерусалимскую церковь все же была. А если принять во внимание тот факт, что эта церковь находилась в главенствующем положении, то эта опасность для христианства – превратиться в иудейскую секту – еще более возрастала. Безусловно, молодой религии необходимо было выйти за пределы Иудеи, чтобы избежать чрезмерного влияния иудаизма, что и было успешно сделано трудами неутомимых апостолов-миссионеров, в первую очередь, трудами апостола Павла. Не будем забывать, что впоследствии христианство формировалось под влиянием не только иудаизма, но греко-римской культуры.

Какова же была судьба Иерусалимской церкви после разрушения Иерусалима в 70 г.? Ответ на этот вопрос мы находим у Евсевия Кесарийского. В III книге своей «Церковной истории» он сообщает, что еще накануне восстания, «повинуясь откровению почтенных мужей», христиане покинули Иерусалим и поселились в городе Пелла за Иорданом (Eus. Hist. Eccl., III, 5). Впрочем, как добавляет все тот же автор, христиане покинули не только Иерусалим, но и «всю Иудейскую землю» (Eus. Hist. Eccl., III, 5). При этом важную роль в новой церкви стали играть родственники Иисуса: ее предстоятелем стал, по преданию, двоюродный брат Спасителя – Симеон (Eus. Hist. Eccl., III, 11). По сути, единая некогда Иерусалимская церковь распалась на ряд мелких общин, отрезанных от греко-римского мира и все более замыкавшихся в себе вследствие приверженности к Моисееву закону. Впоследствии эти иудео-христианские общины получают названия «эбионитов» и «назареев»¹. В этих общинах особенно почитался апостол Пётр, Павел же, апостол язычников, наоборот, считался отступником, по словам Ириня (Iren. Adv. Haer., I, 27). Возможно, из-под пера представителей именно этих общин вышел знаменитый цикл апокрифических произведений, известных под общим названием «Климентин» или «Псевдоклиментин», чье создание ложно приписывалось Клименту Римскому².

¹ Ренан Э. Евангелия и второе поколение христианства. М., 1991. С. 42–54.

² Лившиц Г.М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Мн., 1967. С. 165; Ренан Э. Христианская церковь. М., 1991. С. 173-188;

Однако, как известно, история распорядилась по-иному. Назареи и эбиониты ушли в забвение (их следы теряются где-то в IV - V вв.), в то время как церкви Павла, в первую очередь, Римская церковь, становятся центрами развития и распространения христианства. Э. Ренан продолжает: «По мере того, как падает церковь Иерусалимская, возвышается церковь в Риме. Или, лучше сказать, в следующие за победой Тита годы становится очевидно, что римская церковь все больше и больше делается наследницей церкви Иерусалимской и заменяет ее... Без Тита папа оказался бы в Иерусалиме, но с той разницей, что иерусалимский папа задушил бы христианство через каких-нибудь сто, много через двести лет, тогда как Папа Римский превратил его в религию всего мира»¹. Здесь с ученым согласен ряд историков². Например, Ф. Функ отмечал следующее: «После того, как в 70 году закатилась звезда Иерусалимской церкви, ярко горевшая на всем христианском небосводе, римская община сделалась первенствующей»³. «Христианство утрачивало свое первоначальное средоточие, - подчеркивает Л. Дюшен, - как раз в тот момент, когда римская церковь достаточно созрела для того, чтобы заступить его место. Столица империи скоро сделалась метрополией для всех христиан»⁴. Да и сам по себе разрыв христианства с иудаизмом был значительным фактором для развития собственно христианской церкви как таковой.

Итак, падение Иерусалима – важный фактор, содействовавший со временем возвышению Римской церкви. Что еще могло способствовать становлению церкви Рима в авангарде христианского мира? Среди наиболее важных предпосылок можно выделить следующие.

Во-первых, несомненно, очень много значило и то, что эта церковь находилась в столице Римской империи. Поэтому значение

Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991. С. 45-61; *Свенцицкая И.С.* Судьбы апостолов. Мифы и реальность. М., 2005. С. 91; *Успенский А.* Климентины // Христианство: Э.С.: В 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 769.

¹ Ренан Э. Рим и христианство // Раннее христианство: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 54.

² *Волконский А.* Католичество и священное предание Востока. Париж, 1933. С. 243; *Гарнак А.* История догматов // Раннее христианство: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 136; *Робертсон Дж.* История христианской церкви со времен апостольских до реформации. М., 1878. С. 4; *Walker W.* A History of the Christian Church. Ed., 1947. P. 33.

³ *Функ Ф.* История христианской церкви. М., 1894. С. 55.

⁴ *Дюшен Л.* Указ. соч. С. 43.

церкви соответствовало значению самого города Рима¹. Но здесь следует оговориться и иметь в виду, что первоначально, когда христиане были малочисленны и ожидали скорого «Второго пришествия» Иисуса, они едва ли могли связывать свою судьбу с Римской империей, а столичное положение Рима не могло иметь в их глазах особого значения. И, скорее всего, сам Павел не рассматривал Римскую церковь как альтернативный центр христианства, равнозначный Иерусалимской церкви, как, например, полагал Г. Чедвик². Однако, по мере все большего распространения христианства и угасания эсхатологических настроений, значение столичного положения Римской церкви, несомненно, постепенно возросло.

Во-вторых, Римская церковь была освящена кровью множества христианских мучеников (казни при Нероне в 64 г. и, возможно, в 90-х гг. при Домициане), среди которых, по преданию, были величайшие апостолы, столпы церкви Петр и Павел. А это ставило авторитет столичной церкви на недосягаемую высоту, ведь римские христиане оказывались последними учениками апостолов. Более того, подобных масштабов гонений на христиан в других регионах империи в то время еще не было. В дальнейшем, уже в раннем Средневековье, данное обстоятельство содействовало утверждению авторитета папства. Рассматривая данный период, историк П. Браун отмечает, что «епископы бывших городов Римской империи усиливали свои позиции в раннесредневековой Европе именно через посредство старательно подчеркиваемых связей с великими усыпальницами, находившимися на некотором расстоянии от города – усыпальницы святого Петра на Ватиканском холме вне Рима»³. Впрочем, еще при жизни апостолов Римская церковь была в большой почести у христиан. Вспомним, что апостол Павел, часто упрекавший в своих посланиях беспокойных коринфян и галатов, о римской христианской общине писал следующее: «...благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире...» (Рим. 1, 8). Вероятно, слова апостола указывают на то что, религиозные учения получали широкое распространение в империи, становясь известными именно в столице, поскольку Рим был крупнейшим центром культуры, философии и религиозной жизни. Впоследствии

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. С. 101.

² Chadwick H. East and west: The making of a rift in the church. From apostolic times until the council in Florence. Oxford, 2003. P. 7.

³ Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004. С.19.

тенденция прославлять Римскую церковь проявится и во II в. Игнатий Богоносец, например, называет эту церковь «богодостойной, достославной, достоблаженной, достохвальной, достовожденной, чистой и первенствующей в любви...» (Ign. Ad Rom.).

В-третьих, вероятно, римскую общину, в отличие от восточных центров христианства, религиозные споры и вызываемые деятельностью еретиков разногласия волновали мало. Поэтому, по словам Г. Эйкена, «епископ римской церкви, казалось, должен был явиться и наиболее благонадежным и беспристрастным судьей»¹ в таких спорах. Это способствовало укреплению авторитета предстоятеля римской церкви в глазах христиан империи.

Безусловно, возвышение Римской церкви – процесс не одного дня, года или даже столетия. Но ко времени падения Иерусалимского храма определенные предпосылки к этому уже сложились. А впоследствии на рубеже Античности и Средневековья римский епископ начинает претендовать на право считаться главой всего христианского мира.

РУРИЦИЙ ЛИМОЖСКИЙ - ДРУГ И КОЛЛЕГА СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Е.В. Литовченко

В статье рассматривается личность галло-римского эпистолога Руриция, епископа Лиможа, в контексте позднеантичного переходного периода. Приводятся сведения биографического характера, информация об адресах Руриция. Автор приходит к выводу о том, что данный латинский автор являлся типичным представителем позднеантичной аристократии и, несмотря на то, что в его письмах отсутствуют сведения о ключевых событиях эпохи, изучение его наследия полезно для формирования целостного представления о ментальности человека позднеантичной эпохи.

Ключевые слова: Руриций Лиможский, позднеантичная эпоха, Галлия, эпистолография.

RURICIUS OF LIMOGES AS THE FRIEND AND COLLEAGUE OF SIDONIUS APOLLINARIS

E.V. Litovchenko

¹ Эйкен Г. Указ. соч. С. 101.

The paper considers Ruricius of Limoges a Gallo-Roman letter-writer in the context of Late Antiquity's transitional period. The biographical information and data about his addressees are given. The author is coming to the conclusion that this Latin writer was a typical representative of Late Antique nobility. In spite of the absence in his letters the data about key events of the epoch we count his heritage is very useful for building of integral conception about mentality of human of Late Antiquity.

Key words: Ruricius of Limoges, Late Antiquity, Gaul, epistolography.

Руриций Лиможский (ок. 440 - ок. 510 гг.) – галло-римский аристократ, епископ г. Лимож с 485 г., весьма интересная с точки зрения источниковедения личность, пережившая 476 г. и в полной мере отразившая переходный характер эпохи. Образ Руриция – это квинтэссенция черт сенаторской аристократии рубежа V-VI вв., а его переписка позволяет получить представление, как о его личности, семье и повседневных занятиях интересующего нас времени, так и о его социальном окружении.

Фигура Руриция не слишком популярна в историографии и, кроме того, как и многие другие представители переходного периода, воспринимается неоднозначно. Так, Д. Брэдли считает его письма совершенно незначительными для источниковедения, поскольку обходят своим вниманием ключевые события эпохи, сосредотачиваясь на бытовых мелочах. В подтверждение данной позиции приводятся сведения о том, что у Руриция была досадная привычка – на словах сообщать письмоносам важные вещи, не фиксируя их в самом послании¹.

Противоположное отношение к наследию Руриция демонстрирует Р. Матисен, расценивающий этот источник как важный для понимания духовного состояния общества той эпохи, позволяющий реконструировать картину повседневной жизни². На наш взгляд, данная точка зрения вполне обоснована, поскольку быт, с одной стороны, отражает происходящие в обществе изменения, с другой, консервирует реликты общественного сознания, что позволяет исследователям наиболее полно воссоздать мировоззрение человека того времени.

¹ *Bradley D.R.* Review: The Letters of Ruricius // *The Classical Review. New Series* 4. No. 3/4. 1954. P. 268.

² *Mathisen R.W.* Ruricius of Limoges and Friends. A Collection of Letters from Visigothic Gaul. Translated Texts for Historians. Vol. 30 / Transl. with introduction, commentary and notes by R.W. Mathisen. Liverpool, 1999. P. 3.

От Руриция сохранилась коллекция писем в двух книгах, всего 83 послания: 18 – составляют первую книгу, 65 – вторую¹. Переводов сочинений данного позднеантичного автора на русский язык до сих пор нам не встречалось.

Говоря о личности Руриция, прежде всего, мы можем отметить, что он принадлежал к сенаторскому роду Анициев, по крайней мере, об этом упоминает Венанций Фортунат (*Carm.* IV.5, 7-8)² и являлся владельцем поместья в Аквитании (*Rur. Epist.* I. 7). Судя по всему, он получил риторическое образование, в чем нас убеждают его частые аллюзии к классическим произведениям, переписка с Сидонием, который сам являлся одним из талантливейших литераторов своего времени, и позиция Руриция по отношению к образованию его собственных сыновей, которое он хотел бы видеть подобным своему (*Ibid.* I.3-4).

Употребление им юридической терминологии в переписке позволяет с большой степенью уверенности полагать, что он не только изучал право, но и, вероятно, мог служить адвокатом, поскольку именно с этой должности молодые аристократы часто начинали свою карьеру. Вполне вероятно, что также, как и у Сидония, молодость Руриция прошла под знаком типичных для нобилитета того времени развлечений, наполняющих повседневный *otium*.

В 470-е гг. Руриций отстаивает позиции ортодоксально-никейской веры и дает пристанище высланному вестготским королем-арианином Эйрихом епископу Рьеза³ Фавсту, в связи с чем, и сам попадает в немилость (I.1-2). Эти события происходят между 477 и 485 гг. Руриций, несомненно, испытывает влияние Фавста, личности неординарной, отличавшейся самым что ни на есть евангельским образом жизни и сыгравшим немалую роль не только в судьбе Руриция, но и Сидония, т.к. последний принял крещение от него (*Sid. Carm.* 16, *Epist.* IX.3, IX.9).

Руриция можно расценивать как полноправного деятеля высшего общества того времени, обменивающегося посланиями с его коллегами по литературному цеху и, одновременно, духовной стезе. Он знаком с библейскими афоризмами и свободно цитирует Писание. Все это могло бы свидетельствовать о типично святоотеческом облике Руриция, если бы не некоторые его замечания по поводу постов и ночных

¹ *Ruricii Epistularum libri duo // CSEL 21. Fausti Reiensis et Ruricii Opera.* A. Engelbrecht ed. Lips. 1891. P. 349-442, или более раннее издание *Ruricius. Epistulae // MGH (AA) VIII Ed. by B. Krusch.* Berlin, 1887.

² *Martindale J.R. et al. The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. II. AD. 395-527. Cambridge, 1980. P. 960.

³ Riez, ныне город на юго-востоке Франции.

бдений с точки зрения традиционной римской аристократии (примерно также, как у Сидония, расценивавшего заутренно как «долгое и утомительное стояние» (Sid. Epist. V. 17, 6)), любовь к деликатесам, что, безусловно, подчеркивает его вкус к утонченному образу жизни. Более того, среди своих друзей Руриций был кем-то вроде шутника, обожающего рисовать словесные портреты, представляющие их в качестве других личностей (I.10; 16). Так, например, в десятом письме первой книги он представляет себя и своего друга в виде Патрокла и Ахилла, считая их дружбу образцовой. Встречаются в его письмах и упоминания арендованной лошади (I.14; II.35). Шутка о сдаче лошади внаем – образец античного юмора. Смысл шутки в том, что одна и та же лошадь выглядит по-разному в описаниях сдающего в аренду и арендатора с целью добиться выгодной для каждой стороны цены. В своих письмах Руриций восхваляет превосходные качества животного, которое он собирается отдать в пользование за деньги¹.

По отношению к своим детям Руриций был любящим и довольно терпимым родителем. Очевидно, Эпархий и Констанций были достаточно своенравными, по крайней мере, Руриций пытался заставить их быть послушными воле отца (II.24; II.57-58). Всего же у Руриция и его жены Иберии до его вступления в ряды священнослужителей родилось шестеро детей – пять сыновей и одна дочь (I.18; II.28, 32, 40, 49), т.е. до 477 г. (*Faust. Epist.* 9).

Частые упоминания в корреспонденции Руриция болезней, немощности и всяких расстройств, его собственных или относящихся к другим, заставляют предположить, что он был достаточно слабым, страдающим ипохондрией человеком, подверженным приступам грусти. Он чрезвычайно не любил жаркую погоду, а его любовь к изысканным яствам, должно быть, приводила к дополнительным проблемам со здоровьем. Также он выглядит настоящим домоседом. Хотя он, безусловно, выезжал из дома по делам, любителем путешествий он не был, как, например, его друг Сидоний. Его письма свидетельствуют о единичных поездках в Арль и Бордо, обе, как видно, по делам, наряду с несколькими визитами в Клермон. Обладая такими чертами характера, Руриций был более склонен приглашать друзей к себе (I.14; II.35).

Как любой позднеримский аристократ Руриций был весьма высокомерен, он мог быть достаточно резким даже с известными галльскими священнослужителями: когда Цезарий Арльский упрекал его за

¹ *Mathisen R.W.* People, Personal Expression, and Social Relations in Late Antiquity. Selected Latin Texts from Gaul and Western Europe. Ann Arbor, 2003. Vol. II. P. 28.

отказ участвовать в Агадском соборе¹ 506 г., Руриций написал очень резкий ответ (II.33). Несмотря на это, в самом письме Руриций выглядит как студент, прогулявший лекцию и оправдывающийся тем, что он плохо себя чувствует в летнюю жару² (собор проходил в сентябре), поскольку Цезарий упрекнул его в том, что видел его в Бордо зимой вполне здоровым. Также Руриций поссорился с епископом Хронопием из Периго из-за прихода Гемилиак³ (II.6). Но, поскольку Гемилиак находился под юрисдикцией епископа Лиможа в VII в., Руриций, очевидно, вышел победителем из этого спора.

Обмен письмами был одним из самых распространенных способов, посредством которых галльские нобили, включая епископов, контактировали друг с другом. И, если кто-либо, в случае оказии, не пользовался этой счастливой возможностью, окружающие расценивали это как смертельную обиду. Безусловно, дороги в этот период были в гораздо худшем состоянии, чем пару веков назад, поэтому переписка обычно оживлялась весной, когда транспортные артерии приходили в более приемлемый вид (II.64).

Обширный круг адресатов Руриция сравним с кругом Сидония Аполлинария, Авита Вьеннского, Эннодия из Павии, более известными эпистолографами данного периода. Лиможский епископ вел личную переписку с Сидонием, а с двумя другими деятелями позднеантичной эпохи имел немало общих знакомых.

Большинство «друзей по переписке» были коллегами Руриция, епископами близлежащих городов. Некоторых из них можно локализовать приблизительно, отнеся к территориям на юге или юго-западе от Лиможа, например, Испаний и Рустик присылали Рурицию рыбу, первый – пойманную в Дордони (II.45), второй – в Везере, притоке Дордони (II.54). О других можно говорить с уверенностью, поскольку места их проживания и службы упоминаются в корреспонденции. Такими являются Хронопий из Периго, Гераклиан из Тулузы (II.6, II.30), Абрункул из Клермона (II.55-58). Последний был также адресатом Сидония (*Sid. Epist. IX.10*). Общим другом как Руриция, так и Сидония был также упомянутый нами выше епископ Рьева Фавст. Цеза-

¹ Собор, проходивший на юге Франции, на котором были рассмотрены вопросы celibата духовенства, возраста рукоположения в духовный сан, отношения епископа и епархиального синода, церковного имущества, общественного мира и религиозных обязанностей.

² Руриций определяет свое состояние как привычное недомогание (*infirmitas consuetudinaria*), видимо, свойственное ему в особо жаркие дни.

³ Gemiliacum (фр. Jumilhac-le-Grand), совр. город на юго-западе Франции.

рий из Арля состоял в переписке с Рурицием (II.33, 36), Авитом (*Avit. Epist. XI*), и Эннодием (*Ennod. Epist. IX.33*).

Большая часть адресатов Руриция проживала в королевстве вестготов, однако, заслуживающим внимания фактом является полное игнорирование галло-римским аристократом важных исторических событий, таких, как, например, вторжение франков в Вестготское королевство¹. Он лишь упоминает о «временных беспорядках» (*tumultibus temporis*) (II.41). Исходя из этого, некоторые исследователи, такие как Д. Брэдли, не считают письменное наследие Руриция сколько-нибудь значительным для исторической науки. Однако с точки зрения микроисторического подхода, этот источник важен для воспроизведения картины повседневной жизни и быта того времени, а также идентификации многих исторических персонажей галло-римского происхождения в интересующий нас период. Что касается отношения Руриция к вестготам, то они, скорее всего, носили дружественный характер: в своих письмах он никогда не упоминает слово «варвары» (*barbarus*) (в двух местах встречается *hostis* (II.8, II.65) и, вероятно, под ними подразумеваются франки); некоторые письма адресованы вестготам (I.11 и II. 61, 63) или людям, занимавшим посты в вестготской администрации (II. 7, 12, 39). Видимо, интересы Руриция и варваров не пересекались, поскольку Руриций был весьма далек от государственных дел и не стремился влиять на события.

Таким образом, анализируя письма Руриция наряду с корреспонденцией его главных адресатов, таких как Сидоний, мы получаем изображение типичного представителя позднеантичной аристократии, пережившего конец Западной Римской империи, и сконцентрировавшегося на событиях и людях в непосредственном его окружении. Как и все галло-римские нобили того времени Руриций занимается хозяйственными делами, управляет своим приходом, погружается в литературное творчество. Образ Руриция дополняет собой коллективный портрет senatorской аристократии рубежа V-VI вв. Сравнивая круг адресатов Руриция и других авторов, его современников, можно сделать вывод, что переписка Руриция имела «локальный» характер, поскольку на территориях бывших провинций Западной Римской империи (в частности, Галлии) сложился особый тип регионального микросоциума, который еще не определяется в бытность Сидония. Данный микросоциум функционировал в пределах королевства вестготов и явился результатом децентрализации латинского Запада в V-VI вв.

¹ Прежде всего, имеется в виду битва при Пуатье (507 г.), окончившаяся полным разгромом вестготов.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА АВИТА ВЬЕННСКОГО

С.В. Шилина

В статье рассматриваются особенности эпистолярного жанра Авита, епископа Вьенна. Работы Авита помогают не только проследить изменения в обществе галльской аристократии, но и осветить богословское развитие конца V - начала VI вв. Проводится анализ коллекции писем Авита в сравнении с другими писемописателями Поздней Римской Галлии.

Ключевые слова: Алким Эджиций Авит, епископ Вьенна, коллекция писем, Сидоний, эпистолярный жанр.

TO THE QUESTION ABOUT THE FEATURES OF THE EPISTOLARY GENRE OF AVITUS OF VIENNE

S.V. Shilina

The paper considers the features of the epistolary genre of Avitus, bishop of Vienne. Works of Avitus help to chart the changes in the society of the Gallic aristocracy, so too they illuminate the theological developments of the late fifth and early sixth centuries. The analysis of the Avitus' collection of letters in comparison with other writers-letter Late Roman Gaul.

Key words: Alcimius Ecdicius Avitus, bishop of Vienne, collection of letters, Sidonius, the epistolary genre.

Эпистолярный жанр, унаследованный от античности, имел широкое распространение в последующие века¹. Несмотря на малую насыщенность текста конкретно-историческим материалом (в сравнении с другими письменными источниками), эпистолы, тем не менее, содержат уникальную информацию, воссоздающую мировоззренческие, этические и эстетические ориентиры авторского сознания.

Источники этого жанра охватывают большое число памятников разных эпох, авторов и содержания, от подлинной переписки частных лиц до посланий, обращенных к широкому читателю. Форма письма, удобная для выражения внутреннего мира человека, охотно использовалась как чистая условность в сочинениях биографического, этического и дидактического характера, а в поздние века античности, когда «малые формы» стали особенно популярны, возник даже жанр белле-

¹ См.: Поляковская М.А. Образ человека в византийском письме // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. С. 93-94.

тристического, фиктивного письма, вполне независимый от реальной переписки¹.

На протяжении долгого времени переписка была единственным средством связи для людей, которых разделяло расстояние. Со временем вырабатывались устойчивые этикетные формулы, свойственные определенным видам писем (деловым, частным и т.д.). Переписка велась между родственниками, знакомыми, друзьями, коллегами и т.п. Помимо соблюдения четкой структуры письма значимым было его изложение. По переписке можно было судить о личности автора письма, о его интересах, характере, мировоззрении, а также о культуре целой эпохи².

Письма могут быть рассмотрены как литературные произведения (послания) или документы (письма), или вместе и то, и другое. Объектом нашего изучения была выбрана коллекция писем Авита, епископа Вьеннского, являющаяся важным источником по истории Поздней Античности, в частности, второго Бургундского королевства. Первое полное издание писем было издано Рудольфом Пайпером³. В 1890 г. Авит был переиздан Улиссом Шевалье⁴. М. Буркхардт правильно заметил, что систематическая расстановка не играет практически никакой роли в формировании коллекции писем Авита⁵, не имеющей хронологической последовательности (контраст к коллекции Эннодия). Его письма не показывают художественную структуру или иерархию получателей⁶ (контраст к Кассиодору, располагавшему письма важных получателей в начале и конце книг)⁷. Также не все эпистола к важным получателям сгруппированы вместе (контраст к коллекции Симмаха)⁸.

Многие исследователи считают, что литературная история Поздней Римской Галлии остановилась на Сидонии как высшей точке, а творчество Григория Турского знаменует начало Средних веков.

¹ См.: *Сметанин В.А.* Византийское общество XIII—XV веков по данным эпистографии. Свердловск, 1987. С. 175-176.

² См.: *Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистография / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1967. С. 5-25.

³ См.: *Peiper R.* Alcimi Ecdici Aviti opera quae supersunt. Berlin, 1883. MGH AA 6.2.

⁴ См.: *Chevalier U.* Oeuvres completes de Saint Avit, eveque de Vienne. Lyon, 1890.

⁵ См.: *Burckhardt M.* Die Briefsammlung des Bischofs Avitus von Vienne. Lpz., 1938. P. 8-9.

⁶ См.: *Burckhardt M.* Op. cit. P. 12.

⁷ См.: Var. 1.1, 1.46. 2.1, 2.41, 3.1, 4.1, 5.1, 5.44, 8.1, 9.1, 10.1.

⁸ E.g. to Praetextatus 1.44-55; 1.13-43, 2.1-91 to Flavianus.

Авит Вьеннский занимает промежуточную позицию, позволяя увидеть некоторое из того, что произошло за это время. Все три галльских автора происходили из высшего социального класса, и потому можно без сомнения утверждать, имели наилучшее образование (Sidonius, Ep. 3.3.2). Таким образом, данный факт дает возможность для их сравнения. Сидоний и Григорий Турский всегда привлекали внимание к себе как литературоведов, так и историков. Но не Авит. Его творчеством занимались в основном зарубежные ученые-филологи¹.

Поэзия всегда имела своих почитателей. Проза - другое дело: проповеди в значительной степени фрагментарны, письма и богословские трактаты часто повреждены. Как результат, проза Авита осталась практически непрочитанной, хотя он гораздо более духовнее Сидония². Он был отлично знаком с Библией³, но в философских дебатах показывал небольшую осведомленность. Здесь епископа Вьеннского можно хорошо противопоставить Клавдиану Мамерту или Фаусту Ризскому.

К сожалению, многое из его творчества было утеряно, включая письма, проповеди и раннюю поэзию. Наш предмет, однако - это произведения эпистолярного жанра епископа Вьеннского, включенные в общий исторический и литературный контексты.

Авит, как и все авторы писем, признавал важность регулярной переписки (Ep. 64, 66, 84, 85). Он не отличался от большинства официальных письмописателей Поздней Римской империи, о которых М. Вагнер писал с пониманием: «многие звенели грубыми гиперболами, создавая и поддерживая иллюзию реальной встречи, не ослабляя своего участия в отношениях. Их эпистолярные разговоры обладали некой помпезностью, свойственной риторическому веку или просто выполнили указы придворного этикета. Экстравагантные и церемониальные фразы были модой»⁴.

Коллекция писем Авита, в большей степени, разнообразная: это деловая, политическая и церковная переписка: канцелярские письма для королей, Гундобада и Сигизмунда, теологическая и деловая переписка с епископами других областей. Наиболее известное в этом от-

¹ См.: Brunholz F. Histoire de la littérature latine du Moyen Age. Vol. 1. Louvain-la-Neuve 1990. P. 116. Schanz M., Hosius C., Kruger G. Geschichte der römischen Literatur. München, 1920. P. 388; Shanzer, Danuta; Wood, Ian N. Avitus of Vienne. Letters and Selected Prose. Liverpool, 2002.

² См.: Loyer A. Sidoine Apollinaire: Poemes ed Lettres. Paris, 1943. P. 34-37.

³ См. Peiper R. Op. cit. P. 297-299.

⁴ См.: Wagner M. A Chapter in Byzantine Epistolography. The Letters of Theodoret of Cyrus. Dumrarton Oaks, 1948. P. 140.

ношении письмо Ер. 46 - поздравление Хлодвига с его крещением. Этим его коллекция отличается от работ Руриция¹. Весьма небольшой материал личных писем к членам семьи: письма к брату, епископу Валенсию Аполлинарию, и кузину, Аполлинарию, единственное исключение. Авит представил несколько красочных картин галльской повседневной жизни V-VI вв. В этом отношении его письма могут показаться более печальными по сравнению с картинами, описываемыми Сидонием².

В сравнении с работами епископа Клермона, письма Авита содержат на удивление мало обращений к классическим авторам. Контраст – Руриций, Ер. 2.4. Не встречается и аллюзий к языческой мифологии³. В этом отношении Авит отличается от Сидония и Эннодия. Неясно, почему епископ Вьеннский, имеющий прекрасное образование, так строго оградил свои письма от элементов классической традиции. Он, возможно, чувствовал холодный ветер перемен в поколении после Сидония. Позднее, классические чтения и учения последующего епископа Вьенна, Дезидерия, повлекут за собой папский выговор (Greg. Mag. Ер. 54, PL 77.1171 C).

В коллекции Авита не встречается переписка с женщинами. В этом он мало чем отличается от Сидония, имевшего одно письмо, адресованное его жене (Ер. 4.16). Плиний опубликовал 9 таких писем (Ерр. 1.4, 2.4, 3.3, 4.19, 6.4, 6.7, 7.5, 7.14 и 8.11). Иероним имел многочисленные переписки с женщинами, но не одно из этих писем не попало в его коллекцию. Среди близких современников Авита, Руриций имел всего два письма (Ерр.2.15 и 2.50), но коллекция Эннодия содержит 23 письма к 11-ти различным женщинам. Учитывая привязанность и уважение Авита к его умершей сестре и его интерес к святым женщинам в его семье, мы можем предположить, что между ними существовала переписка.

Стиль Авита известен своим отсутствием. Гельцер – филолог, писавший для филологов, характеризует его как чрезмерно «вычурный», «напыщенный», «искаженный». Епископ Вьенна в целом не является выдумщиком неологизмов или последователем архаики, изысканного или поэтического словаря⁴. Он увлекался антитезами, абстракциями (Ер. 57, р. 85.24), игрой слов (Ер.18, р.49.26), омофонами, как и Григорий Великий, метафорами: (Ер.16, р.48.12; Ер.54, р. 83.10).

¹ См.: *Hagendahl H.* La Correspondance de Ruricius. Gothenburg, 1952. P. 7; *Mathisen R.* Ruricius of Limoges and Friends. Liverpool, 1999. P. 3-4.

² См.: *Loyen A.* Op. cit. P. 43.

³ *De spiritalis historiae gestis.* 4.3-8.

⁴ См.: *Goelzer H.* Le Latin de S. Avit. P., 1909. P. 702-705.

Авит жил в интересное время и проявлял осторожность при работе с тем, что он творил на папирусе. Авит в Ер. 37 говорит: «Пиши, если это разрешено». Предложения Авита – закодированная связь. В этом ему помогали метафоры и другие приемы.

Одним словом, некоторые трудности в чтении латинского Авита - результат его стиля, а также результат современного несовершенного владения языком читателя. Каждое новое письмо требует своего подхода, как в начале, так и в течение всего чтения. Процесс занимает время, но стоит затраченных усилий, делая такой важный источник информации по истории Поздней Римской Галлии более доступным.

Коллекция писем Сидония давно служила источником для социальной и литературной истории Поздней Римской Галлии. Руриций недавно был переведен на новые языки и сейчас доступен для всеобщей исторической аудитории. Эннодий все еще ждет своего «поклонника». Авит отличается от них всех. Его коллекция, возможно, проливает свет на политические темные места, учитывая, что он зачастую является единственным источником по истории второго Бургундского королевства.

Письма Авита, дошедшие до наших дней - не литературные в изучении. Они - пасторская и политическая переписка важнейшего галльского епископа, и тем самым, имеют неопределимое историческое значение. Авит может изменить представление о таких вопросах как родство между варварскими королевствами и Византией, сравнительно дружественной беседой, диалогами, переговорами между католиками и арианами в Бургундии, образовательным уровнем варварских королей и хронологией крещения Хлодвига.

ЭВЕРГЕТИЗМ И ПАТРОНАТ В СОЧИНЕНИЯХ МАГНА ФЕЛИКСА ЭННОДИЯ

В.Ю. Сапенко

В работе рассматриваются основные проявления эвергетизма и патроната, которые можно извлечь из сочинений одного из крупнейших латинских писателей Западной Европы VI в. Эннодия.

Ключевые слова: эвергетизм, патронат, Эннодий, письма.

EVERGETISM AND PATRONAGE IN THE WORKS OF MAGNUS FELIX ENNODIUS

V.Yu. Sapenko

The paper examines the main aspects of evergetism and patronage which can be learned from the works of one of the largest Latin writers of Western Europe of VI century - Ennodius.

Keywords: evergetism, patronage, Ennodius, letters.

Античная цивилизация оставила после себя обширное культурное наследие, которое не утратило своей ценности и актуальности до настоящего времени. Это касается не только произведений культуры, научных открытий, но и общественных отношений. Общественное устройство античной цивилизации было сложным и многообразным, а отдельные его элементы, претерпев различные трансформации, сохранились до наших дней. В связи с этим изучение данных отношений является весьма актуальным. Особый интерес вызывают такие формы отношений как патронат и эвергетизм.

Цель нашего исследования - проследить эволюцию патронатных отношений и эвергетизма в период разрушения римского общества и становления общества средневекового. Наиболее подходящим методом для этого, на наш взгляд, является историко-биографический, позволяющий прослеживать различные процессы в обществе через их отражение в жизни отдельных людей.

Касаясь вопроса о патронате в позднеримском обществе, необходимо, в первую очередь, определиться с тем, что в целом представляет собой данное явление. Патронат в древнеримском обществе выступал в качестве особой формы социальных отношений, представлявшей собой покровительство по отношению к бедным гражданам со стороны богатых и обеспеченных. Богатого гражданина называли патроном, а перешедших под его покровительство людей – клиентами. С одной стороны, это неуклонно вело к попаданию бедных римлян в зависимость, а с другой, предоставляло им средства к существованию¹. В связи с этим, патронат следует понимать не только как форму зависимости, но и как форму социальной поддержки. В поздний период существования Римской империи под покровительство богатых римских граждан переходили отдельные поселения и даже города.

Отношения «патрон-клиент» являлись одним из инструментов, поддерживающих стабильность в римском обществе. Необходимо отметить, что обе стороны при этом несли определенные обязательства. Патрон был обязан обеспечивать клиента одеждой, пропитанием, даже деньгами. В домах патронов в определенный день недели, который назывался клиентским, устраивались специальные обеды и раздачи

¹ *Lomas K., Kornell T. Bread and Circuses: Evergetism and Municipal Patronage in Roman Italy. London, 2003. P. 39.*

денег. Кроме того патрон всегда охотно оказывал поддержку клиентам и в плане их продвижения по социальной лестнице, ведь, если клиенту удавалось занять сколько-нибудь значимую должность, то это сулило значительные выгоды патрону. Клиент, в свою очередь, был обязан поддерживать своего патрона во время народных собраний, при необходимости сопровождать и охранять его, оказывать всевозможную иную помощь, прославлять патрона. Можно сделать вывод, что данные отношения были выгодны обеим сторонам.

Эвергетизм и патронат представляют собой сходные явления, но каждое из них содержит свои особенности, которые имеют большое значение при рассмотрении аспектов данных явлений, поэтому мы их дифференцируем и рассматриваем эвергетизм отдельно.

Явление эвергетизма изучено гораздо меньше, чем патронат, особенно в отечественной историографии. Под эвергетизмом понимается позиция, занимаемая слоем богатых граждан, живущих в городе и воспринимающих участие в управлении государством не только и не столько как право, но и как определенную обязанность. В связи с этим, они прибегали в своей политической деятельности к использованию личных средств - строили за свой счет бани, амфитеатры, сооружали различные монументы, устраивали грандиозные представления (в том числе, гладиаторские бои) и многое другое. Они стремились своей щедростью завоевать популярность у народа, тем самым, продолжая и дальше отправлять функции управления государством¹.

При исследовании эволюции данных явлений в позднеримском обществе наиболее интересную и содержательную информацию дает рассмотрение биографии и трудов людей, живших в данный период, являвшихся непосредственными участниками изучаемых общественных отношений и выступавших в течение своей жизни и в роли «клиентов», и в роли «патрона». К тому же многие из них были воспитаны в классических римских традициях, а затем оказались вынуждены приспособливаться к новым реалиям. Творчество одного из таких людей мы и рассмотрим далее.

Магн Феликс Эннодий, римский писатель, епископ Тицинский, живший в конце IV – начале V вв., является одним из ярких представителей эпохи перелома, последовавшей за падением Западной Римской империи и формированием варварских королевств. Будучи христианским священником и верным служителем церкви, он оставался римским интеллектуалом. В его творчестве нашли отражение, как хри-

¹ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 50.

стианские ценности, так и ценности, характерные для римской цивилизации¹.

Применительно к вопросу о патронате и эвергетизме наиболее информативным является сочинение Эннодия «Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви», посвященное его духовному наставнику. В этом сочинении Епифаний выступает не только, и даже не столько, как духовное лицо, а как талантливый дипломат и оратор. Он фактически предстает перед нами в качестве патрона всей области Лигурии². Это проявляется в ряде моментов его биографии, описанной Эннодием. Он получает свою должность, будучи избранным населением Лигурии, причем сам пытается отказаться от этой чести (*Ennod. Vita Epiaph. 40*). Избравшие его жители Лигурии прямо выражают надежду на то, что он сможет удовлетворить их чаяния, разумно и с пользой для всей провинции отправляя свою должность. Выбор не случаен – он уже показал свои умения и надежность. Еще раньше, при прежнем епископе Криспине, Епифаний распоряжался всеми церковными средствами, часть из которых тратилась на помощь бедным людям (*Ennod. Op. cit. 27*). Став епископом, он тем более продолжил управление этими средствами, щедро одаривая бедняков милостью и оказывая помощь согражданам, вернувшимся из плена. Он помогал даже «разбойникам», т.е. воинам короля Одоакра, попавшим в плен к армии короля Теодориха, занимавшей город Тицин во время войны за Северную Италию (*Ennod. Op. cit. 114-115*). Это было продиктовано, в первую очередь, заботой о родном городе, что и становится понятно далее из текста Эннодия. Своей мудрой политикой Епифанию удастся сохранять дружеские отношения с обоими правителями и, тем самым, уберечь родной Тицин от разрушения. К тому же, пользуясь расположением и Теодориха и Одоакра, епископу удавалось договориться об освобождении пленных, в ситуациях, где, как подчеркивает Эннодий, даже золото вряд ли смогло бы помочь (*Ennod. Op. cit. 115-116*).

Фактически все это время именно Епифаний управляет всем в Тицине, пользуясь безграничной поддержкой жителей не только собственного города, но и населения Лигурии в целом. После окончания войны ему удастся восполнить население Тицина, пригласив в город жителей других мест. В «Житии» особо выделяется, что приглашал он

¹ Тюленев В.М. Эннодий – штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 8. СПб., 2010. С. 63.

² Тюленев В.М. Магн Феликс Эннодий – человек уходящей эпохи // Магн Феликс Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания. СПб., 2013. С. 31.

по определенному принципу – «всякого рода надежные цветы из граждан других городов» (*Ennod. Op.cit.* 121). То есть он собирает лучших людей провинции, в чьей поддержке и лояльности, способности принести его городу пользу, он абсолютно уверен. И они охотно откликаются на его призыв, оказывая ему эту самую поддержку.

Мы показали, что делал для жителей Лигурии, выступавших как бы его «клиентами», Епифаний. Теперь следует сказать, чем отвечали они. Разумеется, в отличие от классического варианта римского патрона-клиенты, они не имели конкретных обязательств перед «патроном» в обмен на его заботу и помощь. И, тем не менее, они гарантировали Епифанию поддержку во всех его начинаниях, а также обеспечивали развитие его дипломатической карьеры, успехи в которой он опять же обращал к их пользе. Эннодий прямо указывает, что именно знатные лигурийцы попросили патриция Ричимера отправить Епифания в качестве посла к императору Антемию для заключения мира, в котором были крайне заинтересованы (*Ennod. Op. cit.* 55-58). После того, как Епифаний блестяще справляется с этой миссией, он обретает репутацию превосходного дипломата. Спустя несколько лет, вновь по предложению лигурийской знати, епископ отправлен в качестве главы посольства, на этот раз к королю Эвриху, где также добивается успеха. По возвращении его в Тицин происходит очередная междоусобица в Италии, и город подвергается разграблению, даже сестра епископа оказывается в плену. Весь город обращается к нему за помощью, полагая его последней надеждой, при этом он оказывается неприкосновенным среди происходящих в городе беспорядков. Ему удается вызволить пленных, частично выкупив, частично пользуясь своим авторитетом и добиваясь их освобождения без платы (*Ennod. Op. cit.* 97-100). Гораздо позже он еще дважды был избран для дипломатических миссий - с просьбой к королю Теодориху о снижении налогов, а затем к бургундскому королю Гундобаду, с целью освобождения пленных. Нужно отметить, что подобные функции должен был бы исполнять епископ Медиоланский, как главное духовное лицо Лигурии. Однако он упоминается лишь в истории с посольством к Теодориху, куда его зовет сам Епифаний, а в ходе переговоров епископ Лаврентий передает ему инициативу (*Ennod. Op.cit.* 124). Это показывает, сколь велики были авторитет и влияние Епифания.

Также в его деятельности прослеживается и тенденция эвергетизма. Уже будучи епископом, он совершает ряд действий, не входящих в круг его обязанностей, но объясняемых именно тем, как он понимал свою должность и являющихся благотворительными акциями. Он организует восстановление разрушенных тицинских церквей, забо-

тится о восстановлении города, как мы ранее уже отмечали, договаривается о бесплатном возвращении пленных и об уменьшении налогов для лигурийцев. Ярким примером эвергетизма следует считать и обеспечение пленными воинами Одоакра питанием, кровом, возможно и лечением, о целях которого мы также писали выше.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в этот период и патронат, и эвергетизм претерпевают серьезные изменения. Власть в Северной Италии оказалась в руках варваров (Рицимер – свев, Одоакр и Теодорих – готы), которые чужды римским традициям. Римская же аристократия оказалась либо в роли советников при дворах варварских правителей, либо вступала на путь духовного служения. В первом случае необходимость в системе патроната отпадала. А вот во втором она, напротив, могла помочь епископам отправлять свои функции. Ведь, являясь патронами целых областей, они с гораздо большей эффективностью могли заботиться о своей пастве, что и составляло цель их служения. Но патронат здесь из системы взаимных двусторонних обязательств, превратился в выражение полного доверия и поддержки со стороны населения области епископу, за что тот «платил» заботой и попечением о его нуждах. Эвергетизм же стал проявляться не в виде ярких акций для завоевания популярности у населения, а в виде мероприятий, направленных на улучшение жизни собственной провинции, прежде всего, в долгосрочной перспективе. Он терял свою прагматическую составляющую и приближался к благотворительности.

ЖЕНЩИНЫ-ФИЛОСОФЫ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ И ТРАДИЦИЯ ШКОЛЬНОГО НЕОПЛАТОНИЗМА: СОСИПАТРА

А.М. Болгова

В работе рассматривается образ и характеристика женщины-философа Сосипатры, данный Евнапием в начале V в. По мнению Р. Пенеллы, образ Сосипатры был призван стать своеобразным противовесом образу Гипатии, александрийской женщины-философа, относительно теургических практик. Сосипатра изображается источником как теург и последователь Ямвлиха, а Гипатия была, прежде всего, ученым и философом, без теургии.

Ключевые слова: философия, неоплатонизм, школа, Сосипатра, Евнапий, Ямвлих.

WOMEN-PHILOSOPHERS OF EARLY BYZANTIUM AND THE TRADITION OF NEOPLATONISM SCHOOL: SOSIPATRA

A.M. Bolgova

The paper deals with image and characteristics of female philosopher Sosipatra, which were given by Eunapius in the beginning of V century. According to the researcher of Eunapius R. Penella, Sosipatra image was intended to be a kind of counterbalance to the image of Hypatia, the Alexandrian woman philosophers, with respect to theurgic practices. Sosipatra portrayed as a source of theurgist and explicit follower of Iamblichus and Hypatia was primarily a scientist and a philosopher, without a theurgic practice.

Keywords: philosophy, Neo-Platonism, the school, Sosipatra, Eunapius, Iamblichus.

Важным связующим звеном между Ямвлихом (ок. 245/280 – 325/330 гг.), создателем теургических религиозных практик неоплатонизма, и тремя его философскими «внуками» (Максимом Эфесским, Приском Эпирским и Хрисанфием Сардийским) были его «философские сыновья» - Эдесий и два других ученика Ямвлиха - Сопатр и Евстафий, а также жена Евстафия Сосипатра, и их сын Антонин.

Сосипатра и ее сын Антонин служат особенно хорошим примером религиозно-теургической *Sophia*, которая была так распространена в неоплатонизме со времени Ямвлиха.

Основным источником о жизни Сосипатры служат «Жизнеописания софистов и философов» Евнапия.

Сосипатра (Eunap. VS VI 6.5-10.5, 466-471) родилась недалеко от Эфеса, дочь богатого землевладельца. Она вышла замуж за Евстафия и имела от него троих сыновей. Она, в дальнейшем, покинула Каппадокию, где они постоянно жили, и поселились со своими детьми в ее имении в Пергаме, где Эдесий опекал ее и обучал ее детей¹. Мы знаем, что Евстафий умер прежде нее (VS VI 8.4-6); затем, она, как и он, тогда еще были живы, когда Юлиан находился на троне.

Сосипатра обладала исключительным знанием греческих поэтов, философов и ораторов. В своем поместье в Пергаме она проводила занятия по философии; на одном таком занятии, на котором случилось быть Евнапию и прокомментировать его, она вела дискуссию по центральной теме неоплатонизма - нисхождению души.

Но особенное внимание Евнапия привлекли сверхъестественные способности Сосипатры, а не ее учебники или преподавание. Он дает три примера ее силы ясновидения (и яснослышания), утверждая, что «все знали, что она была вездесуща, и, как утверждают философы о

¹ См. Penella, Robert J. Greek philosophers and sophists in the Fourth century A.D. Studies in Eunapius of Sardis. Leeds, 1990. P. 55.

богах, она стала свидетелем всего, что произошло» (VI 7.3-5, 9.7-8, 9.11-14).

Другим ее сверхъестественным даром было пророчество. Незадолго до ее брака с Евстафием она предсказала, что они будут иметь трех сыновей; что все трое будут иметь успех земной, но только один (т.е. Антонин) будет успешным еще выше, у богов - *προς το θεῖον αγαθόν*; что Евстафий умрет раньше нее, и его душа вознесется в область Луны. «Ее слова имели такую же силу, как непреложный оракул» (VI 8.3-6). В конце своего сообщения о Сосипатре и как раз перед тем, как он рассматривает собственно Антонина (VI 9.15-10.5), Евнапий показывает, как пророчество Сосипатры о ее трех сыновьях точно сбылось¹.

Антонин (Еупар. VS VI 10.5-11.12, 471-473), поселившись в Канопском устье Нила и утвердившись в подвижническом и эзотерическом стиле жизни, посвятил себя местным религиозным обрядам и преподавал философию Платона многочисленным ученикам, которые стекались к нему. Как и его мать, он обладал даром пророчества: он предсказал разрушение александрийского Серапеума и других языческих храмов в Египте². Как и в случае пророчества Сосипатры по поводу своих сыновей, Евнапий нам не только сообщает пророчество Антонина, но и показывает в деталях, как оно сбылось после его смерти (VI 11.1-10). Когда Евнапий пишет, что Антонин не сделал очерка теургии, «вероятно, потому, что он был насторожен имперской оппозицией к нему» (VI 10,7), то он имеет в виду, конечно, что Антонин имел теургические полномочия.

Религиозно-теургический стиль Сосипатры хорошо вписывался в круг Ямвлиха, несмотря на то, что она сама не была его непосредственной ученицей. Конечно, у нее были учителя; но, по словам Евнапия, они «не были человеческими». Сосипатру ее отец доверил, в возрасте всего пяти лет, двум незнакомцам-странникам, после того, как они чудесным образом произвели богатый урожай в одном из его поместий, и пообещали передать их таинственные знания ей. Он не видел ее в течение четырех лет. Когда она возвратилась к своему отцу,

¹ О тексте о пророчествах Сосипатры и относительно проблем интерпретации см.: *Giangrande G. La profezia di Sosipatra in Eunapio // SCO. 5. 1956. P. 111-116.*

² Антонин может быть тем, кого упоминает Августин в *De divin. daemon. I.1: cum ... affirmaretur praedixisse nescio quem eversionem templi Serapis, quae in Alexandria facta est*; но он мог так же легко ссылаться на предчувствие языческого философа Олимпия (Soz. 7. 15,9; Suda O 218) или на герметического Асклепия, 24-26. См. *Luck G. Two Predictions of the End of Paganism // Euphrosyne. 14. 1986. P. 156.*

она была уже «переродившейся» и ясновидящей. Выяснилось, что незнакомцы были адептами халдейских знаний. Книги, которые они оставили ей, включали Халдейские оракулы – откровение, имевшее центральное значение для Ямвлиха и афинской школы неоплатонизма¹. Распространилась молва, что учителя Сосипатры были *daimones*². Подробное сообщение Евнапия о них оценивается как «своеобразный вариант довольно знакомого народного мотива»³. Его функция в жизнеописаниях слишком сильно связана с источниками и передачей знаний и мудрости, чтобы дать *sophia* Сосипатры место в ее родословной.

Сообщение Евнапия о Сосипатре обширно - восемь страниц в издании Джангранде (Giangrande), более девяти страниц, если включать замечания о ее сыновьях в VS VI 9. 15-10.5, целью которых является показать, что ее пророчество о них было выполнено. «Так далеко распространилась слава этой женщины, что уместно говорить о ней даже еще более подробно в этом каталоге мудрецов» (VS VI 6.6)⁴. Его рассказ о ней является хвалебным без детальной квалификации, и его биографические принципы включают в себя демонстрацию ее философского и духовного превосходства над различными людьми. Когда отец Сосипатры испытал ее ясновидением, он «не просто подивился на нее, но был ошеломлен и убежден, что его ребенок был богиней». Ее отец думал, что ее таинственные воспитатели были богами, но она считала, что они были *daimones*⁵.

После того как ее воспитатели вернулись к отцу, он не мог осуществлять полную отцовскую власть над ней как над обычным ребенком, но полагал, что «пусть она живет так, как она хочет, и не мешал ее занятиям».

¹ *Pack R. A Romantic Narrative in Eunapius // ТАРΑ. 83. 1952. P. 203.* О Халдейских оракулах см.: *Wallis R.T. Neoplatonism. New York, 1972. P. 105-106.* Vollebregt предполагает, что *κοιτίδα* (колыбель) Сосипатры, в которую странники поместили книги, была местом, где она хранила «*quicquid ei ad theurgiam opus erat*» (*Symbola* 84). *Ορυγα*, что они дали ей, предположительно были предметами, необходимыми для магического ритуала теургии.

² *Eunap. VS VI 7. 11; cf. Porphy. De antro 29.* Ранее (VI. 7.1) Евнапий называл их либо героями, либо *daimones*, либо *τι θεϊότερων γένος*, т.е., богами.

³ *Pack R. A Romantic Narrative in Eunapius. P. 183 ff.*

⁴ Не преувеличивает ли Евнапий в некоторой степени известность Сосипатры? Она даже не упоминается ни в одном другом из дошедших до нас древних источников.

⁵ В VS VI 7.11 одно предложение, возможно, следует считать частью прямой цитаты, приписываемой Сосипатре.

Более примечательно, чем ее превосходство над ее отцом то, как Сосипатра возвышалась над прочими людьми в силу своего духовного и интеллектуального отличия. Евнапий отмечает, что рядом с ее превосходной мудростью ее муж Евстафий казался незначительным человеком. Ее превосходство над мужем было распространено и на «следующую жизнь». Незадолго до ее брака с Евстафием пророчица предсказала, что ее муж отправится на постоянное место жительства после смерти на Луну, но что она сама могла бы достичь более высокого места, то есть исключительно Солнца.

Когда Сосипатра обосновалась в Пергаме, и Эдесий наблюдал за ней там, студенты Эдесия хотели пойти к ней домой, чтобы послушать ее после того, как их занимались с ней в аудитории; и хотя они очень восхищались ее *akgibia*¹, они почитали и поклонялись также и ее энтузиазму (VI 9.2).²

Евнапий здесь намекает на более религиозно-теургический характер учения Сосипатры, который вызвал восторг студентов более, чем от Эдесия. Наконец, Евнапий показывает Сосипатру до того, как ее превзошел Максим, один из учеников Эдесия. Когда Сосипатра начала чувствовать, что влюбляется в своего кузена Филометора, она попросила Максима сделать то, что он мог, чтобы спасти ее от этой страсти. Максим работал над этим волшебством, и как оказалось, эффективно. Но когда, после того, как он исполнил свои обряды, Максим пошел к Сосипатре, он был поражен, услышав, как ясновидящая женщина описывает эти обряды в деталях, «как если бы она присутствовала сама». Максим пал на землю и провозгласил ее богиней. Демонстрация превосходства Сосипатры над различными людьми – часть биографического *αὐξήσεως* (преувеличения) Евнапиева сообщения о ней, помогает оправдать ее включение в «каталог мудрых мужей».

Сосипатра является первой женщиной-философом в неоплатонический период, о которой у нас есть некоторые подробные знания. Ее неоплатонические предшественницы – две Гемини и Амфиклея из круга Плотина; Марцелла, жена Порфирия и адресат дошедшего до нас от него письма; Арета, возможно, ученица Ямвлиха; жена Максима Эфесского – в целом – лишь немного больше, чем просто имена или, в последнем случае, даже меньше³. Ничего более конкретного о них неизвестно.

¹ Тщательность, безупречность.

² Об энтузиазме см.: Iambl. De myst. 3. 7-8, 25.

³ Porph. Vita Plot. 9, Ad Marc. 3; Iambl. in Stob., Anth. 3. 5. 9, 45-50 Wachsmuth Hense; Eunap. VS VII 3. 16, 477.

Самая известная женщина-философ IV – начала V вв., Гипатия Александрийская, процветала, когда Евнапий составлял свои жизнеописания¹. Имел ли сардиец Евнапий в виду Гипатию, дав в письменном виде свой полный и лестный образ Сосипатры, намереваясь возвысить ее как азианический ответ на женскую мудрость Александрии? Поклонник теурга Сосипатры не был хорошо расположен к сильно склонной к рациональной философии Гипатии². И он не был в состоянии оценить иронию того, что сын Сосипатры Антонин процветал как учитель философии в Египте, в устье Нила Канопе, при жизни самой Гипатии.

Итак, имеются хорошие биографические и тематические ответы на вопрос, почему Евнапий не ограничивает себя линией «учитель-ученик» в отношении Ямвлиха-Эдесия-Хрисанфия, но также включает образы Сопатра, Евстафия, Сосипатры и Антонина.

В своем жизнеописании Ямвлиха, Евнапий упомянул по имени пять выдающихся учеников Ямвлиха: Сопатра, Эдесия, Евстафия и «Феодора и Евфрасия из Греции» (VI, 5, 458). Кажется наиболее вероятным, что Евнапий имеет в виду Феодора Асинского³; ничего не известно о Евфрасии. Хотелось бы знать, почему Феодор и Евфрасий достаточно отличаются, чтобы быть названными вместе с Сопатром, Эдесием и Евстафием, но не рассматриваются или даже не упоминаются снова в дальнейшем. Мы можем только догадываться об этом, и такого рода спекуляции, по общему признанию рискованны.

Было высказано предположение, что из-за отсутствия у Евнапия интереса к Феодору мы можем сделать вывод, что Феодор не учил в Пергаме; Евнапий, другими словами, в основном интересовался «Пергамской школой», а Феодор не был, по-видимому, частью этой группы⁴. Могут быть и какие-то другие причины. Феодор учился как у Порфирия, так и у Ямвлиха, но примкнул гораздо больше к первому, чем к последнему. Ямвлих критиковал некоторые особенности преподавания Феодора. Последователи Феодора пытались дискредитировать

¹ Гипатия была учителем Синезия Киренского в 393-395 гг. (Socr. VII, 15; Malal. 359; Suda Y 166). Когда она родилась, точно неизвестно.

² О философских предпочтениях Гипатии см.: Praechter [K.]. Hypatia // RE. 9:1. 1914. S. 245-246; Lacombrade C. Synesios de Cyrene, hellene et chrerien. Paris, 1951. P. 38-63; Bregman J. Synesius of Cyrene, Philosopher-Bishop. Berkeley, 1982. P. 20-24.

³ Три из пяти городов, называемых «Asine», которые перечислены в RE 2 (1896) 1581-1582, находятся в материковой Греции.

⁴ Praechter K. Richtungen und Schulen im Neuplatonismus // Genethliakon Carl Robert. Berlin, 1910. S. 108-109.

Ямвлиха, обвиняя его в том, что он был мотивирован честолюбием (Jul., Epp. 12 Bidez).

Если, как представляется вероятным, Феодор отклонил или ущемил теургической акцент ямвлихова неоплатонизма, который был так высоко оценен воспитателем Евнапия Хрисанфием, и кроме того Феодор не был в прямом соотношении линии «учитель-ученик», идущей от Плотина до Хрисанфия, то Евнапий имел небольшую склонность включить очерк о нем в свое сочинение. Евфрасий, тоже, хотя и ученик Ямвлиха, возможно, отказался быть причисленным к ямвлихову неоплатонизму. Его опыт, возможно, был похож на анонимного философа, который упоминается в одной из речей Фемистия, который, хотя и был учеником «старца из Халкиды» [т.е. Ямвлиха], почитал не «новую песню [т.е. ямвлихов неоплатонизм], но старую наследственную песню Академии и Ликее» (Opat. 23.295b)¹.

Сосипатра, таким образом, являет собой теургический пандан Гипатии, но не является единственной женщиной-философом неоплатонизма. В этом ряду важное место занимает также Эдесия, фактически руководившая Александрийской школой в 450-475 гг., но это – тема отдельного исследования.

ЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ

М.А. Руднева

В статье на основе комплексного анализа источников предпринимается попытка изучения особенностей этнической и социальной структуры населения Александрии Египетской ранневизантийского времени.

Ключевые слова: Александрия Египетская, этнос, социальная структура.

ETHNIC AND SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF EARLY BYZANTINE ALEXANDRIA

M.A. Rudneva

On the basis of a comprehensive analysis of the sources, the author attempts to study the characteristics of ethnic and social structure of the population of Alex-

¹ *Fowden G. JHS. 102. 1982. P. 44.* Фуден здесь предварительно предположил, что анонимом Фемистия является Евнапиев Евфрасий. См.: *Vanderspoel J. Themistios and a Philosopher at Sikyon // Historia. 36. 1987. P. 383-384.*

andria of Egypt early Byzantine times.

Tags: Alexandria, Egypt, ethnicity, social structure.

Александрия Египетская на протяжении ранневизантийского времени оставалась одним из крупнейших городов империи. Сложно переоценить значительное влияние города в экономической, политической, культурной и религиозной сферах исторического развития Византийской империи, что обусловило значительное внимание исследователей к изучению Александрии. Изучение этнической и социальной структуры населения Александрии является важным вопросом в контексте исследования ранневизантийского города.

Представление об этнической социальной структуре населения Александрии дают такие письменные источники как: Кодекс Феодосия (438 г.); Афанасий Великий (ок. 298–373 гг.) «История ариан»; Сократ Схоластик (ок. 380–439 гг.) «Церковная история»; Палладий Еленопольский (ок. 360–420 гг.) «Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов»; Иоанн Эфесский (ок. 507 - ок. 586 гг.) «Церковная история»; Леонтий Неапольский (VII в.) «Житие Иоанна Милостивого»; Иоанн Никиусский (VII в.) «Хроника»; Важные подробности содержит «История александрийских патриархов» - обширный источник второй половины X века.

Об антропоморфитских спорах известно из «Церковной истории» Сократа (HE, VI, 7, PG 67, 688), «Церковной истории» Созомена (HE VIII, 11–12), а также из «Собеседований» (Collocationes X, 3) Иоанна Кассиана. Важные сведения по данной проблеме содержатся в «Aporphthegmata Patrum» - агиографическом памятнике, сборнике изречений отцов-пустынников (V или IV–VI вв.).

В целом, источниковая база при большом жанровом и номинальном разнообразии письменных источников, отличается малой информативностью относительно исследуемого предмета. Здесь большую роль сыграло неимение полноценных данных археологии, ввиду отсутствия возможности комплексных археологических исследований Александрии.

Среди проблем изучения ранневизантийской Александрии Египетской скудностью историографии отличается тематика этнического развития александрийского общества. В данном аспекте наиболее часто упоминаемой в трудах отечественных и зарубежных исследователей, является тема изучения истории коптов в ранней Византии. Раз-

личным аспектам данной проблемы уделили внимание российские исследователи Е.А. Кривец¹, А.С. Ковалец² и др.

Если обобщить данные о социальной структуре Александрии, то можно сделать вывод, что общество Александрии было достаточно сложным, но в наиболее широком понимании было в своей основе двухуровневым, с небольшим количеством богатого населения (*honestiores*), и основной массой населения (*humiliores*). В общественной структуре города происходила постепенная трансформация, связанная как с тенденциями к социальной дифференциации, так и центробежными тенденциями внутри социальных слоёв на основе их деятельности, при этом этно-конфессиональный фактор в данном вопросе не играл определяющей роли.

Тем не менее, этнический компонент требует отдельного рассмотрения, так как он оказывал большое влияние на динамику исторического развития александрийского социума. Как отмечает А.С. Ковалец, в начале первого тысячелетия н.э. два основных этнических компонента Александрийского мегаполиса составляли греки и эллинизированные иудеи³. При этом, исследователи считают, что именно эти два этнических элемента сыграли важнейшую роль в христианизации Александрии, ставшей одним из главных центров распространения христианства в Египте. История иудейской диаспоры в Египте восходит к IV в. до н.э. Филон исчисляет её во всем Египте миллионом (Фласс. 43) - одна восьмая всего населения⁴. Исследователи считают,

¹ См.: *Кривец Е.А.* Этапы становления и развития коптской церкви // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 4. С. 83-87; *он же.* Египетские копты: проблема идентичности // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 2. С. 271-274; *он же.* Социально-политические и религиозные последствия завоеваний Египта в Средние века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 54-59.

² *Ковалец А.С.* Раннее христианство в Египте: молчание источников и этнический аспект // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2008. № 4 (14). С. 26-34; *Он же:* Проблема отношения коптского монашества к Александрийской философско-богословской традиции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 3 (9). С. 50-63.

³ *Ковалец А.С.* Раннее христианство в Египте: молчание источников и этнический аспект. С. 26.

⁴ *Ковалец А.С.* Проблема отношения коптского монашества к Александрийской философско-богословской традиции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 3 (9). С. 52.

что значительная концентрация грекоязычных иудеев в Александрии могла быть одним из решающих факторов в процессе христианизации¹.

Как отмечает Ева Випшицка, греки также должны были сыграть значительную роль в данном процессе²: «...Большая часть христиан, какова бы ни была их этническая принадлежность, всецело разделяла позиции Афанасия, Кирилла и Диоскора, которые были греками. Александрийцы, которые с таким рвением сражались во имя Церкви, были по большей части (по крайней мере, в IV–V вв.) греками³». С другой стороны, исследователи отмечают, что, несмотря на процветание греческого языка и культуры в городах Египта, в том числе, и Александрии, «параллельно продолжал существовать египетский строй жизни, противопоставляющий себя эллинизму и культивирующий патриотические настроения⁴». Долгое время в исторической науке сложилось прочное убеждение, что «в течение IV, V и VI вв. существовал резкий контраст между городом Александрией, крупным интеллектуальным центром, в котором доминировали греческий язык и греческие культурные традиции, и всей остальной страной - страной египетских крестьян, говоривших на коптском языке...⁵». Вместе с этим, Е.С. Ковалец говорит о постепенном преодолении тезиса о необходимости строгого различия между александрийским христианством и христианством «деревенской» коптской культуры, представителями которой были виднейшие лидеры египетского монашества - преп. Антоний, Пахомий, Макарий Египетский и др.

При внимательном рассмотрении обнаруживается, что контакты между монашеством и городской культурой не были редкостью. Об этом свидетельствует близость пустыни к городу, высокая плотность населения, что приводило к увеличению частоты контактов⁶. Насель-

¹ Ковалец А.С. Проблема отношения коптского монашества к Александрийской философско-богословской традиции. С. 52; Ritter A. M. De Polycarpe à Clément: aux origines d'Alexandrie chrétienne // Alexandrina. Paris, 1987. P. 163.

² Wipszycka E. La christianisation de l'Égypte aux IV–VI siècles. Aspects sociaux et ethniques // Aegyptus, 68. 1988. P. 159.

³ Ibid.

⁴ Ковалец А.С. Раннее христианство в Египте: молчание источников и этнический аспект. С. 30.

⁵ Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 200.

⁶ Ковалец А.С. Проблема отношения коптского монашества к Александрийской философско-богословской традиции // Вестник Православного Свято-

ники монастырей посещали город с различными целями: экономическими (продажа избытков, покупка необходимого и прочее) (G1 – Житие Пахомия G1 § 113; Ep. Am. § 11. *Historia Lausaica* 94); для сообщения с епископом¹ (G1 § 120; Ep. Am. § 29); для участия в праздниках и богословских спорах (*Vita Antonii* // PG 26. Col. 835-976). Имела место и активная обратная связь, связанная с посещением монастырей горожанами (Ep. Am. § 7, G1 § 95). Достаточно большое число монахов было и в самом городе². При этом, состав монашества и уровень его образованности был достаточно неоднородным. Далекое не все копты были крестьянами, существовала и коптская элита, которая была преимущественно двуязычной³. Представление же о коптском монашестве как о необразованной массе сформировалось под влиянием взглядов приверженца оригенизма Сократа Схоластика, высказывавшегося негативно в отношении монахов-антропоморфитов. Миф о подавляющей неграмотности монашества развенчивается свидетельствами о прекрасном знании ими Священного Писания и существовании в монашеской среде традиции заучивания его наизусть⁴.

Данные письменных источников свидетельствуют о преимущественной билингвальности населения Египта в римский и византийский периоды. Следует учитывать, что объективная необходимость знания греческого языка населением Египта заключалась, прежде всего, в том, что греческий язык был официальным языком в этот период, его знание требовалось как в государственном аппарате, деловых кругах, армии и суде, так и в церковных структурах (двор патриарха говорил на греческом, на греческом велась и вся документация)⁵. По верному замечанию С. Рубенсона, «в билингвальной ситуации, сложившейся в Египте в III–IV вв., недостаточное знание греческого было, несомненно, более распространено среди коптов, нежели его незнание

Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 3 (9). С. 57.

¹ *Bartelink G.J.M.* Les rapports entre le monachisme égyptien et l'épiscopat d'Alexandrie (jusqu'en 450) // *Alexandrina*. P., 1987. P. 365-379.

² *Wipszycka E.* Le monachisme égyptien et les villes // *TM* 12, 1994. 1–44. P. 281–336.

³ *Ковалец А.С.* Проблема отношения коптского монашества к Александрийской философско-богословской традиции. С. 57.

⁴ Там же.

⁵ *Ковалец А.С.* Проблема отношения коптского монашества к Александрийской философско-богословской традиции. С. 61.

вообще¹». О знании греческого языка коптским населением свидетельствует и насыщенность текстов источников на коптском языке греческими терминами². Как показывают источники, следует избегать и четкого деления на греко- и коптоязычных монахов. Так, в эпизоде из Послания Аммона (Ep. Am. (Epistola Ammoni) § 6) некий монах по имени Элурион обращается к Аммону по-гречески, а настоятель монастыря - Феодор - «внимает с улыбкой блаженному старцу Элуриону», хотя затем сам обращается к Аммону по-коптски, приказав Феодору Александрийцу переводить. Элурион, а также Авсоний принадлежали к числу двуязычных монахов, да и сам Аммон вскоре уже выучил коптский язык (Ep. Am. § 17).

В то же время, момент антагонизма между эллинским и местным элементами был, и выражался в некоторых элементах богословия. Например, в противопоставлении монахов-учёных греческой мудрости и достаточно специфическим идеалом образа святого, не обученного этим греческим мудростям, но «достигшего боговедения через аскетический праксис³». Такой идеал был создан Афанасием Великим в Житии Антония, где он подчеркнул непричастность Антония к эллинистической языческой культуре, а постиг божественное откровение во время молитвы. Подобный идеал имеется и в агиографическом памятнике *Apophthegmata Patrum*. В семи апофтегмах, посвященных Евагрию (богослову, последователю Оригена) подчёркивается не учёность, а смирение персонажа. Также, в одной из апофтегм, посвящённых авве Арсению (5, 88d–89a) подчёркивается преимущество добродетельных неграмотных египтян, получивших эти добродетели своим трудом, отличным от учёности и мудрости. В качестве яркого примера противостояния греческого и коптского монашества можно привести антропоморфитские споры, которые завершились на соборе в Александрии 399-400 г. осуждением Оригена и его учения, и изгнанием проригенстски настроенных греческих монахов. Антропоморфиты, главным представителем которых являлся авва Серапион, основывались на буквальном прочтении Книги Бытия 1. 26, полагая, что Бог имеет облик, подобный человеческому, и именно так его следует прославлять в молитвенной практике. С другой стороны, александрийская эзгегетическая традиция, выразителем которой у Иоанна Кассиана стал некий

¹ Rubenson S. *The Letters of St. Antony. Origenist Theology, Monastic Tradition and the Making of a Saint*. Lund, 1990. P. 41-42.

² Ковалец А.С. Проблема отношения коптского монашества к Александрийской философско-богословской традиции. С. 61.

³ Ковалец А.С. Раннее христианство в Египте: молчание источников и этнический аспект. С. 31.

ученый каппадокийский диакон Фотин, призывает понимать эту фразу не буквально.

Антропоморфитскую сторону представляли в основном копты, в то время как прооригенистской позиции придерживались преимущественно грекоязычные монахи, образованные в духе александрийской традиции. На противопоставлении книжной эллинской мудрости прямому знанию живого Бога построено «Житие блаженного Афу». Чтобы заручиться поддержкой, в том числе, и политической, египетского монашества, александрийским патриархам — Феофилу, Афанасию, Кириллу и Диоскору, которые были греками, приходилось уметь лавировать между двумя лагерями¹.

Таким образом, следует сделать вывод, что к основным этническим элементам населения ранневизантийской Александрии наряду с коптами следует отнести греков и эллинизированных иудеев. Последние два этнических элемента, по мнению учёных, сыграли важную роль в процессе христианизации всего Египта. Вопрос о противопоставлении греческого населения местному является неоднозначным. Однако, анализ источников свидетельствует о присутствии некоторого антагонизма между коптами и греками, наиболее ярко выражавшегося в религиозных спорах.

ГОРОД-ПОРТ МАЮМА КАК ОДНА ИЗ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ГАЗЫ ПАЛЕСТИНСКОЙ

М.Ю. Лопатина

В статье рассматривается история портового города Маюма в позднеантичный период. Даны различные наименования порта, рассмотрена характеристика местности: рельеф, климат. Также рассмотрено наличие торговых морских и караванных путей, экспорт и импорт товаров, и их значение для экономики ранневизантийской Газы.

Ключевые слова: город-порт, Маюма, Газа, «Путь благовоний».

PORT OF MAUMAS AS ONE OF THE COMPONENTS OF TOPOGRAPHIC OF GAZA PALESTINIAN

M. Yu. Lopatina

The article discusses the history of the port of Maiumas in the Late Antiquity. Different names of the port are given in the paper and considered characteristic of

¹ Там же. С. 33.

this areas: relief, climate. It is also considered the presence of maritime trade and caravan routes, export and import of goods, and their importance for the economy of the early Byzantine Gaza.

Key words: port, Maiumas, Gaza, "Incense Route".

Маюма, или Маюмас – античный центр торговой жизни, находившийся примерно в 6 км от Газы, на берегу моря. Впервые упоминается в античном мире в папирусе Зенона (259 г. до н.э.). Маюма функционировала как порт Газы (а иногда его называют просто «порт Газы»), но с началом христианской эры была признана независимым городом. Греческое название Неаполис («новый город»), по всей видимости, также использовали в качестве ссылки на него.

При Константине Великом, установившийся район вокруг порта получил статус города и имя Констанция, в честь сына императора Константина (Soz. II.5). Новое название не приживается, а вот взаимная ненависть между Газой и Маюмой остается. Газы же по-прежнему упорствует в своем язычестве. Газийцы маюмцев не жаловали и возмущались тем, что их собственный портовый город получил полную автономию.

При первом же удобном случае газийцы возвращают Маюму себе. Воспользовавшись сменой имперской власти, они обращаются к императору Юлиану и, как верные язычники, быстро добиваются своего: Маюма официально лишается императорского имени и статуса полиса. Газы оставалась, по-прежнему, языческой и оказывала упорное сопротивление христианству, поэтому Маюма становится первой резиденцией епископов Газы. До церковных тонкостей газийцам дела не было, однако при возвращении христианской власти Маюма потеряла последнюю ощутимую привилегию¹.

Маюма считается одним из ранних центров распространения христианства, что объясняет императорский интерес со стороны Константина и Юлиана на статус города-порта. Диакон Марк, с удовлетворением описывая христианский пыл маюмцев, мимоходом упоминает о том, что христианство нашло дорогу к сердцу жителей Маюмы потому, что среди них жило множество египетских виноторговцев (Marcus Diac. Vita Porph. 58). Монах Зенон был первым известным его епископом в конце IV - начале V вв. Епископ Паулиан (или Паулиниан) участвовал в заседании I Эфесского Собора в 431 г. Павел, племянник архиепископа Иерусалимского Ювеналия, участвовал в заседании II Эфесского Собора в 449 г. В 444 или 445 г., в праздник Свято-

¹ Чехановец Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. 5. СПб., 2006. С. 434.

го Виктора, был рукоположен знаменитый монофизит Петр Иберийский. Петр воздержался от возможности осуществлять священство, из-за его предпочтения монашеской жизни, пока в 452 г. маюмский народ не посвятил его в сан епископа силой. Другой монофизит Иоанн Руф, автор «Плерофоричес», стал его преемником. Последний известный епископ, Проконий, принимал участие в Иерусалимском Соборе в 518 году.¹

В античности порт Газы был главным портом на Средиземном море, служащий торговым «Путем благовоний» или «Путем ладана»². Древняя дорога шла вдоль побережья, в нескольких милях от моря, достигая на севере Сирии и на юге Египта, соединяя линию исторических городов, построенных вдоль побережья: Селевкия, Лаодикия, Арад, Триполи, Библ, Берит (Бейрут), Сидон, Тир, Птолемаида, Кесария, Иоппия (Яффо), Ашдод, Аскалон. Эта дорога была проложена еще с доисторических времен.

С гор Иудеи две крупные дороги вели в Газу, чтобы соединиться там с дорогами побережья. Один из них был маршрут из Иерусалима, в 50 км длиной, другой - караванный путь из Беэр-Шебы, в 40 км. Таким образом, жизнь Газы всегда бурлила в средоточии своих дорог и гавани.

Климат этой области Палестины предоставлял Газе все удовольствия и преимущества внешней жизни Средиземноморья. Зимние дожди, а иногда ливни, не были непрерывными, и существовали промежутки с солнечной ясной погодой почти каждый день. Существовала и ощутимая разница температур между днем и ночью в течение зимы, и, кроме этого сезона мороз и снег были практически неизвестны, можно было жить вполне комфортно, используя только жаровню для обогрева дома. В течение лета полуденная жара была весьма напряженной, но падение температуры ночью приносило облегчение, а наличие моря сохраняло температуру ниже, чем в пустыне внутри страны. Как часто бывает в землях, где нет снега, все дома имели плоские крыши, на которых было приятно спать в течение лета.

Из-за постоянно набегавших песчаных дюн основную часть города не было видно из гавани, хотя город был построен на высоком холме в 50 м над окружающей пустыней. Основная часть города была окружена стеной с тяжелой каменной кладкой, с башнями для защиты,

¹ Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Band XIV. Halbband 27, Lysimachos-Mantike. 1928. S. 610.

² См.: *Raphael P.* The children of Noah: Jewish seafaring in ancient times. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999. 224 p.

размещенными в стратегических точках. Город был расширен за пределы своей первоначальной территории, и по склонам холма дома спускались до края окружающей равнины. Местность между морем и городом представляла собой песчаные наносы, где лишь редко росла трава. Но хотя город лежал на краю пустыни, Газа и ее окрестности процветали, благодаря источникам пресной воды. В цистернах собирали дождевую воду во время зимнего сезона дождей, с октября по март. Город, таким образом, имел возможность пережить жаркие, сухие месяцы долгого лета, так как наибольшую опасность для города представляла засуха.

Для благосостояния столицы, население которой было настолько велико, что окрестности были не в состоянии предоставить достаточное количество продовольствия, имел жизненно важное значение торговый флот.

Оживленная гавань Маюма была наполнена судами всех видов, от лодок и мелких рыболовных судов до тяжелых торговых судов и военных кораблей императорского флота. Гребные суда, рыбацкие лодки, когда они не были в море, стояли на берегу или были привязаны на каменных набережных. Более крупные суда стояли вдоль причалов, особенно при погрузке или разгрузке, иногда они стояли на якоре в гавани. Облик порта делал его почти Вавилоном, где звучали греческая, латинская, арамейская речь, а иногда и египетская. Газа почти всегда имела в своей гавани крупные торговые суда, которые составляли основу торговли Средиземноморья.

Караваны, которые приходили по суше, через Беер-Шебу с Востока, приносили специи, ковры, шелк и хлопок, изделия из драгоценных камней и разнообразные металлические изделия. Из Ирана, Индии и Восточной Африки привозили меха и шкуры, вышивки, духи и благовония. Из-за высокой стоимости и риска транспортировки, все эти караванные товары имели высокие цены, но спрос на них был все же больше, чем их можно было доставить. Специи добавляли свой острый вклад в разнообразные запахи, типичные для гавани.

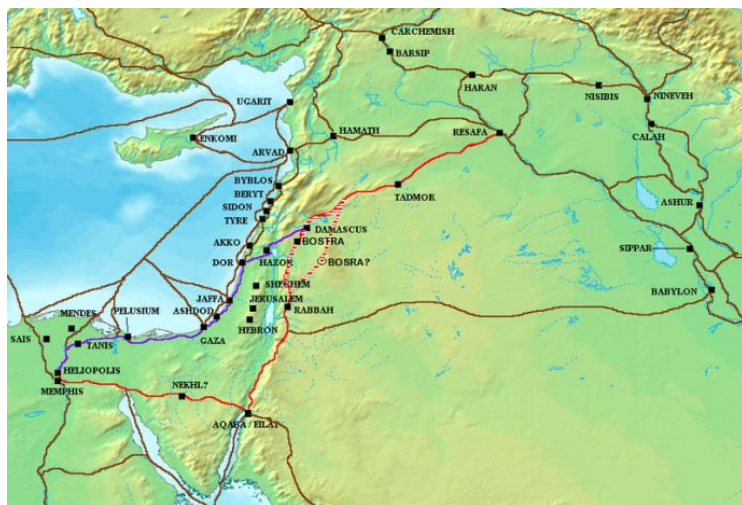
Причалы были полны вавилонскими шумами, исходящими от людей и животных, ибо ослы и верблюды были неотъемлемой частью любого события. Не только экзотические товары восточных караванов делали из порта Газы увлекательное зрелище. Продукты самой Палестины, которые прошли через морской порт, были известными и пользовались спросом во всем греко-римском мире.

Среди экспорта были вино, сушеный инжир. Фруктовые и финиковые плантации были весьма прибыльными, и их продукты были востребованы. Также был весьма популярен сироп, сделанный в Иери-

хоне; вино, произведенное в Галилее, было известно далеко за пределами провинции. Различные виды местных плодовых вин также отправлялись за море. Целые деревни были заняты, производя керамическую посуду, амфоры, в которых вино можно было транспортировать по морю. Лен высокого качества пользовался большим спросом в империи. Хна и шафран также шли на экспорт. Оливковое масло, один из главных продуктов жизни всюду в древнем мире, не так много вывозилось из Газы, и Палестина в целом была не в состоянии производить этот важный товар на экспорт. Газы была заполнена как экспортными, так и импортными товарами. В Палестине не росло достаточно пшеницы, чтобы удовлетворить большой спрос на хлеб, один из главных элементов средиземноморского питания, и пшеница импортировалась с Кипра и Египта.

Прогресс экономики ранневизантийской Газы зависело от порта на средоточии торговых путей и источников воды для сельского хозяйства округа. Газы наслаждалась всеми преимуществами морского города, и, в то же время, она была в состоянии защитить себя от некоторых из худших особенностей опасной приморской военной жизни¹.

Рис. 1. Палестинский регион в ранневизантийское время.

¹ См.: Дауни Г. Газы в начале VI века / Мир поздней античности. Вып. 1. Белгород, 2014. С. 28–34.

«РОЙ МУДРЫХ ПЧЕЛ»: АДРЕСАТЫ ПИСЕМ ПРОКОПИЯ ГАЗСКОГО (ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Е.Е. Богомаз

В статье рассматриваются эпистолографические произведения Прокопия Газского. Предпринимается попытка их классифицировать, разделив по группам. Классификация эпистолографических произведений производится на основании просопографического анализа адресатов.

Ключевые слова: Прокопий Газский, Византия, просопография, эпистолярный жанр.

"SWARM OF WISE BEES": THE ADDRESSEES OF LETTERS OF PROCOPIUS OF GAZA (PROSOPOGRAPHIC ANALYSIS)

E.E. Bogomaz

This article discusses epistolographic works of Procopius of Gaza. The author attempt to classify them, dividing into groups. Epistolographic works classification is based on an analysis prosopographic addressees.

Key words: Procopius of Gaza, Byzantium, prosopography, epistolary genre.

«Прокопий Газский – софист и богослов. Его отец умер, когда Прокопий был еще ребенком. Вероятная дата рождения - 465 год, дата смерти – 528. Прокопий прожил 62 года»¹. Такое краткое, лаконичное, и практически безличное описание дает пропосография. Возможно ли увидеть всю мощь мысли Прокопия в этом кратком сообщении? Вероятнее всего нет, но, тем не менее, основные сведения биографии в пропосографии приведены. В ней же мы встречаем еще множество имен, о которых дана малая капля информации, но эти данные в какой либо мере помогают идентифицировать нам личности адресатов.

Обращаясь к Прокопию Газскому более внимательно, мы видим, какой значительный корпус сочинений он оставил: это экзегетические христианские труды и «античное» наследие в классической традиции. Они, несомненно, ценны и важны, но при этом сложны и своеобразны. Что мы о знаем о Прокопии? Совсем немного. Поэтому вполне логично в поисках жизни и души Прокопия будет обратиться к его повседневной жизни. И в этом путешествии, безусловно, поможет корпус писем Прокопия Газского.

¹ *Martindale J.R.* The Prosopography of the later Roman Empire. V. II. Cambridge university press, 1980. V. II.

На сегодняшний день известно 174 письма Прокопия Газского, последние коррективы это в число внес Э. Амато; до этого уточнения было известно 164 письма, имеющих непосредственное отношение к Прокопию¹. Работа с эпистолярными произведениями Прокопия велась многими зарубежными исследователями, но на данный момент, никто из них, письма Прокопия Газского не классифицировал по какому-либо принципу. Считаю удобным для дальнейшей работы классифицировать эпистолярные произведения Прокопия по следующим категориям.

Ф. Чикколелла назвала окружение Прокопия «роем мудрых пчел». Изучая это самое окружение посредством анализа пропосографии, сомнений насчет такого сравнения не возникает. Действительно Прокопий ведет переписку и самыми различными категориями социума, и в большинстве - это его ученики, влиятельные друзья и знакомые, правители, софисты и риторы. При анализе адресатов учитывался их род деятельности.

Первой группой стоит выделить письма братьям – а именно Захарии, Филиппу и Виктору. И если первым двум писем написано большинство в этой группе, то последнему адресовано лишь одно письмо.

В пропосографии указано, что Захария имел должность «comes consistorianus»². Непосредственно Захарии Прокопий пишет 15 писем.

Брат Филипп имел ту же должность³, что и Захария. 10 писем адресовано Филиппу, кроме того, еще 15 писем направлено Филиппу и Захарии совместно.

Сведений о должности и о чем-либо еще в письме брату Виктору не содержится, при этом упоминается, что Виктор брат лишь само-му Прокопию⁴. Получается, что 41 письмо из сохранившихся адресовано братьям Прокопия, имеющим неплохое карьерное положение.

Следующей категорией следует выделить адресатов писем, числящихся в пропосографии как «rhetor». Прокопий пишет 1 письмо Агапиту⁵, 5 писем Дорофею⁶, 1 письмо Евагрию⁷, 7 писем Иоанну¹, 1 письмо Петру². Риторам всего адресовано 15 писем.

¹ Rose di Gaza. *Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza*. Alessandria, 2010. P. XII.

² *Martindale J.R.* Op. cit. P. 1193.

³ *Ibid.* P. 875.

⁴ *Ibid.* P. 563.

⁵ *Ibid.* P. 87.

⁶ *Ibid.* P. 378.

⁷ *Ibid.* P. 402.

Еще одна категория – грамматики и софисты. Гессию ятрософисту³ Прокопий пишет 5 писем, еще одно Алипию, Стефану и Гирею – грамматикам, тому же Стефану⁴ - еще 7 писем. Иерониму⁵ - грамматiku, ему же еще одно совместно с неким Федором, два письма Мусею⁶ – грамматiku и поэту, 3 письма Панкратию⁷ – софисту из Александрии, которого Прокопий восхваляет за его красноречие, 6 писем Стефану⁸ – грамматiku. В общей сложности данной категории адресовано 25 писем.

Следующей категорией, которую стоит выделить – это правители провинций, именующиеся как «advocati», «governatori (consulares)». Обширная переписка ведется с Диодором⁹ – правителем Кесарии, в общей сложности Прокопий адресует Диодору 17 писем, что к слову даже больше чем братьям; еще одно письмо адресовано Евсевию¹⁰ – правителю провинции; ему же совместно с епископом Элием¹¹ адресовано еще одно письмо; 5 писем Епифанию – правителю провинции; 2 письма Палладию¹² – правителю (губернатору) провинции Палестина Прима. 2 письма написано Сабину¹³ – правителю, который, к слову, подвергается критике со стороны Прокопия за корыстолюбие, и восхваляется за красноречие. 4 письма Сосиану¹⁴ – чиновнику при губернаторе провинции Палестина Прима, имеющем влияние в юридических вопросах; возможно, он же упоминается в письме ритору Иоанну; и еще одно письмо Сосиану совместно с неким Юлием. 2 письма Фоме¹⁵ – правителю в Палестине Прима, посланному губернатором в Кесарию, куда Прокопий посылает наилучшие пожелания. Таким образом, писем, написанных в данной категории, всего 35.

¹ Ibid. P. 606.

² Ibid. P. 869.

³ Ibid. P. 571.

⁴ Ibid. 1017.

⁵ Ibid. P. 560.

⁶ Ibid. P. 768.

⁷ Ibid. P. 829.

⁸ Ibid. P. 1026.

⁹ Ibid. P. 359.

¹⁰ Ibid. P. 429.

¹¹ Ibid. P. 390.

¹² Ibid. P. 826.

¹³ Ibid. P. 1013.

¹⁴ Ibid. P. 1022.

¹⁵ Ibid. P. 875.

Еще одна категория - бывшие ученики Прокопия. 1 письмо отправлено Антиоху¹, одно Зосиму² - студенту, изучающий закон, письмо совместное с Макарием, Макарию³ - студенту, изучающему право - еще одно, ученику Нилу⁴ - одно, ученику Ориону⁵, изучающему закон - 5 писем. Всего ученикам написано 9 писем.

Это покажется нам странным - но писем представителям духовных профессий написано меньше всего; известно лишь 3 письма, они адресованы епископу Элию, при этом информации о нем в пропосографии нет.

В общей сложности 47 адресатов писем Прокопия остаются неизвестными. Трое из них упоминаются в пропосографии как - «человек, о котором ничего не известно», остальные не упоминаются вовсе.

Для более полной картины стоит обратиться к первоисточникам, чтобы понять, с какой целью Прокопий пишет, и о чем. Безусловно, тогда информация о роде деятельности тех 47 адресатов, которых пропосография оставляет неизвестными, станет более доступна.

Анализ адресатов действительно указывает на то, что у Прокопия были связи с людьми самого разного рода деятельности, и вопросы он с ними обсуждал самые разные, кого-то ругал, кого-то хвалил, кого-то просил о помощи, кому-то помогал сам.

Безусловно, подробная и системная работа с первоисточниками поможет нам узнать многое, как о жизни Прокопия, так и о повседневной жизни интеллектуалов Ранней Византии. А пока, распределив адресатов писем Прокопия Газского по различным категориям, необходимо более подробно проанализировать каждую из них, и выяснить, что и в какой мере их с Прокопием связывало.

ОБ ОБРЯДЕ КОРОНАЦИИ АНАСТАСИЯ I

Н.А. Богомаз

В работе рассматривается специфика коронационного обряда ранневизантийского императора Анастасия в контексте эволюции этого обряда на протяжении всего переходного периода от античности к средневековью.

Ключевые слова: Анастасий, коронация, обряд, Византия.

¹ Ibid. P. 106.

² Ibid. P. 1206.

³ Ibid. P. 697.

⁴ Ibid. P. 779.

⁵ Ibid. P. 813.

ABOUT CEREMONY OF THE CORONATION OF ANASTASIUS I

N.A. Bogomaz

The paper deals with the specifics of the coronation rite of early Byzantine Emperor Anastasius, in the context of the evolution of this ritual throughout the transitional period from antiquity to the Middle Ages.

Tags: Anastasius, the coronation rite, the Byzantine Empire.

11 апреля 491 г., в пятницу на Страстной неделе, приняв из рук патриарха Евфимия корону, император Восточной Римской империи Анастасий I Дикор обратился к собравшимся через глашатая с такой речью: «...*Всемиловейшая августа Ариадна по собственному решению, выбор блистательных сановников и сената, согласие победоносных войск и «святого» народа принудили меня, против воли и вопреки отказам, принять на себя заботу о Римском царстве¹*».

Несмотря на то, что в речи Анастасия акцент сделан на первых лицах государства: императрице и сановниках, он нарочито подчёркивает три важных конституционных фактора, являющихся легитимным основанием его императорской власти: *сенат, армия, народ*. Следует отметить, что важна и последовательность, в которой он их называет. Упоминание тех же элементов и в том же порядке можно неоднократно встретить в документах, описывающих коронационный обряд императоров от Льва I до Юлиана II, что свидетельствует о давно сложившейся традиции коронования императора. И хотя в речи Анастасия никак не упомянута церковь, мы знаем, что в обряде коронации византийских императоров, начиная со Льва I, она принимает активное участие. В своё время Г.А. Острогорский в буквально «канонической» статье «Эволюция византийского обряда коронования»² отвёл вкрапления церковных элементов второстепенную роль, называя этап провозглашения императора войском наиболее важной частью всей церемонии. Другие исследователи, обращавшиеся к вопросу коронации византийских императоров, такие как А.А. Чекалова и М.А. Поляковская, напротив, были склонны видеть в нем главенствующую роль сената.

¹ Цит. по: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С. 394-396.

² Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М.: Наука, 1973.

Британский византист Ф. Брайтмен также обращался к вопросу коронации и рассматривал проявление церковного влияния в обряде¹. Исследуя эволюцию чина коронования, он предложил выделить в истории становления обряда 5 этапов:

I. зарождение императорской власти (от начала принципата Августа до Диоклетиана);

II. появление новых церемониальных должностей и атрибутики (период новой Империи: IV-V вв.);

III. добавление в церемонию церковных элементов (с конца V до конца VI в.);

IV. перемещение обряда облачения в храм; складывание определённого церемониала (с VII по XII в.);

V. возникновение в качестве нового элемента обряда миропознания, которое срастается с ритуалом возложения короны (с XII века до конца существования империи).

Предложенная периодизация иллюстрирует поэтапное смещение вектора светской направленности в сторону церкви. Это хорошо согласуется с высказыванием М.А. Поляковской. Согласно её мнению, официальная идеология империи в основе своей имела простую мысль о божественной природе императорской власти. Получив основу в виде христианской догматики в эпоху домината, эта идея впоследствии обрела завершённый характер².

Соглашаясь в целом с предложенной периодизацией, нужно отметить, что интересующий нас период правления Анастасия I (491-518 гг.) занимает промежуточное положение и является поворотным моментом, в ходе которого церковь начинает укрепляться в своей роли по отношению к государству. В речах императоров она никогда прямо не упоминается, но участие её в обряде постепенно начинает носить обязательный характер, а влияние косвенно просматривается, в том числе, и на примере церемонии коронации Анастасия. В связи с этим, детально рассматривая восшествие Анастасия на престол, к приведённой выше триаде: *сенат, армия, народ*, условно можно добавить четвёртый элемент – *церковь*. Каждый из них прошёл длительный процесс трансформации с момента становления Империи Августа до окончательного оформления в обряде коронации последних византийских императоров.

¹ *Brightman F.E.* Byzantine Imperial Coronations // *Journal of Theological Studies*. 1901. Т. 2. № 7. С. 359-392.

² *Поляковская М.А.* Поздневизантийский чин коронования василевса // *Византийский временник*. 2009. № 68.

Принципат Августа

В эпоху принципата Августа, несомненно, важным институтом по наделению легитимностью императора была *армия*. Прообразом церемонии коронации выступает официальная процедура надления магистрата военными полномочиями. Городские курии делегировали военачальнику-императору абсолютную власть (*imperium*), облакая его неограниченными полномочиями вести военные действия от имени римского народа. Собрания курий происходили за городом на Марсовом поле и представляли собой парад войск, присягающих своему военачальнику. Накануне столкновения¹ с Марком Антонием, Августу в 32 году до н.э. присягает вся Италия и большинство провинций², в результате чего он сосредотачивает в своих руках чрезвычайную власть. После устранения своих товарищей по триумvirату, Октавиан демонстративно отказывается от пожизненного титула императора, сменив его на почётный титул первого среди сенаторов. Однако вскоре управляемый им сенат обращается к нему с просьбой вновь возложить на себя бремя власти, что и было тут же сделано с соблюдением всех формальностей. Строго говоря, это ещё не церемония, хотя и начинает формироваться некая правовая основа на базе тех общественных институтов, которые достались империи от республики. Заметна формальность и обрядовость в процессе передачи власти.

Период новой империи.

Введённая Диоклетианом система соправления в значительной степени повлияла на становление обряда коронации. У Евсевия Памфила мы находим: «...В самом дворце, с царского одра, передав жребий царствования, по закону природы, старшему сыну, он (Констанций) скончался³». Уже начиная с Константина, императорская власть фактически передаётся по наследству. Евсевий отмечает, что во время погребального шествия, при формальном «присутствии» прежнего императора Констанция, именно войска и приближенные объявляют Константина автократом⁴. Весьма показательно то, что автор разграничивает понятия *войска* и *приближённые*, но об участии в церемонии народа мы не находим ни слова. Однако уже после перенесения столицы империи в Константинополь в среде правящих элит происходит «перегруппировка сил». Сталкиваются интересы родовой аристо-

¹ Битва при Акциуме, 2 сентября 31 г. до н.э.

² Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август. М.: Правда, 1988.

³ Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина / Пер. СПбДА под ред. А.А. Калинина («Византийская серия»). М.: Labarum. 1998.

⁴ Ibid.

кратии и выдвинувшейся военной знати, что заставляет эти две противоборствующие стороны искать поддержку в народных массах столицы. Неожиданно одна из основных политических доктрин Византии, в основе которой - идея о единстве народа и власти, получает закрепление в эдикте об аккламациях 331 г., официально узаконив конституционное право народа высказывать своё мнение. Очень быстро большие скопления народа, собиравшиеся обычно на ипподроме, превратились в серьёзную политическую силу, способную существенным образом влиять на политику империи. Дальнейшее развитие получает процесс сакрализации власти, основанной на обожествлении фигуры императора. Имперская идеология находит отражение в определённой атрибутике, например, снятие и облачение в царскую порфиру, как характерный жест, становится неотъемлемой частью процесса лишения/принятия власти императором.

Период конца V – конца VI веков.

Достаточно детальное описание обряда коронации императоров V-VI веков (в том числе, и Анастасия) мы находим в трактате «De Ceremoniis»¹. Следует заметить, что сложная общественно-политическая обстановка, созданная правлением Зенона, требовала разрешения. Главным претендентом на роль императора был брат Зенона Лонгин, который был очередным представителем армейской верхушки². Однако его выдвижению воспротивился синклит. Римская часть офицерства также не поддержала Лонгина, а собравшийся на ипподроме народ открыто призывал выбрать императором римлянина³. Таким образом, все три элемента, воспользовавшись своим «конституционным правом», высказали своё мнение, и кандидатура Лонгина была отвергнута⁴. Поиск альтернативы привёл к прецеденту наделения императорской властью человека светского, тяготеющего к теологии, и прервал череду «военных» императоров⁵. Тот факт, что новым императором станет человек, порицаемый за свои монофизитские взгляды, немедленно взбудоражил церковную прослойку. Патриарх Евфимий, который, судя по всему, входил в совет, избиравший императора, отказался короновать его, пока не получил от последнего подписанного определения веры, что соответствовало догматам православной церкви.

¹ Constant. Porphyrog. De cerim. 417-425.

² Вероятно, её исаврийского элемента, проникшего в руководство армии при посредничестве Зенона.

³ Constant. Porphyrog. De cerim 1.92.

⁴ Несмотря на то, что сам Зенон назвал его своим преемником.

⁵ Начатых Маркианом и после Анастасия продолженных Юстином I и Юстином I.

Дальнейшее описание церемонии таково. Наутро 11 апреля в зале консистория был назначен силенций сановников, в то время как на ипподроме собрался конвент, по-видимому, предполагавший собрание войск, а трибуны цирка занял столичный народ. Наконец в зал вошёл Анастасий, приветствуя собравшихся. Сановники обратились к нему с просьбой, видимо формальной, принести клятву в том, что он будет править по чести и не сохранит зла против кого-либо. Анастасий её дал. Пройдя по крытому переходу, облачённый в белую до пола туннику с золотыми клавами – дивитисий, и пурпурные сапоги-кампагии – Анастасий с непокрытой головой появился на кафизме ипподрома и взошёл на щит, поднятый солдатами. Войска опустили знамёна и копья, после чего кампидутор ланциариев возложил на него снятую со своей шеи золотую цепь, символизируя тем самым передачу командования над войском. Анастасия вновь подняли на щит, и он вернулся в зал консистория, где Евфимий совершил над ним молитву, облачил его в царскую порфиру и возложил на его чело императорскую корону. Анастасий вновь появился на кафизме и обратился к собравшимся с приведённой выше речью, которая прерывалась приличествующими этикету аккламациями толпы, славящими императора. После завершения церемонии на ипподроме император посетил храм св. Софии, а вернувшись во дворец, дал для архонтов обед.

Сравнивая протоколы церемоний, можно сказать, что коронация Анастасия в значительной степени отличалась от коронаций его предшественников. Больше это не военный парад, роль войска здесь сведена к формальному присутствию при передаче регалий, а участие народных масс – это всего лишь заготовленные выкрики, предусмотренные протоколом церемонии. В действительности реальной властью обладал лишь конвент «блистательных сановников», неотделимый от понятия «сенат», где, так или иначе, последнее слово оставалось за императрицей. И показательно здесь то, что патриарх, как представитель церковного элемента, пытался составить ей оппозицию. Фигуру патриарха, можно считать важным нововведением этапа становления коронационного чина в V-VI вв. Роль войска в провозглашении императора фактически сведена на нет – требуется более веское обоснование легитимности власти императора. Поэтому при Анастасии патриарх не просто благословляет на царство, но является тем, из чьих рук император получает корону и царскую порфиру.

Если мы проследим дальнейшее развитие обряда на примере церемонии коронации Юстина II, известного нам по описанию при-

дворного поэта Кориппа¹, то увидим, что церковный элемент продолжил усиливаться. Предваряет церемонию долгая молитва Юстина в храме Архангела и возвращается он во дворец не ранее, чем получает на то божественное одобрение: спустившийся Святой Дух возвещает ему: «Правь!»! Далее следует детальное описание облачения Юстина в царскую тунику и хламиду. После этого будущий трибун Армат передаёт золотую цепь, трижды произнося: «Возлагаю на тебя, Юстин, чин императора». Четверо выбранных молодых солдат поднимают императора на щите, и далее повествование Кориппа прерывается на любопытной фразе: когда патриарх Иоанн убедился, что всё сделано согласно *обычаю их предков*, он возложил на голову Юстина императорскую диадему².

Мы видим, что, несмотря на некоторое различие в деталях проведения обряда, в целом он следует последовательному набору определённых этапов, и уже к V-VI векам являет собой пример окончательно сложившейся традиции коронации, где каждый её этап имел конкретную задачу подтверждения получения императором власти последовательно: сенатом, армией, народом, наконец, церковью.

В ОЖИДАНИИ ФИЛОПОНА: ЭТАПЫ МЕДИЕВАЛИЗАЦИИ КАРТИНЫ МИРА

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова

В работе устанавливается три этапа медиевализации картины мира: от платоновско-аристотелевской – к средневековой антиохийской, через промежуточную филопоновскую. Труды и взгляды Иоанна Филопона, александрийского христианского философа VI в., сыграли здесь важную роль. Но у Филопона были три предшественника – Эней Газский, Захария Митиленский и Прокопий Газский, которые, будучи уже христианами, пытались приспособить отдельные положения неоплатонизма к христианскому учению.

Ключевые слова: неоплатонизм, христианство, картина мира, медиевализация, Филопон.

WAITING OF PHILOPONUS: STAGES OF MEDIEVALIZATION OF PICTURE OF THE WORLD

N.N. Bolgov, A.M. Bolgova

¹ Flavius Cresconius Corrippus. In laude Iustini Augusti minoris / Edited with translation and commentary by Averil Cameron. London: The Athlone Press, 1976.

² Ibid.

We establish three stages of the picture of medievalisation process of the world: from the Platonic-Aristotelian - a medieval Antioch, through the intermediate stage of Philoponus . Works and views of John Philoponus, the Alexandrian Christian philosopher of VI cent. A.D., played an important role here. But Philoponus had three predecessor - Aeneas of Gaza, Zacharias Rhetor and Procopius of Gaza, which is already being Christians, tried to adapt certain provisions of Neoplatonism to Christian teaching.

Keywords: Neo-Platonism, Christianity, world, medievalizatsiya, Philoponus.

В V в. языческий неоплатоник Прокл составил 18 аргументов о вечности мира (космоса), которые, будучи опубликованными, стали предметом атаки в следующем столетии со стороны христианина Филопона в его сочинении «Против Прокла О вечности мира».¹

Под «миром» (космосом) должна была пониматься вся вселенная, задуманная как упорядоченная система, и существовало общее согласие в том, что вселенная была стройной системой (to ran), но на самом деле это слово не включало всего, что заключалось в этом его значении. Разногласия по этому вопросу были либо начальными, либо конечными, как утверждают христиане. Прокл умер в 485 г., а Филопон написал свой ответ, первый из серии книг против языческих философов, в 529 г.

В течение почти 50 лет, между 485 и 529 гг., три христианина из Газы уже пытались напасть на доминирующую языческую философию (нео)платонизма. Они добились некоторых ограниченных успехов, но только Филопон имел возможность осуществлять атаки на неоплатонизм как бы дома, изнутри языческого лагеря.

Диалог Энея «Феофраст», написанный между 485 и 490 гг., был назван в честь фиктивного платоника-собеседника, который представлял сторону платонизма, и который якобы проиграл вымышленному христианину Евксифею. Основной темой «Феофраста» была человеческая душа и ее судьба до рождения и после смерти, включая и воскресение. Но это перекликается с христианским сотворением мира с начала, в отличие от неоплатонического «вечного творения мира».

Второй христианин, Захария, родившийся в порту Газы, Маюме, поехал учиться риторике и философии в Александрию в 480-х гг. После переезда на учебу в Беритскую школу права около 487 г., он написал в 490-х гг. диалог с пародией на крупнейшего философа-неоплатоника Александрии, Аммония, и назвал его в честь него, «Ам-

¹ Rabe H. (ed.). Ioannes Philoponus *De Aeternitate Contra Proclum*. Leipzig, 1899.

моний» (или «О Сотворении мира»). Этот диалог представляет, как Аммоний был опровергнут аргументами о сотворении со стороны христианского студента, указанного в предисловии, как и сам Захария. Он ссылается на Энея и повторно использует некоторые из его аргументов, хотя добавляет еще много своих, часто наивных, но иногда лучше, чем у Энея. Захария хотел показать его, как героя, в одном из его собственных сочинений, «Жизнь Севера», на этот раз в качестве наиболее важной фигуры в мятеже 486 г., когда был разграблен языческий храм Исиды за пределами Александрии, что привело к удалению из города трех языческих учителей, пытки еще одного, и смерти в подполье пятого.

В «Аммоний» было вставлено предполагаемое опровержение Захарии из Гессия, младшего коллеги Аммония, и было предложено добавить это «опровержение» после 525 г., когда Аммония не было уже в живых. Диалог забавно нереален в его гиперболизациях, но также социологически интересен, так как он показывает много о практике в александрийской школе, и о чувствах ревностной и опасно подрывной группы христианских студентов в ней («филопоны»). Захария окончил свои дни как епископ Митилены.

Что касается третьего христианина, Прокопия из Газы (умер ок. 538 г.), то, как уже было обращено внимание, у него есть две страницы в комментарии на Бытие, возражающее против вечности мира, и это место кратко включает в себя несколько аргументов, которые являются более искусными, чем те, которые мы находим у Захарии. Сам Прокопий имел брата по имени Захария, но не известно, является ли им наш Захария.

Анти-платонические аргументы последних двух газийцев очень редко предвосхищают те, что дал Филопон. Но они не могут быть сопоставлены. Филопон неоднократно берет своего оппонента-платоника, использует свою терминологию и свои предпосылки, чтобы прийти к своему заключению. Даже Прокл ничего не сделал в письменном виде против христиан, и Филопон часто жалуется в этом отношении на Прокла, что тот полагается на платонические догмы, которые он, Филопон, находит неубедительными, а иногда и абсурдными.

Это только одна из причин, почему христианские противники неоплатонизма названы людьми «в ожидании Филопона». Но ситуация была сложнее. Нельзя сказать, что три философа из Газы неудачно пытаются сделать то же самое, что потом сделал Филопон. Напротив, они имели более узкие цели. Они очень естественно не чувствовали, что необходимо опровергнуть платоников их собственными аргумен-

тами. Эней был ритором, и читатели, на которых он хотел произвести впечатление, жили в Александрии, и поэтому он считал себя на равных с неоплатониками, а не боролся против них.

Захария, напротив, писал, чтобы произвести впечатление на определенных христианских студентов в Александрии, чтобы подорвать авторитет их языческих учителей в религиозных вопросах. Не ставя под сомнение ценность неоплатонических культурных знаний, и Эней был заинтересован в показе своего риторического знакомства с ними. И, возможно, по-видимому, они добились своих целей, не показывая себя прямо неоплатониками, так что их философская позиция оказалась несостоятельной, что намеревался сделать и Филопон.

Иоанн Филопон (490-570 гг.) – ранневизантийский философ, ученик главы Александрийской философской школы Аммония. Обучаясь в Александрийской школе, под влиянием схолаха Аммония, приобрелся к философии. Впоследствии он стал преподавать в той же школе при Аммонии. До 525 г. Филопон редактировал наибольшее число комментариев на Аристотеля, основанных на лекциях Аммония, новаторски оценив его самостоятельно. С 529 года, во время написания, по крайней мере, еще одного комментария на Аристотеля, он приступил к серии нападения на языческое мировоззрение Аристотеля и Прокла.

С 480-х гг. Александрийская школа неоплатонизма стала управляться христианами в результате Соглашения Аммония и патриарха Петра Монга. При этом большинство студентов в ней составили христиане-филопоны, а основное содержание образования продолжала составлять классическая философия платонизма и аристотелизма в интерпретации неоплатонизма. Языческие религиозные практики были изгнаны из школы, и она носила исключительно формально-учебный характер, не вмешиваясь в общественную жизнь в Александрии¹.

Выдающаяся роль Иоанна Филопона как создателя новой картины мира на христианском Востоке общепризнана. Однако споры относительно причин, побудивших его предпринять радикальную критику аристотелевской физики и учения о вечности мира, доминировавших в Александрийской философской школе, по-прежнему не утихают². Теория импетуса, или новое представление о пространстве и

¹ *Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, 2006. P. 204-256.*

² *Watts E. An Alexandrian Christian Response to Fifth-century Neoplatonic Influence // The Philosopher and Society in Late Antiquity: Essays in Honour of Peter Brown / ed. Andrew Smith. Swansea, 2005. P. 215-229; Рожанский И.Д. На ру-*

материи, прямо никак не вытекает из христианского мировоззрения. Трудно согласиться с мнением, что для христиан-монофизитов, к которым принадлежал Филопон, спасение не зависело от благочестия или праведности. Согласно общему христианскому учению, разделяемому и монофизитами, спасение человеческой природы осуществилось во Христе, но это спасение должно быть усвоено в личностном плане, т.е. через подвиг христианской жизни.

Нельзя сказать, что у Филопона философия была «отделена от спасения», если под последним понимать уподобление Богу. Филопон в своей полемике с Проклом и Аристотелем действительно вдохновлялся христианской традицией, которая, в частности, отвергала учение о вечности мира. Можно предположить, что когда Филопон отказался с какого-то момента от следования в фарватере Аммония (уже после смерти последнего), христианская традиция вместе с Писанием стала для него источником учения о начале творения, дав ему общее основание для истинного знания. Филопон полагал, что философ обретает уподобление Богу через личное усилие философствования.

Некоторые богословские взгляды Филопона (монофизитство¹ и тритеизм) были осуждены на Константинопольском соборе 680–681 г. Однако, его сочинения оказали влияние на арабов и латинский Запад (теория импетуса).

Но главное – Филопон сделал решающий шаг в медиевализации картины мира, отошедшей от аристотелизма, но сохранившей многое из классической философии². Благодаря ему, не произошло резкого разрыва между античной (платоновско-аристотелевской) и собственно средневековой (Козьма Индикоплов, Феодор Мопсуэстийский – антиохийская школа) картинами мира, в которой существует неподвижное небо, а под небесной твердью над плоской землей летают ангелы. Этот континуитет, а также научная методология, сочетающая философские и христианские принципы составляют всемирно-историческую заслугу христианского учителя VI в. Иоанна Филопона из Александрии³.

беже двух эпох (Иоанн Филопон в споре с аристотелевской концепцией космоса) // Вопросы истории естествознания и техники. № 3. 1983. С. 28–42.

¹ *Herrmann T.* Joannes Philoponos als Monophysit // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche.* Т. 29. 1930. S. 209–264.

² См.: *Philoponus and the rejection of Aristotelian science* / ed. Richard Sorabji. London, 2010.

³ *Беневич Г.И.* Иоанн Филопон. Учение // *Православная энциклопедия.* Т. 24. М., 2010. С. 635–646.

Таким образом, можно выделить три этапа эволюции картины мира:

- античная (платоновско-аристотелевская),
- филопоновская (промежуточная),
- антиохийская, воспринятая позднее в Средневековье.

Вторая и третья возникли одновременно, но стадийно были совершенно различны. Благодаря Филопону и александрийцам, разрыв между первой и третьей оказался не катастрофическим.

ПОДХОД К ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ У ЛИДА И МАЛАЛЫ: ОСОБЕННОСТИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО АНТИКВАРИАНИЗМА

М.М. Синица

Данная работа посвящена рассмотрению отношения к древнейшему прошлому двух ранневизантийских историков – Иоанна Лида и Иоанна Малалы в контексте традиции ранневизантийского антикварианизма – интереса к прошлому, которое имело в VI в. уже определенное медиевальное искажение.

Ключевые слова: Иоанн Лид, Иоанн Малала, Ранняя Византия, антикварианизм, древняя история.

APPROACH TO ANCIENT HISTORY IN LID AND MALALA WORKS: SPECIFY OF THE EARLY BYZANTINE ANTIQUARIANISM

M.M. Sinitsa

This paper deals with the relationship to the ancient past two early Byzantine historians - John the Lydian and John Malala in the context of the tradition of early Byzantine antiquarianism - interest in the past, which had already been defined medieval distortion.

Tags: John the Lydian, John Malala, Early Byzantium, anti-kvarivanizm, ancient history.

Данная работа посвящена рассмотрению отношения к древнейшему прошлому двух ранневизантийских историков – Иоанна Лида и Иоанна Малалы. Произведения Малалы и Лида являются важными источниками ранневизантийской эпохи, им посвящено достаточно много исследований¹; также в историографии имеют место быть рабо-

¹ По Малале см.: Studies in John Malalas / Ed. by E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Sydney, 1990; *Jeffreys E.* The beginning of Byzantine chronography: John Malalas // Greek & Roman Historiography in Late Antiquity (fourth to sixth century A.D.) /

Ed. G. Marasco. Leiden: Brill, 2003. P. 497-527; *Recherches sur la Chronique de Jean Malalas. I* / Ed. par Joelle Beaucamp avec la collaboration de S. Augusta-Boularot, A.-M. Bernardi, B. Cabouret, Emmanuele Caire (College de France - CNRS, Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies. 15). P., 2004. 205 p.; *Recherches sur la chronique de Jean Malalas. II* / Ed. par S. Augusta-Boularot, J. Beaucamp, A.-M. Bernardi, E. Caire (College de France - CNRS, Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies. 24). Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. P., 2006. 286 p.; *Treadgold W.* The Byzantine World Histories of John Malalas and Eustathius of Epiphania // *The international History Review*. 2007, Dec. Vol. 29. No. 4. P. 709-745; *Любарский Я.Н.* «Хронография» Иоанна Малалы (проблемы композиции) // *его же.* Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 7-20; *Он же.* Герои «Хронографии» Иоанна Малалы // *его же.* Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 21-30; *Удальцова З.В.* Мироззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // *ВВ*. 1971. Т. XXXII. С. 3-23; *Наумов Е.П.* Некоторые проблемы ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии (на материале хроники Малалы) // *Этногенез народов Балкан и северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология.* М.: Наука, 1984; *Самуткина Л.А.* Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново, 2001. 143 с.; *Она же.* Концепция легендарной истории у Иоанна Малалы // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты).* Иваново, 2000. С. 41-58; *Она же.* Модель цивилизации в «Хронографии» Иоанна Малалы // *Личность. Культура. Общество.* Т. 5. Спец. вып. 1-2 (19-20). Иваново, 2003. С. 389-396; *Она же.* Античная скульптура в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // *Аристей.* № 1. 2010. С. 154-163; *Она же.* Оракул в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // *Вестник Ивановского государственного университета.* 2007. № 1. С. 39-45; *Она же.* Функции античной мифологии в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы. // *Experimenta lucifera.* Сб. трудов V Поволжского науч.-метод. сем. по пробл. преп. и изуч. дисп. классического цикла. Вып. 4. Нижний Новгород, 2007. С. 38-44; *Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л.: Наука, 1987. Вып. I (XI – первая половина XIV в.); *Иоанн Малала.* Хронография. Книги XIII-XVIII / *Мир поздней античности. Документы и материалы.* Выпуск 2 / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014.

По Лиду см.: *Scott R.* John Lydis on some procedural changes // *Βυζαντινά.* 1972. 4. P. 441-451; *Caimi J.* Burocrazia e diritto nel De magistratibus di Giovanni Lido. Milan: A. Giuffrè, 1984; *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London, New York: Routledge, 1992; *Wallinga T.* The date of Joannes Lydus De magistratibus // *RIDA*, 39, 1992. P. 359-380; *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. 342 p.; *Dubuisson M., Schamp J.* Jean Lydien. Des Magistratures de L'État Romain. T.I-III. Paris: Les Belles Lettres, 2006; *Kaldellis A.* The Religion of Ioannes Lydos // *Phoenix* 57. 2003. P. 300-316; *Он же.* Republican Theory and Political Dissidence in Ioannes Lydos // *Byzantine and Modern Greek Studies.* 29. 2005. P. 1-16;

ты по сравнению творчества обоих писателей, как в общем контексте исследований по историческому нарративу Ранней Византии¹, так и по частным вопросам².

Новизна темы связана с рассмотрением отношения двух писателей именно к древней истории. Актуальность – с тем, что Лид и Малала являются единственными сохранившимися писателями VI века, чьи произведения затрагивают древнейшее прошлое, хотя и существенно отличаются друг от друга по жанру, тематике и стилистике.

Иоанн Малала написал «Хронографию» в XVIII книгах³, которая претендует на охват всеобщей истории человечества от Адама до современных писателю дней. От Иоанна Лида до нас дошло три узко специальных антикварных трактата – «О месяцах» (в четырех книгах)⁴,

Dmitriev S. John Lydus and His Contemporaries on Identities and Cultures of Six-Century Byzantium // Dumbarton Oaks. Trustees for Harvard University. 2010. Vol. 64. P. 27-42; Удальцова З.В. Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54-65; Чекалова А.А. Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V – VI вв. // ВВ. 1991. Т.52 (77). С. 57-69; Болгов Н.Н. Иоанн Лид и его сочинение «О магистратах римского народа» // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 118-120; Сидорович О.В. Жреческая традиция в римской историографии конца III – I в. до н.э. [Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н.]: 07.00.03. М., 2005. 370 с. (Прил. с. 371-589).

¹ См.: *Удальцова З.В. Источники по истории Византии IV – первой половины VII в. // История Византии в 3 т. / Отв. ред. С.Д. Сказкин. Т. I. М.: Наука, 1967. С. 5-66; Treadgold W. Early Byzantine historians. PM, 2010. 432 p.; Scott R. Malalas and his Contemporaries // Studies in John Malalas / Ed. by E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 1990. P. 67-86.*

² См.: *Lyle E.B. The Circus as Cosmos // Latomus. T. 43, Fasc. 4. Oct.-Dec. 1984. P. 827-841; Ельницкий Л.А. Византийский праздник брумалий и римские сатурналии. // Античность и Византия / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 340-351.*

³ По: *The Chronicle of John Malalas. / Tr. by E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott. Melbourne, 1986; Ioannis Malalae Chronographia / Ed. Johannes Thurn / Corpus Fontium Historiae Byzantinae (CFHB) 35. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000; Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2 / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014.*

⁴ По: *Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus) / Tr. and ed. by A. Bandy. Edwin Mellen Press, 2013. Также в квадратных скобках даны главы по изданию Р. Вюнша *Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus / Ed. R. Wuensch. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1898; о коркондансе изданий трактата «О месяцах» см.: Синица М.М. Иоанн Лид: проблемы конкорданса**

«О знаменях» (одна книга)¹ и «О магистратах» (в трех книгах)², и они имеют дело с историей Рима; первое из них посвящено рассмотрению вопросов происхождения и развития древнеримской календарной системы и основным праздникам и обрядам, связанным с языческим календарным циклом, второе является справочником-компендиумом древних писателей по астрономическим и природным явлениям, катаклизмам и приметам, которые считались предзнаменованиями исторических событий, а третье касается истории должностей в Римском государстве и преемственности их в Ранней Византии, главным образом, в институте префектуры претория Востока. В результате, если события древней истории у Малалы излагаются в хронологическом порядке, то в специальных сочинениях Лида они разбросаны по всему произведению.

Язык произведений обоих писателей тоже отличается: в то время как Малала писал свое произведение на народном языке низкого стиля, Лид стремился к аттицизирующим высоколитературным нормам³. Два писателя также представляют разные, можно сказать, противоположные направления ранневизантийской нарративной литературы: если Малала являлся автором всемирной хроники, написанной с христианских позиций⁴, то Лид был выразителем архаическо-римской языческой традиции, в результате чего даже ведутся дискуссии о его религиозной принадлежности⁵.

Данные различия авторов с одной стороны ограничивают поле для сравнения, с другой – позволяют выявить наиболее общие черты ранневизантийской литературы (а именно, относящейся к VI веку - эпохам правления Анастасия I, Юстина I и Юстиниана I) в отношении к древнему прошлому (подразумевается период до образования Римской империи, так как эта граница четко обозначена как у Малалы в

изданий // Иресиона. Выпуск V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 147-176.

¹ По: Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia / Ed. C. Wachsmuth. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1897.

² По: Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.

³ Treadgold W. Early Byzantian historians... P. 364.

⁴ Кобзева А.В. К вопросу о религиозных взглядах Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. 2016. №1 (222). Выпуск 37. Белгород, 2016. С. 26-29.

⁵ Kaldellis A. The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix 57. 2003. P. 300-316.

«Хронографии»¹, так и у Лиды в работе «О магистратах»²) и некоторые особенности ранневизантийского антикварианизма.

Несмотря на различие жанров, точки зрения обоих авторов сближаются по многим вопросам, что обусловлено общностью их социального положения – оба были чиновниками и состояли на государственной службе, Малала – в штате комита Востока³, Лид – в Восточной префектуре претория⁴. Авторский подход к древней истории у писателей тоже близок. В силу особенностей вышеуказанных работ, сравнение проводится по следующим направлениям: авторские источники и подход к ним, культурно-географический аспект, хронологический аспект, отношение к язычеству и мифологии, отношение к древнеримской истории, связь древности с современностью.

Источники.

Труды Лиды и Малалы большей частью компилятивны, хотя для современного времени авторы дают уникальную информацию о фактах, очевидцами которых оба являлись. В древней истории активно привлекаются в качестве письменных источников множество античных писателей, зачастую вторично. Малала ссылается на 75 авторов, среди них на такие как: библейские книги и Моисея, хронистов Кастора, Харакса, Юлия Африкана, Евсевия Кесарийского, Евставия, а также Феофила, Климента, Тимофея, поэтов Гомера, Софокла, Эврипида, Вергилия, Овидия, историков Геродота, Манефона, Полибия, Тита Ливия, Саллюстия, Иосифа Флавия, Диодора Сицилийского, Плутарха, Павсания, Арриана, Евтропия грамматиков Сервия, Диктиса Критского, Сисипа, философов Орфея, Пифагора, Платона, Палефата, Порфирия, Гермеса Трисмегиста... Хотя по мнению исследователей, большая часть из них взята из вторых рук, исходя из того что автор часто неточно воспроизводит источник на который ссылается⁵.

Лид в своих сочинениях ссылается на более чем 200 авторов⁶, среди них на: историков Калисфена, Эфора, Геродота, Фукидида, Диодора Сицилийского, Катона, Тита Ливия, Светония, Саллюстия, Фило-

¹ Начиная с книги IX - времен Цезаря и Августа – в центре повествования у Малалы исключительно римская история.

² Древняя история в книге I «О магистратах» кончается на временах Цезаря. Книги II-III уже посвящены Римской империи.

³ Croke B. Malalas, the man and his work // Studies in John Malalas... P. 1-27.

⁴ Ioannes Lydus 75 // PLRE / by J.R. Martindale. Vol. II A.D. 395 – 527. Cambridge University Press, 1980. P. 612–615.

⁵ Jeffreys E. Malalas' sources // Studies in John Malalas... P. 167-217.

⁶ См.: Appendix / Maas M. John Lydus and the Roman Past. London, New York, 1992. P. 101-134.

на Библиского, Арриана, Диона Кассия, Геродиана, Аврелия Виктора, Евтропия, философов Орфея, Пифагора, Гераклита, Филолая, Аристотеля, Демокрита, Платона, Эмпедокла, Теофраста, Ямвлиха, Гермеса Трисмегиста, Аммония, Нумения, Оригена, Плотина, Порфирия, Прокла, Сириана, поэтов Гомера, Гесиода, Эсхила, Эврипида, Софокла, Ликофрона, Вергилия, Овидия, Ювенала, Клавдиана, Христорда Коптского, юридические сочинения Харисия, Ульпиана, Гая, Гракхана, антикварные произведения Варрона, Плутарха, Нигидия Фигула, Афинейя, Апулея, Лабеола, Аристофана Византского, Макробия, Эвхемера, работы Эвдокса, Птолемея, Эратосфена, Плиния Старшего, Петра Патрикия, сочинения Фонтя, Кампестера, Гавия Басса, Вицелия, Пизона, Цинция, Флегона, Паттерна, грамматиков Эмилия Аспра, Диогениана Лексикографа, Филоксена, Полемона, Феста, а также Халдейские и Сивиллины оракулы, Септуагинту... Многие из этих источников являются взятыми из компилятивных сочинений более поздних времен, о чем говорит и сам автор (напр., *Lyd. De mag. Praef.*, III.74). Огромное количество ссылок на философский материал в «О месяцах» позволяет исследователям предполагать использование Лидом позднеантичного философского компендиума, а описания фестивалей и обрядов в каждом месяце – взятыми из сводных таблиц фаст, распространенных в поздней античности¹.

Для обоих авторов очень важно сослаться на авторитет более древнего, в том числе, редкого писателя, поэтому некоторые исследователи полагают, что Малала даже выдумывал некоторые свои источники². В целом, древняя история представлена в их произведениях достаточно кратко и не может сравниться ни с одним античным антикварным произведением. В работе с античными письменными источниками для авторов характерны выборочность, сокращение и изменение предоставляемого материала, а также повторы и некоторая противоречивость, что связано с отсутствием анализа при компилировании из разных источников. Вместе с тем, в композиции своих произведений авторы достаточно самостоятельны, в частности, Малала отказывается от табличной формы хроники Евсевия, он пытается включить события в последовательности в канву повествования, принимая более читабельную форму³, а Лид, компилируя различные источники, строит совершенно оригинальные по композиции произведения, например, в

¹ *Maas M.* John Lydus and the Roman Past... P. 50, 52-53.

² *Treadgold W.* Early Byzantine historians... P. 248-249.

³ *Croke B.* Byzantine chronicle writing. 1. The early development of Byzantine Chronicles // *Studies in John Malalas...* P. 27-38.

случае «О месяцах»¹, сочетая антикварные изыскания и мифологические сюжеты с философской и естественно-научной информацией.

В качестве источников и свидетельств выступают скульптурные и архитектурные сооружения, надписи на них. Лид ссылается на статую префекта Филиппа в Халкедоне в качестве визуального доказательства для одежды префектов (*Lyd. De mag. II.9*), а до сих пор сохраняющуюся статую Януса на форуме Нервы в Риме (здесь, правда, Лид передает «со слов») – в качестве примера вида, в каком представляли это божество в древности (*Lyd. De mens. IV.1 [=IV.1]*); ссылается на свидетельство Варрона в его работе «О статуях» как источник по одежде Энея (*Lyd. De mag. I.12*), ссылается на статую Елены, чтобы объяснить название Августейона (*Lyd. De mens. IV.121 [=IV.138]*), рассказывает по архивным источникам о возведении скриниариями серебряной статуи Феодосия I на колонне как подтверждение его благосклонности к ним, указывая, что в современности там статуя нынешнего императора (Юстиниана) (*Lyd. De mag. III.35*); упоминает колонну в Константинополе с надписью, посвящения Фортуне как свидетельство победы Помпея над готами (*Lyd. De mens. IV.5 [=IV.132]*) (как полагают, ошибочно²), указывая, впрочем, что сейчас это место стало таверной; приводит сатирическую надпись-стих на железной статуе императора Анастасия на ипподроме (*Lyd. De mag. III.46*); говоря об общественных строениях, пострадавших во время восстания «Ника», обращается к древнейшей истории Константинополя, а также временам Константина, с которыми были связаны эти сооружения (*Lyd. De mag. III.70*). Также говорит о строительстве Севером ипподрома и бань на месте священной рощи Диоскуров (*Lyd. De mens. I.6 [=I.12]*).

У Малалы описание сооружений занимает одно из самых важных мест, особенно для эллинистическо-римского период, где оно является центральным. Здесь «Хронография» Малалы сближается с жанром патриа³. Внимание автора сосредоточено на Антиохии, что позволяет исследователям предполагать использование автором информации из архивов этого города⁴, анналы города упоминает и сам писатель, рассказывая о его переименовании в Теуполь (*Mal. Chron. XVIII.29*, ср. с переименованием города Саламин Августом в Диосполь

¹ *Maas M. John Lydus and the Roman Past... P. 48.*

² *Иванов С.А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011. С. 164.*

³ *Самуткина Л.А. Античная скульптура в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // Аристей. № 1. 2010. С. 154-163.*

⁴ *Jeffreys E. Malalas' sources // Studies in John Malalas... P. 167-217.*

после землетрясения (Mal. Chron. X.3)). С этим же связано, скорее всего, указание на стихийные бедствия в различных городах и восстановительную деятельность императоров. Он описывает такие строения как колоннады, базилики, мосты, акведуки, бани, нимфеи, монументальные ворота, тетрапилоны, гимнасии, ипподромы, театры, библиотеки, монетные дворы, оружейные фабрики, амбары для хранения зерна, дворцы, языческие храмы, синагоги, христианские церкви и мартирии, статуи и скульптурные украшения, стелы, мозаики, построенные разными императорами в Антиохии, Константинополе, Александрии и других городах¹, что подтверждается археологическими раскопками². Для Константинополя он говорит о древностях в контексте строительства Септимия Севера (Mal. Chron. XII.20): ипподром, Зевксипповы бани, Бизополь, храм Гелиоса, - и Константина (Mal. Chron. XIII.7-8): завершение ипподрома, его украшения статуями, кафизма, городские стены, храм Удачи, форум, порфиновая колонна с его бронзовой статуей с семью лучами (где хранился палладий), колоннады Регия, базилика Сената, статуя его матери Елены, из-за чего название Августейон, завершение бань Зевксиппа, его статуя с Тихе города в руках... Данная информация о постройках во многом сближается с информацией Лида по константинопольским памятникам. В контексте описания Зевксипповых бань³ Малала упоминает древнейшее фракийское божество «конного Зевса» (Mal. Chron. XII.20). В связи со строительной деятельностью Севера и Константина говорится о древнейших временах Византа и Фидалии (Mal. Chron. XII.20, XIII.7). Из памятников, дошедших до наших дней Малала упоминает такие как: дерево Ноева ковчега в Писидии (по Пергаму Памфилийскому) (Mal. Chron. I.4), предохраняющий от чумы талисман в виде лика в Антиохии (Mal. Chron. VIII.22), статую в честь Господа в Панеаде от Вероники во времена Ирода (Mal. Chron. X.12), храм матери Реи в Кизике от аргонавтов, превращенный в храм Богоматери во времена Зенона (Mal. Chron. IV.12), храм аргонавтов неизвестному крылатому божеству, превращенный Константином в храм архангела Михаила (Mal. Chron. IV.13), статуи Зевса Керавния и Афины с благодарственной надписью римля-

¹ *Moffatt A. A record of public buildings and monuments. // Studies in John Malalas... P. 87-111.*

² См.: *Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961.*

³ См.: *Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. Бани Зевксиппа в Константинополе: античный комплекс в сердце христианской столицы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. №19 (114). Вып. 20. Белгород. С. 28-34.*

нам от антиохийцев (Mal. Chron. VIII.31), статуя Веспасиана и Херувимских воротах в Антиохии из иудейских трофеев (Mal. Chron. X.45), алтарь первородному Богу от Августа на Капитолии (Mal. Chron. X.5), каменная стела с надписью о щедрости городу Антонина Пия в Александрии (Mal. Chron. XI.24) и т.д.

Авторы, как указывалось, привлекают архивы и эпиграфику, а также стремятся использовать какой-нибудь редкий источник, например, Лид сообщает, что во время поездки на Кипр нашел и читал свиток с оракулами еврейской Сивиллы (Lyd. De mens. IV.52 [=IV.47]), а Малала при рассказе легенды о Фебруарии ссылается на «Сообщения» неизвестного римского летописца Брунихия, найденные им в Салониках (Mal. Chron. VII.12).

Цивилизационно-географический аспект.

В основе хроники Малала - библейская история, в которую он пытается интегрировать все остальные народы. Несмотря на библейский стрележь, центральное место в древнейшей части хроники занимают античные греческие и римские сюжеты¹. Основное содержание древнейшей части (книги I-VI) представляет собой реинтерпретацию языческих мифологических сюжетов². Греческие языческие боги представлены в качестве исторических персонажей, правителей и философов, потомков первых людей из Библии: в частности, родоначальник греческих божеств Крон у Малалы является сыном Сима, старшего сына Ноя (Mal. Chron. I.8). Малала представляет его в качестве родоначальника всех царей Востока и Запада. Его потомками и царями являлись Зевс Пик, Арес, Гермес, Гефест, Гелиос, получившие свои имена в честь планет, названия которым дал сын Адама Сиф. Цивилизация распространяется с Востока на Запад. Цивилизационная модель писателя является монархией, структура библейско-античного логоса его хроники разбита по царствам³. Исследователи отмечают для первых книг хроники невероятный конгломерат событий из библейских преданий, греческой мифологии, истории Ассиро-Вавилонии, Персии, царского и республиканского Рима, Македонии и Египта⁴. Однако «Хронография имеет четкую структуру и логику – автор стремится

¹ Любарский Я.Н. «Хронография» Иоанна Малалы (проблемы композиции) // *его же*. Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 7-20.

² Самуткина Л.А. Функции античной мифологии в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // *Experimenta lucifera*. Сб. трудов V Поволжского науч.-метод. сем. по пробл. преп. и изуч. дисц. классического цикла. Вып. 4. Нижний Новгород, 2007. С. 38-44.

³ Любарский Я.Н. «Хронография» Иоанна Малалы...

⁴ Самуткина Л.А. Функции античной мифологии...

последовательно рассказать о царствах в порядке их образования, начиная ассирийским и египетским, затем обращаясь к греческим и завершая древнейшим римским и македонским царствами, синхронизируя все это с израильской историей¹. Таким образом, он связывает под одной оболочкой древневосточную, библейскую и легендарную античную историю².

Иоанн Лид, хотя в центре повествования помещает римское прошлое, он так же, как и Малала, рассматривает его в тесной связи с другими народами³, показывая универсализм и восприимчивость римской цивилизации. Прототипом и образцом для римского социально-политического устройства служат Афины (Lyd. De mag. I.31, 34, 47), изъятие второго числа из месячных датировок у Нумы он связывает с аналогичной реформой календаря у афинян (Lyd. De mens. II.6 [=II.7]). В «О месяцах», рассуждая о природе дня, он сравнивает воззрения вавилонян, египтян, евреев, умбров, афинян (Lyd. De mens. II.2 [=II.2]); говоря о составе года, проводит параллели между аркадцами, латинами, сиционцами и египтянами (Lyd. De mens. III.3 [=III.5]); сравнивает названия 12 месяцев у афинян, остальных греков, евреев, египтян и римлян (Lyd. De mens. III.35 [=III.22]). В главе «О знамениях», посвященной этнографической географии, Лид дает расположение всех народов ойкумены под определенным знаком зодиака, от Британии и Испании до Индики и Эфиопии (Lyd. De ost. 71). Особое место занимает иудейская цивилизация, тесно связанная с халдейской и египетской: группирование дней по седмицам (неделям), являющееся основой иудео-христианской традиции⁴, автор берет от халдеев и египтян (Lyd. De mens. II.3 [=II.4]); говоря о таком типично римском явлении как магистратура консула (что автор сам и подчеркивает!), он проводит сравнение с названием высших должностных лиц у ассирийского царя во времена пророка Даниила (Lyd. De mag. I.31); в рассказе о неомениях рассматривает этот праздник у евреев (Lyd. De mens. III.13, 14 [=III.11, IV.24]); рассуждая о Сивиллах, первой приводит именно еврейскую халдейского происхождения, говорит о халдейском происхождении Моисея (Lyd. De mens. IV.52 [=IV.47]), и в этом же контексте дает мнения философов о Боге, почитаемом иудеями, ассоциируя

¹ Любарский Я.Н. «Хронография» Иоанна Малалы...

² Кобзева А.В. Античная мифология в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198). Вып. 33. Белгород, 2016. С. 40-43.

³ Scott R. Malalas and his Contemporaries // Studies in John Malalas... P. 67-86.

⁴ Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 54.

его с Осирисом, Кроном и Дионисом, попутно рассуждая об обряде обрезания и питье вина у евреев (Lyd. De mens. IV.54 [=IV.53, fr.3 fal.]); в трактате «О знамениях» в качестве примера истинности предзнаменований обращается к библейскому сюжету, посвященному знамениям, даваемым Моисеем египетскому фараону (Lyd. De ost. 1); он обращается и к более новой еврейской истории, упоминая строительство Иродом Никополя у Левкаты (Lyd. De mag. III.46) (считается, что автор здесь ошибся¹) или о восстании евреев при Нероне после установления его статуи в Храме в Иерусалиме Цестием (Lyd. De mens. IV.56 [=IV.109]). Не менее важна и египетская цивилизация: Лид говорит о первом египетском царе (Lyd. De mag. III.30, De mens. IV.39 [=IV.86]), об обычаях египтян (напр. Lyd. De mens. IV.70 [=IV.64]), о египетском происхождении солнечного года (Lyd. De mens. III.3 [=III.5]), о культах Осириса и Исиды и их фестивалях в Риме (Lyd. De mens. IV.37 [=IV.45]), о разливах Нила (Lyd. De mens. IV.98 [=IV.107]), о нильском божестве (Lyd. De mens. IV.64 [=IV.57]). Яркая аналогия с Малалой у Лида – описание изобретения сыном Посейдона Эниалием двулошадных колесниц и сопоставление этого периода с временами Моисея (Lyd. De mens. I.6 [=I.12]). Кроме того, есть и прямые параллели между Малалой и Лидом - рассказы о происхождении парфян от скифов (Mal. Chron. II.4, Lyd. De mens. III.1 [=III.1]), об одном из первых египетских царей Гефесте (Mal. Chron. I.15, Lyd. De mag. III.30, De mens. IV.39 [=IV.86]); о происхождении титула Фараонов от имени собственного (Mal. Chron. II.6, Lyd. De mag. I.4) и др. Это может быть также связано с использованием общих источников.

В область интересов авторов кроме всемирной или общеримской (что совмещается применительно к современности) тематики попадает и локальная традиция: Антиохия у Малалы в центре внимания с VIII по середину XVIII книг, Лид также обращается к местной истории: он говорит о почитании лидийцами божеств Сардиса и Пана (Lyd. De mens. III.32 [=III.20], III.33 [=III.21]) рассказывает о языческих обрядах в Филадельфии (Lyd. De mens. IV.2 [=IV.2]), говорит об основании Филадельфии Лидийской египтянами (Lyd. De mens. IV.2 [=IV.58]), исследует происхождение лидийской одежды сандюкс (Lyd. De mag. III.64).

Хронология.

Хронология играет главную роль в работе Малалы, цель которой – доказать, что Рождество Христово произошло в 5500 год, в ре-

¹ Jean Lydien. Des Magistratures de L'État Romain. T.II. Livres II et III / Texte etab., tr. et com. par J. Schamp. Paris, 2006. P. CVI.

зультате чего «субботный» (Mal. Chron. X.2) 6000 год выпадает на начало VI века, который начинает седьмое тысячелетие¹, в которое согласно эсхатологическим ожиданиям, должно произойти Второе Пришествие², это время конца света и катастроф; эсхатологические тенденции проявляются в XVIII книге, где появляются указания на появление комет как зловещие предзнаменования (напр., Mal. Chron. XVIII.52), рассказывается о пророчествах и чудесных явлениях, как Божьи наказания рассматриваются землетрясения, засухи, эпидемии, учащаются всенародные моления, происходят войны, мятежи. Ключевым событием, по мнению исследователей, является землетрясение в Антиохии во времена Юстина I³. Несмотря на высокое внимание к хронологии – Малала постоянно пересчитывает количество по эре от Адама лет в связи с важными, на его взгляд, событиями (напр., Mal. Chron. I.2, I.4, I.5, VIII.2, X.2), – для древности попытка синхронизировать разрозненные события и хронологические системы древневосточной, греческой, римской и библейской истории, заканчивается провалом, еще более запутываясь из-за встраивания в историю сюжетов греческой мифологии, в результате Малала допускает чудовищные ошибки, например, времена Энея в Италии совпадают с периодом классической Греции, переселением евреев из Вавилона в Иерусалим и правлением Артаксеркса III в Персии (Mal. Chron. VI.25-28).

Лид тоже уделяет внимание хронологии, в работе «О магистратах» автор дает периодизацию истории, которой следует в дальнейшем: 1) от Энея до основания Рима; 2) от основания Рима до учреждения консульской власти; 3) от времен консулов до диктатуры Цезаря; 4) от Цезаря до Константина; 5) от Константина до смерти императора Анастасия (Lyd. De mag. I.2). Важное место занимает основание Константинополя – служа как бы подпериодом нового времени. Относительно древней периодизации истории Лид кроме ссылки на древних авторов Катона Старшего и Варрона ссылается также на хронистов – Кастора Родосского, Юлия Африкана и Евсевия Памфила. Хотя для древней истории его датировки следует считать достаточно точными, однако в современном времени в его подсчеты вкрадывается ошибка⁴,

¹ Croke B. Byzantine chronicle writing. 1. The early development of Byzantine...

² Кузенков П.В. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014. С. 30.

³ Самуткина Л.А. Модель цивилизации в «Хронографии» Иоанна Малалы // Личность. Культура. Общество. Т. 5. Спец. вып. 1-2 (19-20). Иваново, 2003. С. 389-396.

⁴ Синица М.М. Хронологические нарушения в трактате Иоанна Лиды «De Magistratibus Populi Romani» // Белгородский диалог – 2014. Сборник избр. науч.

в результате которой кончина Анастасия приходится на 554 год! Это породило множество дискуссий, и корень этой ошибки исследователи находят в пассаже у Малалы, который предостерегает от подобных ошибок, возникающих в результате неправильного пересчета совместных и одиночных царствований императоров¹. Впрочем, для Иоанна Лида хронологический аспект произведения не столь важен, его восприятие времени цикличное: «то, что приходит в бытие, не всегда существует, но из поколения в поколение приходит в упадок, чтобы потом опять прийти в бытие, возвратившись к собственной сути...» (Lyd. De mag. II.23) - при такой философии категория времени играет второстепенную роль, что приводит к игнорированию строгого соблюдения дат. Поэтому во всем трактате в дальнейшем хронологический принцип не всегда соблюдается, сочинение составлено скорее по тематическому принципу.

Сходно отношение у обоих писателей к датировочным системам и эрам: для них характерно использование различных хронологических систем с тенденцией к совмещению их относительно особо важных событий. У Малалы: эры от Адама, по индиктам (византийская часть), по антиохийскому календарю (напр., X.1), по консульствам (напр., X.1, X.7), по правлению императоров (напр., X.5 - 55-й год царствования Августа), по правителям различных провинций империи или зависимых областей – губернаторов, топархов (напр., X.1), Важные события датируются буквально по часам, автор указывает точный день, совмещая разные хронографические системы: общегреческий календарь, древнеримский календарь, лунный календарь и недельное деление иудеев (ср. сопоставление названий месяцев у Лида – Lyd. De mens. III.35), например для Распятия: «Господь наш Иисус Христос был распят за семь дней до апрельских календ, 24 марта, в 14-й лунный день. Был 6-й час дня, который именуется пятницей», для погребения: «Иисус Христос был похоронен в десятый час этой пятницы, в консульство Сульпиция и Суллы, в 79-м году по календарю Антиохии Великой, в то время как Кассий, который был назначен Тиберием Цезарем, был правителем Сирии»; для Воскресения: «Иисус, наш Господь Бог, воскрес на 25-й день Дистра-марта, в десятом часу ночи, на рассвете воскресенья 26 марта, в 16-й лунный день» (Mal. Chron. X.14).

тр. Междунар. молодёжн. научн. форума (г. Белгород, 27-29 марта 2014 г.). Белгород, 2014. С. 29-36.

¹ См.: Wallinga T. The date of Joannes Lydus De magistratibus // RIDA. 39. 1992. P. 359-380.

Лид в одних случаях пренебрегает строгой хронологией, а в других – наоборот, очень точен, его датировки: время чьего-либо правления, от начала консульской власти и указание имен консулов, бывших в это время, от основания города Рима, по олимпиадам, уточняя по сопряженным событиям. Как и Малала, он сопоставляет различные датировки. Переходя к эпохе империи, ограничивается указанием на имя какого-либо императора или префекта претория¹. В качестве индикатора времени прибегает к древнеримской системе, указывая день месяца по порядку или относительно древнеримских фестивалей (календ, нон и ид), а также по зодиакальной системе: «Ромул же основал Рим за одиннадцать дней до майских календ, в третий год шестой Олимпиады или, как другие, во второй восьмой; пора <основания> города – пора вторая перед третьей, как Тарутий математик установил, когда Зевс <в> созвездии Рыб, а Крон, и Афродита, и Арес, и Гермес в созвездии Скорпиона, Гелиос же в созвездии Тельца, а Селена <в> созвездии Весов; <или как другие говорят>, Гелиос <в> созвездии Тельца, Селена <в> созвездии Девы, Крон же <в> созвездии Весов, Зевс же <в> созвездии Льва>, Арес <в> созвездии Весов, Афродита <в> созвездии Тельца, а Гермес же <в> созвездии Овна. Начало года, который был в десяти только месяцах, определил Ромул марту в честь Ареса: что от него ведь родился, молва» (Lyd. De mens. I.8 [=I.14]). Лид не упоминает в качестве датировок индикты, являющиеся одной из основных датировочных систем в Ранней Византии и активно используемые Малалой (везде, начиная с XIII книги), но он также уделяет им внимание, рассказывает об их учреждении Августом, об их истории и связи с налогообложением (Lyd. De mens. III.36-37 [=III.22-23], IV.101 [=IV.111], IV.110 [=IV.124]).

Отношение у авторов к древнейшим календарям схожее: Лид говорит о том, что в древности разные народы считали год из 3, 4 или 6 месяцев, поэтому считали, что были люди тысячелетнего возраста (Lyd. De mens. III.3 [=III.5]), у Малалы это говорится применительно к древнейшей египетской истории, что за год считали обращения луны или цикл дней (Mal. Chron. I.15, II.1), таким образом нивелируя представление о глубокой древности истории египтян.

Культурная история.

Начало истории как Малала, так и Лид связывают с развитием человеческой культуры, поэтому культурный прогресс занимает зна-

¹ Синица М.М. Проблемы хронологии в трактате Иоанна Лиды «О магистратах римского государства» // Каразинські читання (історичні науки). Харків, 2014. С. 54-55.

чимое место в описании ими древней истории¹. У Малалы говорится, что сын Адама Сиф дал имена звездам и планетам, первым изобрел еврейские письмена (Mal. Chron. I.1), потомки Ноя построили ковчег и впервые изобрели лодки (Mal. Chron. I.4), египетский царь Гефест впервые изготовил орудия из железа (Mal. Chron. I.15), Геракл изобрел употребление пурпура (Mal. Chron. II.9), Аргус изобрел искусства, Атлас - астрономию, Прометей – письменную науку (Mal. Chron. IV.4) и т.д. У Лида говорится, что финикийцы изобрели буквенные письмена, весы и торговлю (Lyd. De mens. I.3 [=I.9]), Эвандр изобрел латинский алфавит (Lyd. De mens. I.2 [=I.8], De mag. I.5), Нума изобрел монету (Lyd. De mens. I.11 [=I.17]), Агатокл Сицилийский – трабею (Lyd. De mens. I.12 [=I.21], De mag. I.7) Кирка – ипподром в Италии (Lyd. De mens. I.6 [=I.12]), египтяне – солнечный календарь (Lyd. De mens. III.3 [=III.3]), лидийцы – вино (Lyd. De mens. IV.55 [=I.3]) и т.д.

Язычество и мифология.

Применительно к древности важно проследить отношение к язычеству и мифологии.

Малала рассматривает античных языческих богов как исторических персонажей, правителей, военачальников или философов². Он считает, что в древности люди почитали воинов, прославившихся добродетелями, мудрецов или хороших правителей статуями, а затем в результате заблуждения стали поклоняться им как богам (Mal. Chron. II.43). Мифы, связанные с ними, он помещает в исторический контекст и пытается рационализировать³. В частности, все мифы, связанные с участием Зевса, он соотносит с деятельностью могущественного древнего правителя Зевса Пика и его потомками, Сфинкс – это разбойница, стоглазый Аргус – хронист и др. (книги I-VI). Имена греческих богов он связывает с названиями планет и звезд⁴. Не чужда ему и философская интерпретация, например, сюжет о Геракле Триеспере связан с философом Гераклом, практиковавшим философию на Западе, убийство дракона дубиной и похищение трех яблок – это победа над зем-

¹ Для Малалы см.: Самуткина Л.А. Модель цивилизации в «Хронографии»...; Она же. Функции античной мифологии...; Она же. Античная скульптура... и др.

² Самуткина Л.А. Функции античной мифологии...; Кобзева А.В. Античная мифология...

³ Самуткина Л.А. Концепция легендарной истории у Иоанна Малалы // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Иваново, 2000. С. 41-58.

⁴ Она же. Функции античной мифологии...; Кобзева А.В. Античная мифология...

ными соблазнами дубиной философии и лвиной шкурой целомудрия мысли, и получение трех добродетелей – свобода от гнева, от алчности, от чувственности (Mal. Chron. I.14).

Сходно отношение к божествам у Лида. В его трактатах (особенно «О месяцах») языческие боги, мифические существа и мифы подвергнуты философской, преимущественно неоплатонической, а также естественнонаучной интерпретации, оказываясь в связи с космологией (например, Аполлон олицетворяет монаду и солнце (напр., Lyd. De mens. II.3 [=II.4]), Гера, Геката – луну, дуаду (напр., Lyd. De mens. II.6 [=II.7], IV.17 [=IV.25]), Арес, Гефест – огонь (напр., Lyd. II.7 [=II.8]), Зевс – воздух, солнце (напр., Lyd. De mens. II.13 [=IV.30], III.9 [=III.10]), Крон – седмицу (Lyd. De mens. II.27 [=II.12]), Гермес – разум и речь (Lyd. De mens. IV.78 [=IV.76]), Пан – универсум (Lyd. De mens. III.1, 33, 34 [=III.1, 21, IV.117]), Бриарей – влажную субстанцию (Lyd. De mens. IV.3 [=IV.3]) и т.д.). Миф о заключении Крона в Тартар Зевсом объясняется, с одной стороны, как закапывание зерна в землю (Lyd. De mens. IV.143 [=IV.158]), а с другой – как заключение души в узы тела (Lyd. De mens. IV.144 [=IV.159]). Подобно Малале, он связывает обожествление с личными качествами и достижениями обожествляемого, в частности, про Энея он говорит, что тот из-за красоты тела и души считался древними происходящим от богов (Lyd. De mag. I.1). В отличие от Малалы, Лид не помещает в контекст истории древнегреческие мифы, воспринимая их скорее как литературные памятники, хотя древнеримские сюжеты воспринимаются им как реальные¹.

Не менее важную роль у обоих писателей играют языческие оракулы. Малала стремится интегрировать их в контекст христианской традиции, единственным правильным Богом он считает христианского Бога, а оракулы оказываются связующим звеном между Ним и людьми применительно к древней истории до Рождества Христова². В отличие от христианских апологетов, он рассматривает оракулы не как демонов, а как ангелов, которые прорицают об истинном Боге и предвещают его пришествие. Эта серия оракулов начинается с изречения, где сразу излагается постулат о Троице: «Сначала Бог, потом Слово, и Дух вместе с ними; все единоприродны (единосущны) и сходящиеся в Единое, сила Которого вечна» (Mal. Chron. II.3). Вторым в этой серии становится ответ фараону, где продолжается тема Троицы. Бог Израи-

¹ Scott R. Malalas and his Contemporaries...

² Самуткина Л.А. Функции античной мифологии...; Она же. Оракул в ранне-византийской «Хронографии» Иоанна Малалы // Вестник Ивановского государственного университета. 2007. № 1. С. 39-45.

ля назван «бессмертным огнем, пред которым все трепещет: небо, земля и море, а демоны Тартара ужасаются. Этот бог сам себе отец, не имеющий отца, отец и сын в самом себе, трижды блаженный» ((Mal. Chron. III.13). В ответе аргонавтам оракул символически предсказывал воплощение Христа, называя его «вечным Словом», которое будет рождено непорочной девой Марией (Mal. Chron. IV.12). Но после Рождества оракулы теряют свою силу, пифия отвечает Августу: «Еврейский младенец, правящий как бог над блаженными, приказал мне отказаться от этой обители и вернуться в Аид. Так что теперь надо оставить наших вождей» (Mal. Chron. X.5). Философия служит еще одним путем для познания истинного Бога в древности: Софокл говорит о заблуждении людей, поклоняющихся каменным изображениям вместо Единого Создателя (Mal. Chron. II.23), Гермес Тризмегист учит о Едином Триипостасном Боге (Mal. Chron. II.5), аналогично Орфей (Mal. Chron. IV.9-10), Платон (Mal. Chron. VII.15) и др.

Высокий интерес и доверие к языческим оракулам показывает и Лид: как и Малала, он говорит в русле христианской традиции, что оракул может быть непонятным многим по Божьему Промыслу, приводит оракулы еврейской сивиллы, предсказавшей появление Гомера, пришествие Христа за 2000 лет с цитатой: «О благословенное древо, на котором Господь был распят!», - будущее затопление Кипра и разрушение Антиохии (Lyd. De mens. IV.52 [=IV.47]), но в отличие от Малалы он считает языческие оракулы актуальными и в настоящее время. Оракулы у Лида можно разделить на три категории: халдейские, которые призваны божественно подтвердить неоплатонические тексты (напр., Lyd. De mens. II.15 [=II.8]), исторические, которые предсказывают будущие события (например, потеря независимости римлянами при отсутствии заботы о статуях города, - сбилось, по его мнению в правление Авита (Lyd. De mens. IV.53 [=IV.145]); или что тогда римлян покинет Фортуна, когда они родной язык забудут, - сбилось при префекте Кире Египетском (Lyd. De mag. II.12, III.42), и бытовые – например, пить несмешанное вино в январе для здоровья (Lyd. De mens. IV.7 [=IV.17]) или не заключать браки в июне дабы не потерять супруга (Lyd. IV.86 [=IV.89]), или воздерживаться от любви в июле (Lyd. De mens. IV.97 [=IV.106]), или пить молоко в сентябре для сохранения здоровья (Lyd. De mens. IV.114 [=IV.134]).

Древнеримская история и современность.

Древнеримская история у Малалы начинается с приключений Энея, которые являются продолжением рассказа о Троянской войне (Mal. Chron. VI.19). Древняя история Лида также начинается со времен Эвандра и Энея (Lyd. De mens. I.2 [=I.8], De mag. I.1, 2). Содержание

древнеримской истории у авторов иногда отличается. По мнению исследователей, седьмая книга «Хронографии» Малалы (о Древнем Риме) представляет собой не легендарную историю, а описание обычаев римского народа, изложенных в хронологическом порядке их возникновения¹. Особое значение имеет связь с современностью, можно сказать, что древнеримская история – это фон, на котором происходит установление каких-либо обычаев, праздников и обрядов, введение календарных реформ или появление ритуальных предметов или инсигний, строительство культовых сооружений, что является актуальным для современности. В этом ключе наиболее важной для обоих авторов является связь Рима с Константинополем, которую они стремятся подчеркнуть. Особо важна у обоих писателей символическая роль ипподрома, устройство которого воплощает строение космоса и образ времени². Описание происхождения и символического значения ипподрома у авторов очень сходно (ср. *Mal. Chron.* VII.4-5, *Lyd. De mens.* I.6 [=I.12, fr.3], II.12, 13 [=IV.30]). В то же время, Малала сосредотачивается на описании первых греческих состязаний, а Лид уделяет гораздо больше внимания возникновению состязаний в Италии и деятельности Ромула. Авторы расходятся в количестве команд, учрежденных Ромулом, а также в символических трактовках основных элементов ипподрома, здесь Лид дает более подробную информацию. При описании ипподрома Лид дает информацию о строительстве ипподрома в Византии императором Септимием Севером (*Lyd. De mens.* I.6 [=I.12]), таким образом, подчеркивая преемственность Константинополя по отношению к Риму. Он также прямо говорит, что Константинополь стал Новым Римом – преемником старого Города, после обряда посвящения (*consecratio*), произведенного императором Константином (*Lyd. De mag.* II.30). Также он указывает, что Константинополь носит то же священническое имя, что и Рим – Флора, или по-гречески Анфуса (*Ἀνθοῦσα*) (*Lyd. De mens.* II.13 [=IV.30], IV.77 [=IV.75]). Малала тоже рассказывает о строительстве ипподрома в Византии Севером, но в соответствующем месте, также как и про основание Константинополя Константином (*Mal. Chron.* XII.20, XIII.7); в то же время, описывая строительную деятельность Константина антиохийский хронист стремится установить связь между Константинополем и Римом: он говорит о том, что император завершил ипподром и императорскую кафизму как в Риме, что Тихе города носит имя Анфуса (в тек-

¹ Самуткина Л.А. Концепция легендарной истории...

² См.: Lyle E.B. *The Circus as Cosmos* // *Latomus*. Т. 43, Fasc. 4. Oct.-Dec. 1984. P. 827-841.

сте Ἄνθουσᾶν) (Mal. Chron. XIII.7-8), что Константин вывез из Рима палладий, спрятав его в колонну на форуме (Mal. Chron. XIII.7).

Кроме непосредственной преемственности Рима с Константинополем, авторы, в целом, стремятся подчеркнуть общую связь между древностью и современностью в обрядах, инсигниях, праздниках, акцентируя внимание на актуальном материале (напр., о введении Нумой пурпуровой царской одежды: Mal. Chron. II.10, Lyd. De mens. I.12 [=I.21]).

Одним из важнейших индикаторов преемственности древности и современности у обоих писателей являются праздники, обряды и обычаи.

Самую подробную информацию авторы дают о древнем празднике брумалий (Mal. VII.7, Lyd. IV.143 [=IV.158]), который отмечался в конце календарного года и в ранней Византии и, по мнению исследователей¹, являлся зашифрованными сатурналиями.

Таким образом, сравнение отношения к древней истории Малалы и Лиды показывает, что, несмотря на различие в жанрах и исходных принципах историописания, оба ранневизантийских историка имеют много общего как в методике исследования, так и в отношении к самой древней истории.

Основные характеристики: компилятивность работ, стремление сослаться на возможно большее число источников и их авторитет, выборочность материала, его изменение и сокращение, отсутствие критического анализа письменных источников, многочисленные ошибки; активное привлечение архивных материалов; использование памятников скульптуры, архитектуры и эпиграфики в качестве источников; исследование древней истории в контексте всех народов и культур ойкумены; хронологические ошибки, а в датировке сопоставление различных эр; рационализация и интерпретация мифов, доверие языческим оракулам, рассмотрение их в христианском контексте; акцентуация на важнейших вехах древнеримской истории (Эней, Ромул, Брут), символическое толкование древних событий, праздников, обрядов, инсигний, сооружений в связи с актуализацией древнейшего материала применительно к современности.

И Малала, и Лид – важнейшие представители ранневизантийского антикварианизма, по которым можно проследить начало медиевального сдвига в картине мира.

¹ *Ельницкий Л.А.* Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // *Античность и Византия / Отв. ред. Л.А. Фрейберг.* М.: Наука, 1975. С. 340-351.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГАЛИЛЕИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

С.В. Плужник

В статье рассматривается социально-экономическое развитие Галилеи в ранневизантийский период. Особого внимания заслуживает вопрос об экономических зонах на территории Палестины в римское и ранневизантийское время, об особенностях хозяйственной жизни в каждой из этих зон, а также о Палестине в рамках средиземноморских и мировых для того времени торговых связей.

Ключевые слова: Галилея, Палестина, экономика, социальная структура, культура.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE GALILEE IN THE EARLY BYZANTINE PERIOD

S.V. Pluzhnik

The article discusses the socio-economic development of the Galilee in the early Byzantine period. Special attention deserves the questions about economic zones on the territory of Palestine in the Roman and early Byzantine time, about the peculiarities of economic life in each of these areas, and about Palestine and the Mediterranean world at that time trade relations.

Keywords: Galilee, Palestine, the economy, social structure, culture.

Галилея, самая северная область географической Палестины, а также западный сектор Декаполиса составляли в ранневизантийское время провинцию Палестину Вторую с административным центром в Бет-Шеане (Скифополе).

Центральный район географической Палестины - т.е. территория севернее линии Масада-Беершева-Риноколура, вплоть до Галилеи, а также район Заиордания, соответствовавший территории расселения древнеизраильских племен Реувен, Дан и Менассе, составляли провинцию Палестину Первую с административным центром в Кесарии.

Вся южная часть провинции Аравии, т.е. территория Заиордания, южнее вадии Муджиб, а также вся территория южнее линии Масада-Беершева-Риноколура и Синайский полуостров составили провинцию Палестину Третью с административным центром в Петре.

Все три палестинские провинции ранневизантийского времени входили в так называемый диоцез Восток.¹

Именно такие провинции имеются в виду всюду ниже при рассмотрении материала, относящегося к Палестине византийского времени.

Рассмотрим теперь подробнее историко-географические структуры, собственно Палестины. Мы придерживаемся принципов подхода к исторической географии Палестины, определившихся во французской исторической науке, когда территория Святой земли делится либо на физико-географические, либо на исторические зоны. Англо-американский и отчасти немецкий принципы подхода, когда Палестина по течению Иордана делится на западную и восточную, представляется искусственным.

В чисто географическом отношении Палестина делится при движении с запада на восток на следующие четыре зоны:

- приморская (прибрежная) равнина;
- прибрежная горная цепь;
- срединная «депрессия» с многочисленными озерами, реками и источниками воды;
- восточный горный барьер, переходящий к востоку в степь и пустынную степь.

При движении с севера на юг Палестина делится на четыре исторические области, особенности экономической жизни которых освещены в источниках и научной литературе неодинаково. Это Галилея, Самария, Иудея, пустыня (Негев).

Особого внимания заслуживает также вопрос об экономических зонах на территории Палестины в римское и ранневизантийское время, об особенностях хозяйственной жизни в каждой из этих зон, а также о Палестине в рамках средиземноморских и мировых для того времени торговых связей.²

Выделение экономических зон в Палестине труда не представляет, ибо в целом они совпадают с уже упомянутыми естественно географическими зонами на ее территории.³

Условия для хозяйственной деятельности человека в центральной и полупустынной экономических зонах Палестины были весьма различными, что определялось условиями климата в целом и неравно-

¹ *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I-III вв. М., 1949. С. 62.

² *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока VII — середина XII вв. М., 1984. С. 132.

³ *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Том III. СПб., 1996. С. 142.

мерностью распределения водных ресурсов в различных историко-географических областях Палестины. По-настоящему плодородной и выгодной для занятия сельским хозяйством в Палестине во все века была только Галилея. Климатические же и гидрологические условия южных районов (Негев) позволяли - правда, небезуспешно - выращивать лишь определенные сельскохозяйственные культуры, например (из папирусов архива Бабаты), финиковые пальмы различных сортов.

Галилейское общество имело сложную структуру. Регион рассматривался как еврейский анклав среди «недружественных» родовых структур, в результате чего контакт между евреями из Галилеи и неевреями был затруднен, если происходил вообще. Антагонизм, отчуждение, и подозрение преобладали в отношениях между жителями городов и сельской местности в Галилее. Таким образом, крестьянская враждебность, вызванная тяжелыми налогами и приобретением земли местной элитой и римским правительством, были основными причинами всех еврейских восстаний. Иосиф Флавий и раввинская литература разделяли Галилею на два различных географических региона, Верхнюю и Нижнюю Галилею. Е.М. Мейерс отметил, что четыре основные долины в Нижней Галилее торговали с юго-западом и северо-востоком при условии исправного функционирования отличных торговых путей к морю и прибрежных морских портов Кесарии и Тира.

Такие коммерческие связи из Нижней Галилеи особенно полезны были для городского развития. Кроме того, по мнению М. Броши, Нижняя Галилея, наряду с Палестиной в целом, достигла плотности населения в поздней античности, во многом превышающей современное. Действительно, Нижняя Галилея была одним из наиболее густонаселенных районов Римской империи.

Исследование Галилеи и Голан, предпринятое в 1976 г., подтверждает резкое увеличение числа деревень в конце эллинистического и раннего римского периода.

Деревня была основным поставщиком высококачественной посуды для приготовления пищи для большей части Галилеи, в том числе, Сепфориса, поселений вокруг Сепфориса и многих других населенных пунктов, в том числе, деревень Верхней Галилеи. Кроме того, керамика часто продавалась городам за пределами Палестины.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социально-экономическое развитие Галилеи в ранневизантийский период очень неоднозначно. Наряду с высоким уровнем урбанизации, она не достигала большого экономического могущества.

Во многом, если не в основном, это было вызвано политическими событиями в регионе.

КЕСАРИЯ ПАЛЕСТИНСКАЯ В СИСТЕМЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

О.В. Бузанакова

В статье рассматривается роль Кесарии Палестинской в провинциальном управлении Византийской империей. Приводится краткая история административно – территориальных преобразований в Палестине, которые привели к складыванию на ее территории трех провинций, центром одной из которых стала Кесария. Отмечаются особенности государственного управления, представленного в городе

Ключевые слова: Кесария, Палестина, Ранняя Византия.

CAESAREA IN THE SYSTEM OF THE PROVINCIAL ADMINISTRATION OF THE BYZANTINE EMPIRE

O.V. Buzanakova

The article discusses the role of Palestinian Caesarea in the provincial administration of the Byzantine Empire. The article provides a brief history of the administrative – territorial transformations in Palestine, which led to the folding in its territory of the three provinces, the centre one of which was Caesarea and features of public administration operating in the city.

Keywords: Caesarea, Palestine, Early Byzantine Empire.

Актуальность данного исследования заключается в том, что Кесария Палестинская в ранневизантийский период представляла собой крупнейший городской центр провинции и империи в целом. Однако судьба этого города в IV–VII вв. практически не изучена в историографии. Проблема заключается в том, что многие исследователи, говоря о византийской провинции Палестина, упоминают Кесарию в числе крупнейших городов, однако никем так и не предпринята попытка полноценного выяснения роли Кесарии в системе провинциального управления империи.

С самого начала своего существования в качестве римской колонии и столицы провинции, Кесария стала самым важным городом в этом регионе. Провинция, первоначально включавшая, в том числе Самарию, Иудею, Идумею, побережье и части Галилеи, была расширена за счет добавления некоторых территорий Агриппой II около 100

года.¹ При Северах престиж Кесарии был еще более повышен. К ее названию был добавлен титул - FK (Fidelis Constans или Felix Concordia), сохранявшийся на муниципальной чеканке. Такое признание, вероятно, влекло с собой расширение муниципальных прав, и, возможно, еще раз город был удостоен льгот по случаю визита императора в Палестину в 201 г. При Александре Севере город был возведен в ранг метрополии, хотя конкретные обстоятельства этого благодеяния неизвестны. В дальнейшем полное название города, о чем свидетельствует надпись на монетах, включало фразу «Metropolis Provinciae Siriae Palaestinae».²

На рубеже III–IV вв. провинция Палестина была значительно расширена. Южная Аравия в том числе, «прославленный город» Петра, Южная Палестина с Акабским заливом, и Дор на севере отныне составляли пределы провинции под властью Кесарии.³

Статус Кесарии был еще более расширен в IV в. В это время Диоклетиан отделил командование военной силой от управления страной и создал однородное гражданское управление в пределах всей империи. В перфектуре Востока было выделено пять диоцезов: Египет, Восток, Понт, Азия, Фракия. Диоцезы представляли собой весьма обширные территории, каждая из которых подразделялась на провинции, общее число которых при Диоклетиане было 97, а в пору *Notitia dignitatum* – 117, из них 61 приходилась на Восточную империю.⁴ Ориентировочно в 358 г. «укрупненная» Палестина была разделена на собственно Палестину и Палестину *Salutaris*. Следующий акт административно-территориальных преобразований в данных областях известен из рескрипта Гонория и Феодосия от 22 марта 409 г. В документе, регламентирующем взаимоотношения армии и государства, встречается формула: *per primam, secundam, ac tertiana Palaestinam* («по Первой, Второй и Третьей Палестине»). Таким образом, где-то незадолго до 409 г. Палестина была разделена на три провинции⁵. Кесария, таким образом, стала столицей провинции Палестина I, включавшей в себя центральный район географической Палестины - т.е. территорию севернее линии Масада-Беершева-Риноколура, вплоть до Галилеи, а

¹ *Sivan, Hagith*. Palestine in Late Antiquity. Oxford.:University press, 2008. P. 42.

² *Ibid*. P. 76.

³ *Levine, Lee I*. Caesarea under Roman Rule. Leiden: Brill, 1975. P. 43.

⁴ *Кулаковский, Ю.А.* История Византии. СПб, 1996. Т.3. С. 38.

⁵ *Грушевой А.Г.* История формирования византийской провинции Палестина Третья // Византийский временник. Т. 51. 1990 (М., 1991). С. 124.

также район Заиордания, соответствовавший территории расселения древнеизраильских племен Реувен, Дан и Менассе¹.

Кесария, несомненно, выиграла как столица новой провинции. Значительное количество чиновников присутствовало в городе, помимо солдат местного гарнизона и тех, кто находился в отпуске из своего лагеря на K'far 'Otnai. Щедрость и великолепие Кесарии III–IV вв. были широко известны². Согласно анонимному сочинению IV века *Expositio totius mundi et gentium*, «*Iam etiam et Caesaria Civitas est similiter deliciosior et abundans omnibus...*» («В настоящее время есть также восхитительный и полный всех вещей ... также и город Кесария»). Евтропий называет город как «*Urbs clarissima*» («прекраснейший город»), а Аммиан Марцеллин переключается с этим восхищением как о городе, так и о Палестине в целом.³

Итак, из разрозненных упоминаний и источников, мы можем с большой долей вероятности установить, что в III–VII вв. Кесария действительно являлась крупным административным центром. Она была главным городом провинции Палестина Первая. Правители провинции (президы) обладали фискальной, судебной и административной властью на территории вверенной им провинции, имели свою резиденцию в главном городе провинции и объезжали страну для общего надзора⁴. Наличие ипподрома тоже о многом говорит. Ипподром являлся атрибутом далеко не каждого города, особенно в Восточной части Римской империи. Любопытное описание приводит Т. Моммзен в своей «Истории Рима»: «Антиохия имеет в избытке все чего только можно пожелать, но прежде всего скачки. Скачки имеют также Лаодикея, Тир, Кесария (в Палестине). В другие города Лаодикея посылает наездников. Тир - флейтистов, Газа - музыкантов... Аскалон - борцов, Кастабала (в Киликии) - кулачных бойцов»⁵. Помимо крупных размеров самого города, наличия дворцов и ипподрома, источники III–IV вв. пестрят указаниями на то, что именно здесь состоялся суд над тем или иным

¹ Грушевой А.Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб., 2008. С. 29.

² Middle Eastern cities: a symposium on ancient, Islamic, and contemporary Middle Eastern urbanism / Edited by Ira M. Lapidus. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 133.

³ Levine, Lee I. Caesarea under Roman Rule. Leiden: Brill, 1975. P. 44.

⁴ Middle Eastern cities: a symposium on ancient, Islamic, and contemporary Middle Eastern urbanism / Edited by Ira M. Lapidus. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 134.

⁵ Моммзен Т. История Рима. Т V. Кн. 8: Страны и народы от Цезаря до Диоклетиана. Ростов-на-Дону, 1997. С. 360.

христианским деятелем, здесь содержался в тюрьме, а затем был казнен тот или иной мученик. Очевидно, что и органы правосудия располагались здесь же¹.

Тот факт, что Кесария была резиденцией верховного суда в провинции, добавил ей много престижа и процветания. Еврейские мудрецы Тивериады обращались к кесарийскому коллеге Р. Аббаху за помощью в случае их утверждения перед кесарийским проконсулом. Дион Хризостом, писавший на рубеже II в., однажды описал, в какой степени Келены (Апамея) во Фригии получали выгоду от пребывания в городе приезжих чиновников раз в два года: «И более того, суды, заседавшие раз в два года в Келенах, и они собирают вместе бесчисленные толпы людей - истцы, присяжные, ораторы, князья, дежурные, рабы, сутенеры, погонщики, торгаши, блудницы и ремесленники. Следовательно, не только те, у кого есть товары, чтобы их продать, могут получить самые высокие цены, но и никто в городе не имеет ни работы, ни команды, ни дома, ни женщины. И это немало способствует процветанию; так как везде, где наибольшая толпа людей собирается вместе, там мы обязательно найдем деньги в наибольшем изобилии, и, само собой разумеется, что это место должно процветать... Так что, вы видите, что судебские дела считаются наивысшей важности для могущества города, и все люди заинтересованы в этом, как ни в чем ином. И в передовых городах доля этого бизнеса, у каждого в свою очередь, в те годы, была высока».² Если нечастые приезжие добавляли так много для процветания местных жителей, то выгоды, получаемые городом, где правительство регулярно присутствовало, должны быть действительно велики.

Следует отметить, что Кесария никогда фактически не лишалась столичных прав. Конец византийского правления здесь связывается с эпохой арабских завоеваний VII века. Город был взят после смерти императора Ираклия (Mich. Syr. XI, 8 Theoph. 341.23) в 640 г. При арабах Кесария, как и другие крупные прибрежные города греко-римского периода (Карфаген, Тир и Александрия), сократилась по своему значению. Процветающими в этот период становились внутренние города (Кайруан, Фустат, Дамаск, Алеппо, Багдад), т.к. Ближний Во-

¹ Вацеева И.Ю. Кесария Палестинская в III - первой половине VII вв. // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). 2005. С. 15.

² Levine, Lee I. Caesarea under Roman Rule. Leiden: Brill, 1975. P. 45.

сток вступил в эпоху, когда пустыня заменила море, как основной путь коммуникаций¹.

COMITATENSES, LIMITANEI, GENTILES, ИЛИ ТИПЫ ВОЕННЫХ ГАРНИЗОНОВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АФРИКЕ (VI В.)

Н.Е. Третьякова

В статье рассматривается проблема наличия различных типов военных гарнизонов в провинции Африка в VI - нач. VII вв., а также вопрос руководства и контроля над комитатами, лимитанами и гентилами. Анализируются латинские надписи, относящиеся, на взгляд автора, к организации военных гарнизонов в том или ином регионе Византийской Африки.

Ключевые слова: Византийская Африка, комитаты, лимитаны, гентилы, военный магистр.

COMITATENSES, LIMITANEI, GENTILES, OR THE TYPES OF MILITARY GARRISONS IN BYZANTINE AFRICA (VI CENTURY)

N.E. Tretyakova

The paper considers the problem of the availability of types of military garrisons in the provinces in Africa VI - beginning VII centuries A.D., and the problem of leadership and control of the comitatenses, limitanei, gentiles. The author analyzes the Latin inscriptions, relating to the organization of military garrisons, in a particular region of the Byzantine Africa.

Keywords: Byzantine Africa, comitatenses, limitanei, gentiles, magister militum.

Регион (комплекс провинций) Северной Африки на протяжении всего византийского периода его истории характеризовался как нестабильный. После 534 г. (установление византийской власти в регионе) на армию, размещенную здесь, была возложена двойная функция: сохранения и восстановления прежних римских границ, и защита территорий от берберских вторжений.

Цель данного исследования – классифицировать типы гарнизонов в регионе, а также уточнить вопрос, кому они были подчинены.

¹ *Holum K.* The End of Classical Urbanism at Caesarea Maritima // *Studia Pompeiana and Classica in Honour of W.F. Jashemsky.* New Rochell: Karatzas, 1989. P. 92.

Африка в военном отношении стала автономной и была подчинена отдельному *magister militum* («военный магистр», главнокомандующий сил региона). Если случалось, что *magister militum* одновременно был и префектом претория, как, например, Соломон в 534-536 и в 539-543 годах, то он действовал как настоящий суверен, подвергаясь лишь эпизодическому контролю со стороны императора¹.

Воинские части обычно были размещены в Карфагене и в окрестностях провинции *Carthago Proconsularis*. Военные силы, находящиеся в подчинении у дукса или трибуна, были размещены в фортах и городах более отдаленных провинций. Дуксы или трибуны осуществляли командование над *comitatenses*, *limitanei*, *gentiles*.

Comitatenses (комитаты) – приграничные войска, находившиеся в приграничных районах провинции; главным образом, это пехотные и кавалерийские части, которые могли мобильно перемещаться по приграничным территориям широкими полосами.

Limitanei (лимитаны) – подразделения солдат-колонистов, в задачу которых входила непосредственная охрана границ. Они проживали на самих пограничных территориях, вели там хозяйство и охраняли его, будучи привязанными к конкретным территориям.

Gentiles (генти́лы, «урожденные», «местные») – как правило, федераты из берберского контингента, размещенные во внутренних районах провинций.

Различие в комплектации, с точки зрения социального статуса между мобильной полевой армией, находящейся под командованием *magister militum*, и статичных провинциальных сил, находящихся под командованием дукса, не может быть строго определено. В период какой-либо кампании *magister militum* мог включать в состав единицы, взятые из провинциальных гарнизонов, а по окончании кампании возвращать их обратно². И, наоборот, провинциальные гарнизоны могли включать в себя единицы, которые при нормальных обстоятельствах были бы прикреплены к полевой армии военного магистра (*magister militum*).

Несмотря на определенную степень текучести в составе провинциальных гарнизонов, подобный переход мог происходить для конкретных нужд. Вероятно, выделение единиц гарнизонов по базам было сделано для долгосрочной перспективы. Однако, как правило,

¹ См.: *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. Т. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 337.

² *Pringl, Reginald Denys.* Sixth-century fortifications in byzantine Africa: an Archaeological and Historical Study. V. 1. Oxford University, 1978. P. 145.

местонахождение провинциальных сил на закрепленной за ними территории было постоянным. Возможно, причиной этого были стратегические соображения, наличие укреплений и казарм, расходных материалов и воды, наличие гражданского населения, нуждающегося в защите. По аналогии с Египтом, фиксируются случаи, когда один и тот же блок войск мог дислоцироваться на своей территории в течение двух столетий.

Несколько эпиграфических текстов, найденных в Африке, свидетельствует о наличии типа военного гарнизона *comitatenses*. Крупнейшие города провинции получили гарнизон *numerus comitatenses*, под командованием трибуна¹.

Первый текст – эпитафия Максенция, сенатора *numerus Bis Electorum* (войск дважды избранных), размещенных в Гиппоне. Этот сенатор имел ранг, ниже *ducenarius* (дученария) и выше *primicerius* (примичерия).² То же засвидетельствовано в греческой надписи в Аннаполе в Египте, где командиры («стратиоты») двойных соединений, под командованием трибунов, по всей видимости, объединились с гарнизоном после 540 г. Другой полк, который, возможно, дислоцировался в Африке – *numerus Numidi Iustiniani* («войско нумидийцев Юстиниана»), упомянут в надписи в Гермополе в Египте около 539 г. Однако *numerus* уже не размещались в Гермополе с 340 г., по крайней мере, до 507 г. С учетом аналогичного значения двух названий, кажется возможным, что *Numidi Iustiniani* представляли собой просто видоизмененные старые формирования. Можно также отметить, что в VI в. наименование *numeri* обычно имело мало общего с этническим составом, однако, например, египетские *numeri* в основном набирались на местном уровне.

Вторая надпись из Гиппона – с погребения *Buraido*³ *miles num(erus) Hipp(onis) Reg(ii)* («Бурайдона, воина из войска Гиппона Регия»). Практика присвоения названия города соединению, в котором оно размещалось, также встречается в византийском Египте и Италии. Так названы и упомянутые *numeri*, однако они, как правило, имели и отдельное официальное название. Официальное название *Numerus* из Гермополя в 507 г. было *Mauri* («мавры»). Можно предположить, что *Numerus Hipponis Regii* как соединение отличалось от *Numerus Bis Electi*. Но при этом нельзя утверждать, руководствуясь всего двумя надписями, было ли *Numerus Bis Electi* заменено на *Numerus Hipponis*

¹ Ibid., P. 147.

² Ibid.

³ ILAG, I, 81.

Regii около 540 г., в то время как оно было зафиксировано в надписи в Египте, или же в Гиппоне были два *numeri*, дислоцировавшиеся в разное время. Также определенный интерес связан с именем на погребальной надписи. *Buraido* может быть и мавританским именем. Следовательно, это доказывает то, что местное население также набиралось в *comitatenses*. Или же это могло быть неправильно написанное греческое имя *Βορίδης* (Борид).

Еще один надгробный камень, найденный в Алжире в 1856 г. близ местечка *Rusguniae*, предоставляет нам запись с именем трибуна *numerus Primi Felices Iustiniani*. Его имя - *Flavius Ziper* (Флавий Зипр). Также надпись утверждает, что Флавий занимал трибуна́т *Rusguniae* на протяжении 12-ти лет. Этот текст представляет особый интерес, потому что доказывает нам, что трибун *numerus* в то же время был и трибуном города, в котором размещался *numerus*. Такую же практику можно встретить в Египте, где трибун иногда встречается в качестве чина гражданской администрации города, как и дукс – в гражданской администрации провинции. Хотя никакой другой *Numerus* не упоминается в Византийской Африке по названию, некоторые другие ссылки на трибунов могут свидетельствовать о наличии *Numeri*, дислоцированных в городах.

В Суфетуле найдена эпитафия еще одного трибуна - Траяна, но она включена в комплекс военных надгробий, найденных в двух базиликах Серва и свв. Сильвана и Фортуната. На этих надгробиях также упомянуты разные должностные лица, начиная от *primicerius* и заканчивая *magister militum*, или, возможно, экзархом.

Прямые подтверждения размещения *limitanei* в Африке встречаются реже, нежели свидетельства о размещении *comitatenses*. Мы имеем одну сохранившуюся надпись, доказывающую размещение *limitanei*. Текст¹, о котором идет речь, был найден недалеко от города Батна; он был встроен в основание стены, которая, в свою очередь, в 1861 г. была разрушена, а материал пошел на строительство дороги. Этот текст отмечает строительство крепости (?) при Тиберии II Константине (578-582): *hic k(a)st(rum) consent [i]lent(es) sibi ciues istius loci [p]rouid(entia) [ei]us d[omi]ni suis pr(o)p(ri)is laborib(us) fecerunt*². По всей видимости, строительство укрепления было официальным актом, поскольку проводилось под эгидой императора, военного магистра Геннадия, и некого Флавия Тригегия (*Fl(auius) T(ri)[g]et(ius)*). Установле-

¹ CIL VIII.1 4358.

² Эта крепость... в согласии с местным населением... сделанная их же усилиями.

на роль граждан города, поскольку текст гласит, что именно они занимались строительством укрепления. Фраза *de suis propriis laboribus* понимается так, что «сделали они это своими руками, а не через посредников», как предположили некоторые из специалистов¹. Вторая часть текста представлена тремя столбцами с именами семнадцати лиц. Текст заканчивается фразой «Focas magister fecit»². Некоторые из имен сопровождаются буквами. Они очевидно представляли аббревиатуры вторых имен или званий: *m, co, l, fr, sc*. Вторым понятным именем, кроме Фоки, является *Dom(i)n(i)c(us)*, представлявший собой кампидуктора. Возникает закономерный вопрос: кто это люди? Фока, чье имя располагается отдельно от других, по всей видимости, был ответственен за данную надпись. Для остальных упомянутых лиц представляется три возможных интерпретации: они были либо людьми, которые платили за строительство укрепления, или представляли собой *ciues* («граждан»), производивших работы по строительству, или были военным гарнизоном форта.

Практика оплаты частными лицами строительства военных сооружений встречается в Византийской Африке. Однако, в данном случае подобное показалось бы странным: в то время как роль безымянных *ciues* четко указана, о заказчиках не идет ни слова. Поэтому логично предположить, что *ciues* и перечисленные люди были равными по социальному статусу. Если это допустить, то можно определить статус *ciues*, поскольку нам известно, что они находились под эгидой кампидуктора Доминика. Подобные должностные лица встречаются только в пехотных частях, ранжируются ниже *ordinarii* и представляют первые восемь солдатских чинов *Numerus*. Одно из таких лиц упоминается среди *limitanei*, располагавшихся в Элефантине в VI в. Включение военнотружущего в список перечисленных лиц, связанных со строительством крепости, тогда вполне можно объяснить так: *ciues* – были *limitanei*, как часть военных с неполным гражданским статусом. Имена людей, перечисленных в Айн-эль-Ксар, также предполагают, что они были людьми, набранными в Африке. Один из них, Гунтарих, был, вероятно, вандальского происхождения, в то время как Донат, Гудул и Сатурнин – общие африканские имена. В своей совокупности, эти данные согласуются с тем, что эти люди формировали *limitanei*, которые набирались из провинции в VI в., они построили форт и должны были его охранять. Однако остается непонятен статус Флавия

¹ См.: *Pringle, Reginald Denys. Sixth-century fortifications in byzantine Africa: an Archaeological and Historical Study. V. 1. Oxford University, 1978. P. 149.*

² «Сделал магистр Фока».

Тригегия и магистра Фоки. Если предположить, что первый из указанных был чиновником на тот момент, то его титул можно поискать среди букв, указанных после его имени. Могут быть предложены три возможных значения:

1. per Fl(auium) T[.]e(m) t(ribunum). Несмотря на то, что рескрипт Юстиниана от 534 г. гласил, что *limitanei* должны перейти под командование дуксов, здесь указан трибун. Поскольку *limitanei* должны были быть организованы в *numeri*, логично предположить, что их командованием занимались трибуны. Отсюда следует, что этот Fl. T(...) был трибуном, осуществлявшим командование *numeri*, которые в Айн-эль-Ксар образовывали воинское соединение.

2. per Fl(auium) t(ribunum) [g]e(n)t(is). Praefecti gentium вполне могли существовать и в VI в., поскольку были хорошо известны еще до вандалского завоевания. Можно предположить, что этот командир руководил «варварскими силами». Однако для этой должности было характерно двойное имя: Fl(auius) должен был сопровождаться вторым именем.

3. per Fl(auium) T(homas ?) [p](r)e(fec)t(um). Если форт строился за государственный счет, то вполне возможно, что имя префекта могло появиться на надписи наряду с именем магистра. Префект Фома упоминается в одной надписи к Анастасию этого времени.

Подводя итог, следует отметить, что Fl(auius) мог иметь офицерский чин и быть трибуном, осуществлявшим командование над *limitanei*. Представляется вероятным, что надпись VI в. относится именно к *limitanei* - пограничным войскам. Точные административные механизмы, с помощью которых был построен форт, оплата труда не могут быть определены с какой-то степенью уверенности, следовательно, приводимые выше объяснения можно считать лишь гипотезой, нежели фактом. Однако наличие *comitatenses*, *limitanei*, *gentiles* в Византийской Африке в VI - нач. VII вв. остается бесспорным.

ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ АННЫ ИЗ ЖИТИЯ СТЕФАНА СУРОЖСКОГО В СОБЫТИЯХ КРЕЩЕНИЯ РУСИ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

И.А. Щуринова, С.В. Ярцев (Тула)

Статья посвящена чуду исцеления «царицы» Анны во время переезда из Херсона в Керчь, рассказ о котором сохранился в русском и армянском вариантах жития Стефана Сурожского. По мнению авторов, следы такого неординарного путешествия должны были обязательно отразиться в крымской

топонимике. На пути из крымских степей в Судак через ущелье Черной речки действительно сохранился ряд греческих названий, в том числе, и с сакральным значением. То, что они концентрируются здесь вокруг имен Апостола Павла и Пресвятой Богородицы, не случайно, ведь в русской традиции с Апостолом Павлом связывается именно князь Владимир, а с Пресвятой Богородицей – царица Анна. Как считают авторы, это косвенно может свидетельствовать в пользу исторической реальности путешествия сестры императора Василия II из Херсона в Керчь.

Ключевые слова: Крещение Руси, князь Владимир, «царица» Анна, Житие Стефана Суроожского.

MIRACLE OF HEALING OF ANNA FROM LIVES OF STEPHEN SOUROZH DURING THE PERIOD THE BAPTISM OF PRINCE VLADIMIR OF RUS

I.A. Shchurina, S.V. Yartsev (Tula)

The article is devoted to the miracle of healing "queen" Anne during the journey from Kherson to Kerch. This story is preserved in the Russian and Armenian versions Lives of Stephen Sourozh. According to the authors, traces of this extraordinary journey were necessarily reflected in the Crimean toponymy. A few Greek names really survived, including a sacred value, on the way from the Crimean steppes in Sudak through the gorge of Black River. These names are concentrated around the name of the Apostle Paul and the Saint Mary. In the Russian tradition of Prince Vladimir is associated with the Apostle Paul, and with the Blessed Virgin Mary - the Queen Anne. It may testify in favor of the historical reality of travel Emperor Basil II's sister from Kherson to Kerch.

Key words: Baptism of Rus, Prince Vladimir, «queen» Anne, Lives of Stephen Sourozh.

Принимая христианскую веру из Восточно-Римской империи, князь Владимир отчетливо осознавал угрозу возникновения для Руси, как идеологической, так и политической зависимости от Константинополя¹. В сложившейся ситуации только брак русского князя с правящей императорской династией устранял данную проблему. Благодаря женитьбе на сестре императора Владимир сразу становился равным ему по статусу, и о зависимости от ромеев речи уже идти не могло. Другими словами, данный брак являлся важнейшим и обязательным условием предстоящей христианизации Руси. Вот почему, исходя из вполне определенных слов русского князя, обращенных к ромеям: «слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу» (ПВЛ, 6496), вся

¹ Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 1997. С. 172.

война за Херсон велась, в первую очередь, из-за этой царственной особы.

После смерти Романа II 15 марта 963 г. власть наследовали его дети «Василий и Константин вместе с матерью Феофано» (Scyl. 525, 37-39). Однако один не имел детей, а у второго были только дочери. Вот почему родившаяся «за два дня до смерти» Романа II «дочь, которую назвали Анной» (Scyl. 525, 37-39), вполне могла, при благоприятном стечении обстоятельств, рассчитывать на высшую власть в империи¹. Тем не менее, жизнь развернулась иначе, и порфирородной принцессе, в конечном итоге, суждено было выйти замуж за Владимира и превратиться в одну из самых ключевых фигур русской истории.

В этой связи, представляются важным обстоятельства загадочного эпизода, связанного с внезапной болезнью «царицы», описание которого чудом сохранилось в русском и армянском вариантах жития Стефана Суроожского. Напомним, что это случилось сразу же после появления Анны в Крыму, что фактически поставило под угрозу все грандиозные планы Владимира. Так, после того, как князь возвратил ромеям Херсон, он вместе с молодой женой отправился в сторону русских владений на полуострове на территорию древнего Боспорского царства. Однако неожиданно «Анна царица, от Корсуня в Керчь идучи, разболелась смертным недугом среди пути на Черней воде. На ум ей пришел [святой Стефан], и она сказала: «Святой Стефан, если меня избавишь [от этой болезни], я воздам тебе многими дарами и честью». И в ту же ночь явился ей святой Стефан и сказал: «Христос истинный Бог наш, велит через меня, своего слугу, так: завтра встань здорова и иди своим путем с миром». И тот час недуг отступил, и была она здорова, как будто никогда и не болела вовсе. Она же, почувствовав исцеление, вознесла добрые хвалы Богу и святому Стефану. И все те, кто были с нею, встав утром, с великой радостью пустились в путь свой, и проповедовали дела Божьи, бывшие [явлены] его угодником. И всюду проповедовали славу его» (Stefan Surozh., 32)².

Предложенная в свое время датировка возникновения этого рассказа в русских списках жития XV веком³, была подвергнута критике. Дело в том, что к поздней вставке можно было отнести только похвалу

¹ Там же. С. 219.

² Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь, 2012. С. 188.

³ Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. В 2-х книгах (4-х томах). Кн. 2. Тт. 3-4. М., 2010. С. 301-303; Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 94-101.

святому, размещенную в самом конце жития, и по которому нельзя было датировать весь текст этого сложного источника. Не исключено, что возникновение славянского перевода сочинения, все же должно относиться к домонгольскому периоду, как предлагали некоторые ученые¹. На современный момент, исходя из особенностей текста, появление первоначального варианта данного сочинения датируется периодом между 770-м и первой половиной 80-х гг. VIII в. Начиная с середины IX в., образ иконоборца Константина V Копронима всегда носил резко отрицательный оттенок, что нельзя сказать о тексте жития Стефана Сурожского. Оно явно было составлено человеком, симпатизировавшим Константину Копрониму. Появление же интересующего нас чуда исцеления Анны, судя по всему, необходимо относить к концу X или к началу XI в., когда в ходе редакции первоначального текста глава Сугдейской епархии VIII в. превратился в архиепископа, что более соответствовало тогдашним реалиям².

Такой вывод подтверждает и армянский вариант жития, сохранивший часть текста греческого прототипа: «в то время благочестивая царица по имени Анна, выйдя из Шрсона, [чтобы] поехать в Керчь, заболела по дороге и мучилась от боли. И поскольку прежде слыхала о славе чудес святого Степанноса, молила Бога и святых угодников избавить от боли; и вдруг удивление нашло на нее, и узрела святого Степанноса, который говорил: «Не страшись, завтра в это время будешь исцелена от болезни своей, моим заступничеством»; и на следующий день исцелилась так, как будто и не впадала в скверну болезни, и послала дары церкви, и святому алтарю царские облачения, и много всего другого, и благодарила Бога и святого Степанноса» (Stefan Surozh)³.

Анна является единственной особой царского рода, о которой достоверно известно, что она пребывала в Крыму⁴. При этом в тексте нигде нет и намек на супругу Владимира, что исключает возможность появления ее имени в качестве домысла автора сочинения⁵. Похоже, что в церковной традиции действительно сохранились подробности

¹ *Соболевский А.И.* Два чуда св. Стефана Сурожского // Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира. Пгр., 1917. С. 1-10.

² *Мозаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 91; *Мозаричев Ю.М.* Ук. соч. С. 164-170.

³ *Возоуан А.* La Vie arménienne de saint Etienne de Sougdaïa // La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar. Paris, 2006. P. 106-107; *Мозаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Ук. соч. С. 66.

⁴ *Васильевский В.Г.* Ук. соч. С. 300.

⁵ *Карпов А.Ю.* Ук. соч. С. 239-240.

первых месяцев пребывания византийской принцессы на Руси. Конечно до обнаружения текста подробного греческого жития сложно утверждать что-то определенное¹, однако все же попробуем рассмотреть аргументы в пользу версии Анны – сестры Василия II. В.Г. Васильевский для подтверждения этого предположения приводит данные топонимики. По его мнению, упомянутая в источнике «черная вода» является ничем иным, как хорошо известной турецко-татарской «Карасу»². Любопытно, но в Нотиции Де Боора (2 пол. IX в.) епископство хотциров вокруг Фулов и Харасия, также располагалось на некой Черной воде. Однако локализация указанных центров Готской митрополии продолжает оставаться дискуссионной³.

Не вдаваясь в сложную проблему местоположения Фул, тем не менее, заметим, что, учитывая неординарность поездки византийской принцессы, огромную значимость такого путешествия для населения Крыма, можно предположить, что следы пребывания Анны, судя по всему, все же должны были отразиться в крымской топонимике. В этой связи обратим внимание, что именно в районе реки Кучук-Карасу (с тюрского «малая черная вода» или «малая черная река»)⁴ существовали древние пути, проложенные через перевалы главной Крымской гряды и ведущие со стороны степей на южный берег и далее в Судак. Более того, по непонятной пока причине здесь сохранился достаточно большой пласт названий природных памятников и исторических объектов, имеющих явно греческое происхождение. Например, путь вверх по долине речки Танасу (с древнегреческого «тюннос» - маленький, скудный)⁵, выводил на перевал Каллистон (с древнегреческого «прекраснейший»), и далее шел через поляну Алекса (с древнегреческого «оборонять, «защищать»)⁶.

Однако представляется, что самой важной дорогой на южный берег и далее в Судак был путь, который в этом районе проходил как раз по долине Кучук-Карасу, учитывая обилие питьевой воды на дан-

¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Ук. соч. С. 219.

² Васильевский В.Г. Ук. соч. С. 300.

³ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Ук. соч. С. 219.

⁴ Сосновский С. Блеск и нищета крымской топонимики // Крымские каникулы. Симферополь, 1981. С. 380.

⁵ Лезина И.Н. По горным лесам Восточного Крыма. В верховьях рек Танасу и Кучук-Карасу. Симферополь, 1977. С. 7.

⁶ Ена Ал.В., Ена Ан.В. Перевалами горного Крыма. Симферополь, 2007. С. 203-204.

ном маршруте. При этом именно здесь топонимика фиксирует древние дотюрские названия с ярко выраженным сакральным значением. Так в верховьях Черной воды перед самым перевалом Горуча, находится источник, не пересыхающий даже в самые засушливые годы. Он носит название Павел-чокрак (с тюркского «колодец Павла»). Не без основания его связывают с именем Апостола Павла, ведь рядом хорошо просматриваются древние развалины, из которых отчетливо выделяется бассейн, напоминающий баптистерий¹. Далее над самим перевалом возвышается огромная конусообразная вершина Сори (с древнегреческого «сорос» - куча, громада), причем одна из скал этого природного объекта носит название Аю-Кая или что более верно Айя-Кая (с тюркского «святая скала»)². К югу же от перевала располагается огромный, почти замкнутый амфитеатр, поражающий своей дикой красотой и носящий имя Панагия (с древнегреческого «Пресвятая»). Обычно так называли места, где возводились храмы, посвященные Богородице. Несмотря на отсутствие сейчас в урочище древесной растительности, наличие живописной непересыхающей водопадной речки Пананьян-узьень (искаженное с древнегреческого «Святая река»), свидетельствует в пользу этого предположения³.

Таким образом, мы видим, что на пути из крымских степей в Судак через ущелье Черной речки данные сакральной топонимии концентрируются вокруг имен Апостола Павла и Богородицы. Удивительно, но в русской традиции с Апостолом Павлом связывается именно князь Владимир, а с Пресвятой Богородицей – царица Анна. Уже мотив слепоты, предшествующий крещению князя Владимира, явно указывает на то, что это выдающееся событие было каким-то образом уподоблено преследовавшему христиан Савлу, ставшего впоследствии Апостолом Павлом⁴. Следы такого древнего сравнения не так давно отметил А.В. Назаренко. По мнению ученого, они прослеживаются по добавлению «Густынской летописи» к рассказу о крещении Владимира в Корсуни: «абие прозре, якоже некогда Павел апостол» (ПСРЛ., 2, 1-е изд., 256); в тропаре службы св. Владимиру: «и обреете безценный бисер Христа, избравшаго тя, яко втораго Павла,

¹ Ена Ал.В., Ена Ан.В. Ук. соч. С. 214.

² Лезина И.Н. Ук. соч. 74; Ена Ал.В., Ена Ан.В. Ук. соч. С.214.

³ Лезина И.Н. Ук. соч. 74-75; Литвинова Е.М. Крым: православные святыни. Симферополь, 2003. С. 130; Ена Ал.В., Ена Ан.В. Ук. соч. С.214.

⁴ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М., 2001. С. 446.

отрясающего слепоту во святой купели, душевную вкупе и телесную»¹; в одной из стихир службы праздничной минеи (XIII-XIV вв.): «и цесарствует Христос Бог, обретев его яко Паула преже и поставив князя вернаго на земле своеи» (РНБ., Соф. 382, 67), а также в южнославянской похвале св. Владимиру, и даже, возможно, в известном «Чтении о свв. Мучениках Борисе и Глебе» преп. Нестора, где последний уподобил Владимира святому Евстафию Плакиде. Последнего, в момент, когда он хотел «уловить» оленя, самого «Бог ... паче улови явлением своим, не якоже Корнилия Петром, но якоже Павла гоняща» (БЛДР., 3, Сказ. Евст. Плак., 10)².

Трудно сказать, почему даже в Повести Временных лет главный «учитель славян» назван «Апостол Павел, из тех же славян — и мы, Русь; поэтому и нам, Руси, учитель Павел» (ПВЛ., 6406). Возможно, популярность Апостола Павла среди новообращенных была связана с отчетливо выраженной в его проповедях идеей о равенстве всех народов перед Богом, независимо от времени их обращения в христианство³. В любом случае, все это может объяснить возникновение на северных склонах крымской гряды по пути движения Владимира и Анны из Херсона в Керчь, места почитания или даже храма во имя Апостола Павла.

Что же касается Пресвятой Богородицы, то распространение ее культа напрямую было связано с деятельностью уже самой византийской принцессы, которая, как известно «построила многие церкви в стране русов» (Jahia, 4). При этом заметим, что главная церковь Руси (Десятинная церковь), к которой имела прямое отношение Анна, была посвящена именно Пресвятой Богородице. Образцом для нее стала Фаросская церковь Святой Богородицы Большого дворца в Константинополе. В свое время она была построена основателем Македонской династии - императором Василием I Македонянином (867-886 гг.). К этой династии, как известно, принадлежала и Анна⁴. По нашему мнению, то обстоятельство, что супруга Владимира принимала самое деятельное участие в христианизации Руси и распространении культа Пресвятой Богородицы, вполне объясняет появление в живописном

¹ *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI-XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 306.

² *Назаренко А.В.* Ук. соч. С. 446-447.

³ *Карпов А.Ю.* Ук. соч. С. 170.

⁴ *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X-XIII вв. Л., 1982. С. 7-8; *Свердлов М.Б.* Владимир Святославич Святой - князь и человек // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 80.

месте на южном склоне перевала, через который Анна проследовала в Сугдею, храма или монастыря в почитании Богоматери.

Текст жития Святого Стефана Сурожского, конечно, напрямую не говорит о пребывании царицы в Судаке. Однако маршрут русского князя и Анны из Херсона в Керчь просто не мог не затронуть этот важный для империи город. Помимо случая с болезнью и стремлением возвеличить великого Святого, на это имелись и более веские политические причины. В русских источниках мы знаем только о том, что Владимир «отдал грекам как вено за царицу» (ПВЛ., 6496), только Херсон. Судьба остальных имперских владений на полуострове, безусловно, захваченных русским князем, остается неизвестной.

Исходя из текста жития, прямо следует, что территория Боспора осталась за Русью. Другие источники не противоречат этим данным, но и не подтверждают их. Обнаруженные в ходе подводных исследований три печати протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия¹ могли быть связаны с морской фемой Понта Эвксинского, центром которой, возможно, являлась Сугдея². Данная имперская военно-административная единица действительно существовала наравне с фемой Херсона и Климатов и фемой Боспора. Только такая ситуация наблюдалась еще до периода правления князя Владимира. Все фемы упоминаются в Тактиконе, который датируется 70-ми или даже 80-ми гг. X века³. Поэтому эти данные не могут уточнить военно-административное устройство имперских территорий и их разграничение с русскими владениями в Крыму в период крещения Руси. Мало нам могут здесь помочь и надписи византийских печатей. Так, упоминание Аркадия «протоспафария и стратига Боспора» не имеет точной датировки⁴. Деятельность же «императорского протоспафария и стра-

¹ *Степанова Е.В.* К вопросу о Судаком архиве печатей // Византия и Крым: Проблемы городской культуры: Тезисы докл. VIII Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995. С. 13-15; *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I. №1. С. 83-87.

² *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 154; *Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. С. 128-129.

³ *Oikonomides N.* Les listes de preseance Byzantines des IX et X siecles. Paris, 1972. P. 268-269; *Бибииков М.В.* Новые данные Тактикона Иконоmidиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М., 1976. С. 87; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX - начало XII в.). СПб., 2000. С. 220.

⁴ *Литаврин Г.Г.* Ук. соч. С. 219.

тига Херсона» Георгия Цулы, неожиданно вдруг ставшего, судя по данным другой печати, «протоспафарием Боспора», относится ко времени политического кризиса, разразившегося на территории Крыма после смерти Владимира¹.

Таким образом, вполне можно допустить сохранение русского контроля над Восточным Крымом и после крещения Владимира. Следовательно, поездка Анны из Херсона в Керчь действительно могла состояться с заездом в Сугдею, что диктовалось необходимостью поддержки провизантийских сил города в изменившихся военно-политических условиях.

Таким образом, полученные данные Жития Стефана Сурожского, несмотря на всю специфику этого сочинения, представляются крайне важными для реконструкции исторических событий на полуострове в период правления князя Владимира. Фактически это единственный источник, который хотя и косвенно, но все же свидетельствует о передаче Руси Восточного Крыма уже при этом князе. В этой связи современные историко-географические реалии из окрестностей Судака не только подтверждают сам факт поездки супруги Владимира в Керчь через этот город, но и свидетельствуют о его принадлежности в данный период, впрочем, как и Боспора, Руси.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ: ЭКЛОГА ЗАКОНОВ И ПРАВОВЫЕ НОРМЫ НА РУСИ

С.Н. Лоза (Москва)

В статье исследуются проблемы рецепции и трансформации византийского правового наследия на Руси. Рассматриваются точки зрения двух школ «юридического позитивизма» и «социологической юриспруденции» на процесс политогенеза на Руси. На основе греческой Эклоги законов и двух славянских редакциях перевода – Мерило Праведное и Старопечатная Кормчая 1650 г. - имеется возможность точно определить ареал византийского правового наследия в средневековой системе права, определить степень «вживания» византийских правовых норм в древнерусское общество и уровень интеграции традиционного права перед «инородными текстами». При научном исследовании правовой рецепции применялся историко-правовой и сравнительно-правовой метод. Рецепция византийского права выразилась в том, что Русь

¹ Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Византия и Восток. Л., 1971. Вып. 23(86). С. 68-74; Литаврин Г.Г. Ук. соч. С. 215-222; Гадлю А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб., 1994. С. 84-85.

заимствовала необходимые для неё нормы, перерабатывала и видоизменяла их с учётом существующих норм обычного права и действовавшего комплекса явлений общественной жизни. Рецепция византийского права, способствовала движению к росту и развитию политогенеза на Руси. Эклога законов стала необходимым источником церковного и светского суда в процессе становления правой системы Древнерусского государства.

Ключевые слова: рецепция; политогенез; византийское право; древнерусское право; Эклога; светское право; церковное право.

PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF THE BYZANTINE HERITAGE: ECLOGUE LAWS AND REGULATIONS IN RUS

Sergey Loza (Moscow)

The article examines the problem of the reception and transformation of the Byzantine legal heritage in Russia. We consider the point of view of the two schools of "legal positivism" and "sociological jurisprudence" on the process politogenesis in Russia. On the basis of Greek laws and Eclogues two Slavic translation editions - Merilo Pravednoye and Kormchaya in 1650 it is possible to determine exactly the right area of the Byzantine heritage in the medieval legal system. To determine the degree of "empathy" Byzantine legal norms in ancient society and the level of integration of traditional rights to "foreign text". At the reception the scientific legal study used historical and legal and comparative legal method. Reception Byzantine law was expressed in the fact that Russia borrowed the necessary rules for it, recycles and modifies them, taking into account existing customary laws in force and the complex is the phenomena of social life. Reception of Byzantine law, promoted the movement to grow and develop politogenesis in Russia. Eclogue laws has become an indispensable source of ecclesiastical and secular court in the making right the system of the ancient Russian state.

Key words: reception; politogenesis; Byzantine law; the ancient Russian law; Eclogue; secular law; church law.

Историографический контекст.

Изучение проблем рецепции византийского права в Древнерусском государстве проводится учеными с использованием различных методов.

Во-первых, это сравнительно-историческое исследование и выявление норм права и правовых институтов, которые находили применение в практике, заменяя местные нормы традиционного права или соединяясь с ними. В результате такого синтеза создавался новый вариант нормы.

Во-вторых, это выявление местных переработок и компиляций византийских памятников для определения их значения в истории права этих стран. При этом особое внимание уделяется анализу распространения переводов памятников византийского права. Результаты

этого анализа свидетельствуют о стремлении использовать их в условиях новой политико-правовой ситуации, в интересах другого государства. Как отмечал Я.Н. Щапов, распространение переводов памятников права на древнерусский язык имеет право рассматриваться как форма его рецепции, но ещё не свидетельство рецепции его норм¹.

Таким образом, изучение появления переводов византийских правовых источников на славянский язык и распространение их списков позволяет более точно определить ареал византийского правового наследия в средневековой системе права.²

Как пишет С.М. Прокофьева, история свидетельствует, что право всегда появляется одновременно с зарождением государства.³ Аналогичная мысль прослеживается и у Р.Т. Мухаева, который пишет, что возникновение права неразрывно связано с появлением государства, как и происхождение государства невозможно отделить от появления права; государство и право возникают одновременно, поскольку организуют и регулируют жизнедеятельность общества.⁴ Г.С. Остроумов отмечает: «Ни одно государство не может произвольно менять объективно обусловленную систему права, не рискуя серьезно ослабить, подорвать себя и даже погибнуть. В этом смысле любое государство зависит от права не в меньшей степени, чем право от государства»⁵. Формирование государства и его политико-правовой системы определяет суть такого важнейшего исторического процесса как политогенез⁶.

Необходимо подчеркнуть господствующую точку зрения в правоведении, согласно которой, по мнению О.Н. Дубовицкой, раннее государство возникает с достижением обществом определённого экономического уровня с высокой интенсивностью обменных процессов, и распространением частной собственности. Согласно данной позиции, право не может возникнуть раньше государства, так как эти про-

¹ *Щапов Я.Н.* Рецепция сборников византийского права в средневековых балканских государствах // Византийский временник, 1976. Т. 37. С.123-129.

² *Лоза С.Н.* Славянская рецепция Византийской Эклоги: место и значение славянской Эклоги в средневековой системе права // Молодой ученый. 2016. №4. С. 649-652.

³ *Прокофьева С.М.* Влияние римского права на российское уголовно-процессуальное законодательство // Вестник СПб университета МВД России. 2012. №2(54). С.115.

⁴ *Мухаев Р.Т.* Теория государства и права. М.: Юрайт. 2015.

⁵ *Хачатуров Р.Л.* Становление права (На материале Киевской Руси). Тбилиси, 1988. С. 59.

⁶ Там же. С. 60.

цессы протекают одновременно.¹ Аналогичное мнение у Л.Е. Гринина, который пишет, что раннее государство а, соответственно, и право возникают лишь с достижением необходимого социокультурного и политического уровня развития.²

Здесь необходимо сделать серьёзную оговорку. В Московской земле единовластие утверждается только с XV в. Именно с этого времени можно говорить о Русском государстве. А до тех пор, как отмечает известный русский правовед Б.Н. Чичерин: «...общество, гражданское общество, если хотите, но имени государства ему нельзя дать, ибо в нем нет понятия об обществе, как о едином теле, управляемом единой верховной властью; в нём господствует не общественное право, а частное»³. Как мы знаем, даже слово «государь» и «государство» начинает фигурировать в источниках с середины XV в.⁴ Уместно ли тогда употреблять термин государство, применительно к IX–XI вв.?

Определения Древнерусского государства, как «варварского», «раннефеодального», «раннеклассового», «дружинного» или «надплеменного», упускают из вида важную черту раннего государства – его динамический компонент, а именно его ход развития⁵. Поэтому учёные обратили внимание на такие определения как «государство периода генезиса» или «государство переходного периода»⁶.

В настоящее время учёные работают над уточнением понятий, которые глубже отражали бы всё многообразие политических реалий раннего средневековья. Поэтому исследователи предпочитают оперировать понятием «политическая организация», «политический блок» или «политическая система».⁷ Если мы будем рассматривать раннее государство, следует учитывать, что оно имеет два значения:

¹ Дубовицкая О.Н. Сущность права в теории правогенеза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №10. Т.102. С. 284.

² Гринин Л.Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства) // Философия и обществ. 2003. №2. С. 9.

³ Чичерин Б.Н. Опыты по истории Русского права. М., 1858. С. 26.

⁴ Даниелевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 169.

⁵ Фалалеева И.Н. Политико-правовая система древней Руси IX–XI вв. Волгоград, 2003. С. 4–5.

⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 26.

⁷ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: Материалы исследований 1992–1993 гг. М., 1995. С. 40–41.

- узкое, то есть, политическая организация общества;
- широкое, то есть общество, которое имеет особую политическую форму, или общество с раннегосударственной политической формой¹.

Таким образом, право и государство - неразделимые универсалии. Поэтому дискуссия о происхождении государства априори неразрывна связана с проблемами происхождения права.

Самой ранней версией, объясняющей происхождение Древнерусского государства и права, является норманнская теория, которая до середины XIX в. в России занимала положение официальной теории. В XVIII в. вышли труды по истории России М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, В.Н. Татищева. Они, используя «Повесть временных лет», начальным этапом появления Древнерусского государства считали «призвание варягов». Этим аргументировалась неизбежность российского самодержавия и его происхождение от первых киевских князей. Эту концепцию поддержали иностранные ученые, приглашённые в начале XVIII в. в российскую академию наук: Г.Ф. Миллер, Г.З. Байер, А.Л. Шлёцер и др. Они утверждали, что государственность восточных славян была создана варягами (норманнами).

В 20-е годы XIX в. представителями норманнской теории были профессора Дерптского университета, хотя уже тогда был известен неоспоримый факт, подтверждающий развитие государственности на Руси до «призвания легендарных варягов» – первое достоверное упоминание о государстве Русь в «Баварском хронографе», которое относится к 811–821 гг., а согласно византийским источникам – к 860 г.²

Норманнская теория обсуждается и по сей день, но уже в другом ключе – способна ли Россия найти свой путь развития, или она всегда будет нуждаться в толчках извне, в образце и т.п. Сейчас Норманнская теория опровергнута историческими, археологическими, антропологическими, лингвистическими источниками³.

Помимо норманнской теории в исторической науке существуют и другие теории происхождения Древнерусского государства – славян-

¹ *Гринин Л.Е.* Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства) // *Философия и общество.* 2003. №2. С. 6-7.

² *Зув М.Н. Лавренов С.Я.* История России. М., 2015. С.18.

³ Об этом подробнее см. *Фомин В.В.* Норманская теория и её научная несостоятельность // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2009. №3. С. 102-107; *Хачатуров Р.Л.* К критике концепций происхождения древнерусского права // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета.* 2011. №4. С.417-421.

ская (автохтонная) теория (М.В. Ломоносов), Ирано-Славянская (А.И. Рогов, Б.Н. Флоря), Кельто-Славянская (В.Г. Скляренко), копромиссная (славяно-варяжская) теория (В.О. Ключевский), Индо-Иранская (О.Н. Трубочёв)¹. Достоверность ни одной из них до сих не доказана.²

В XIX в. учёные пытались доказать древнееврейское (хазарское) происхождение источников древнерусского права. Так, например, М.Г. Моргулис и Г.М. Барац пришли к выводу, что порядок наследования в договорах Руси с Византией основан на моисеево-талмудическом законодательстве³.

Р.Л. Хачатуров резко раскритиковал анализ российско-византийских международных договоров, предложенный Г.М. Барацем. Он отметил, что посредством подобного «анализа» можно «доказать» еврейское происхождение права всех народов.⁴

Два взгляда на процесс политогенеза.

В ходе формирования правовой системы Древней Руси все традиционно выделяемые источники права – правовой обычай, судебный прецедент, договор и нормативно-правовой акт – имели важное значение.⁵ Следует заметить, что историки и юристы по-разному понимают природу обычного права. Большинство юристов разделяют мнение С.М. Прокофьевой и Р.Т. Мухаева о том, что появление права неразрывно связано с появлением государства. Такое представление связано с отказом от классического римского тезиса, что право есть порождение, не государства, а общества. Историки при этом считают, что зарождение обычного права происходит в условиях племенного строя.⁶

¹ Там же.

² Об этом подробнее см. *Карнейро Р.Л.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под. ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград. 2006. С. 55-70; *Миннибаев Б.И.* Теории и признаки происхождения древнерусского государства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №4.

³ *Моргулис М.Г.* Право наследования по моисеево-талмудическому законодательству в сравнении с русским правом наследования по закону. СПб., 1867. 175 с.; *Барац Г.М.* Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: Восстановление текста, пер., коммент. и сравнение с др. правовыми памятниками, в частности - с Русскою Правдою. Киев, 1910. С. 8-10.

⁴ *Хачатуров Р.Л.* К критике концепций происхождения древнерусского права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. №4. С.418.

⁵ *Фалалеева И.Н.* Указ. соч. С. 49.

⁶ *Кузьмин А.Г.* Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. №2. С.111.

А.А. Зимин, И.Я. Фроянов и Я.Н. Щапов считают, что обычное право возникает раньше государства.¹

Отметим, что мы не отрицаем социального регулирования поведения в первобытных обществах, но носили ли эти регуляторы правовой характер?

Представители «юридического позитивизма» считают что, право является продуктом государства, об этом мы говорили выше.² Школа «социологической юриспруденции» распространяет термин «право» на нормы первобытных и современных архаических обществ.³

Но, как определяется понятие «правовые нормы» в догосударственных образованиях? В развитом обществе правовыми нормами являются те, которые установило государство. А что выступает в качестве критерия, когда государства ещё нет? Здесь представители «социологической юриспруденции» признаются, что правопонимание не может различить виды социальных норм и право как их часть. Может быть, М. Мосс был прав, относя «право» к социальным явлениям, включающим в себя юридические, политические и другие феномены⁴ или, как писала Н.Б. Зазаева, к сакральной парадигме?⁵

В современной науке существует два подхода к нормогенезу. Согласно социально-историческому подходу, формирование норм в догосударственном или государственном обществе происходит стихийно и сознательно. При этом необходимо отличать его осознанно-целенаправленную формулировку коллективом, обществом, государством (высшими инстанциями).⁶ Другой, системно-конструктивный подход, следует тезису о том, что человеческое общество прошло путь от табу до политических образований и комплексов объединения людей (граждан).⁷ Ориентируясь на социально-

¹ Фалалеева И.Н. Указ. соч. С. 49.

² Попов С.Н. Право в догосударственных обществах // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №11. С. 23-24.

³ Цит. по: Попов С.Н. Указ. соч. С. 23-24.

⁴ Об этом подробнее см. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии: пер. с фр. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 85-86.

⁵ Тетюев Л.И. Зазаева Н.Б. Онтологическая сущность права: антропологическо-ценностный подход // Философия и общество. 2006. №2 (43). С.185.

⁶ Файвишевский В.А. Биологически обусловленные бессознательные мотивации в структуре личности. Тбилиси, 1980.

⁷ Дудка Е.Г. К вопросу о правовых нормах как составляющих социальных норм деятельности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. №17. С. 140.

исторический подход формирования норм, мы можем сказать следующее. Как известно, норма права представляет собой правило поведения, которое определяет границы возможного, запрещённого и должного поведения индивида. Существование «социальной регуляции» мы можем наблюдать уже у обезьян¹. Так, например, Н.А. Тих говорит, о существовании «кодекса» правил в стаде павианов². Дополнив эти наблюдения санкционирующими составляющими, возможно более подробно ответить на вопрос о существовании права в догосударственную эпоху.

К примеру, за нарушение правил особь обезьяны подвергается агрессии вожака, другие начинают избегать его в знак солидарности.³ У людей сложнее. Так, например, вора, обжигали руки или изгоняли. Изгоем выжить в одиночку было невозможно. Таким образом, совершалась «политическая казнь». В обычаях кровной мести, для отмщения необходимо было убить любого мужчину из рода убийцы. Но из-за страха перед мстью, зачастую вырезали всех членов рода (коллективная ответственность). Внутри же первобытной общины кровной мести не могло существовать. Кровная месть, была суровой необходимостью в догосударственную эпоху. Ведь когда община теряла члена, соотношение сил менялось в сторону той, которая совершила убийство.⁴

По мнению С.Н. Попова, для внутриродовых санкций не требовался формализованный процесс, так как всё происходило непосредственно, и не требовалось доказательств вины. Для решения вопроса наказания в больших группах, где соплеменники были обязаны наказывать нарушителя, вводится третейский порядок. Третейское разбирательство – посредничество, стало первой формой правосудия, а дальнейшим развитием этого этапа станет квазисудопроизводство.⁵

Общественные отношения в догосударственный период регулировались социальными нормами. Наказание определялось экономическими, политическими, психологическими средствами. Нормы носят не нравственный и не табуированный характер, а именно правовой, так как санкционируются обществом (коллективом или индивидом). Пра-

¹ *Понов С.Н.* Право в догосударственных обществах // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №11. С.24.

² См. *Тих Н.А.* Предыстория общества (Сравнительно-психологическое исследование). М., 1970. С. 176.

³ Там же. С. 57.

⁴ *Звизжова О.Ю.* Первобытная преступность // Общество и право. 2010. №4(31). С.214.

⁵ *Понов С.Н.* Указ. соч. С. 29.

вовая обязанность всегда биполярна и симметрична. С одной стороны – вознаграждения (права, привилегия и т.д.), с другой, санкции за нарушение. Правовая обязанность включает в себя добровольное подчинение в виде принимаемых обязательств.¹ Процесс складывания разбирательства, как отдельной стадии, является ещё одним доводом в пользу существования правовых норм в догосударственную эпоху. Даже потестарная власть коллектива или вождя² основана не на аппарате управления и принуждения (государство), а на личных достоинствах, авторитете, опыте, инстинкте выживания или инстинкте продолжения рода и пр. Источники норм в догосударственной эпохе не исчерпывались только обычаями. К их числу относились акты племенных и групповых советов коллектива, различные договоры, запреты, устанавливающие нормы для ограниченного круга лиц.

Изучение истории права переходного периода на Руси представляется очень важным - как удачно высказалась И.Н. Фалалеева, в это время происходит как симбиоз, так и конкуренция элементов права: обычного и государственного, отечественного и византийского, устного и письменного, традиционного и инновационного. Вышеназванные пары оппозиций являются семиотическими аналогами и обслуживают различные стороны одной проблемы – проблемы рецепции³.

Провал или успех «вживания» византийских норм права?

В Древнерусском государстве самостоятельное развитие преобладало в светском праве. Бесспорно существовавшим самостоятельно считается нормативно-правовой акт – Русская правда. Церковное право испытывало византийское влияние, хотя оно тоже подверглось влиянию местных правовых традиций, так считают Я.Н. Щапов, Е.В. Гутнова, А.П. Новосельцев. Авторы склонны полагать, что древнерусское церковное право можно в определённой форме считать местным, а не исключительно рецептированным.⁴ В правовой сфере происходил сложный синтез. Как отмечает Ю.М. Лотман: «кинородные тексты играют роль дестабилизатора и катализатора, которые приводят в дви-

¹ *Зазаева Н.Б.* Право как составляющая цивилизации // *Философия и общество.* №2. 2007. С. 67-68.

² Об этом подробнее см. *Попов С.Н.* Самоуправление в догосударственных обществах // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2007. №17. С. 63-70.

³ *Фалалеева И.Н.* Указ. соч. С.58.

⁴ *Хачатуров Р.Л.* К критике концепций происхождения древнерусского права // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета.* 2011. №4. С. 421.

жение местную культуру, а не заменяют их».¹ Я.Н. Шапов считает, что «вживание» церковных правовых норм в древнерусское общество было возможно только при наличии и сохранении традиционных норм местной жизни в переходный этап древнерусского общества, от первобытного к феодальному строю, естественно, что право нашло мощную поддержку со стороны византийской традиции.² Заимствование права это важный механизм становления ранней политической системы Древней Руси. По мнению А.Б. Венгерова, «право в ранних государствах на первых этапах своего появления выступает основой организации государственной власти, устанавливая и закрепляя структуру этой власти»³.

В новейшей литературе, указывается, что под 996 г. в ПВЛ описывается факт проведения юридической реформы (в области физических наказаний) князем Владимиром. Л.В. Милов полагает, что основой для этого стал Византийский законодательный свод законов Эклога, а именно XVII титул (наказания за преступление).⁴ Приехавшие на Русь греки после Крещения предложили византийскую Эклогу в качестве светского права.⁵

Советские историки отвергали византийское влияние и попытки рецепировать на Руси правовые нормы Византии, потому что реформа Владимира потерпела неудачу.

Даже если реформа и потерпела крах, то, на наш взгляд, влияние византийской правовой традиции могло осуществляться опосредованно. На это указывает Я.Н. Шапов в своей монографии, посвящённой византийскому и южно-славянскому наследию на Руси.⁶

Знакомство Руси с византийским правом произошло ещё в дохристианский период. Спокойная племенная жизнь славян могла очень продолжительно существовать с теми устойчивыми нормами права, которые были выработаны до этого. Но в X в. восточные славяне были

¹ Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. М., 1989. С. 227.

² Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь древней Руси. М., 1972. С. 310.

³ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1993. Вып.1. С. 81.

⁴ Милов Л.В. Легенда или Реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. Ivs antiqvum. М.: Спарк, 1996. № 1. С. 201-218.

⁵ Земцов Б.Н. Шубин А.В. Данилевский И.Н. История России: Древняя Русь (IX-XII вв.): Образование Древнерусского государства URL: <http://lib.rus.ec/b/504502/read> (дата обращения: 20.05.2016 г.).

⁶ Об этом подробнее см. Шапов Я.Н. Византийское и южно-славянское наследие на Руси в XI-XIII вв. / отв. ред. академик Л.В. Черепнин. М., 1978. 291 с.

втянуты «авантюристическими дружинами» в столкновение с другими странами – непосредственно с Византией и западноевропейским миром.¹ Это послужило действенным каналом проникновения византийского правового наследия, что и определило дальнейшее развитие древнерусского права.²

Христианизация Руси стала важным фактором формирования древнерусской правовой традиции. При этом интересный факт приводит Патерик Печерский: якобы «Русь пять раз крещение принимала. Первое от апостола Андрея, второе при Царе Михаиле Греческом в 863 г. по требованию Святополка, Ростислава и Коцела, в третий раз в 886 г. через посланного митрополита Михаила из Константинополя, в четвёртый раз при блаженной Ольге, пятое крещение было при великом князе Владимире». ³ Хотя необходимо отметить, что даты в «Печерском патерике» не точны. До того, как князь Владимир сделал христианство государственной религией и открыл прямую дорогу имперским миссионерам на стратегическую для Византии территорию, христианство уже существовало на Руси. Этот действенный канал для проникновения византийского права был открыт задолго до 988 г.⁴

На наш взгляд, не стоит ограничиваться только влиянием христианства в сфере формирования древнерусского права. Как говорит В.М. Живов, «понятие влияния никак не покрывает того сложного процесса отбора и трансформации, который происходил при рецепции византийской культуры и их освоении новой системой».⁵

Избранные Законы – Эклога

Эклога явилась необходимым источником церковного и светского судопроизводства, поэтому она стала особенно актуальна в ходе политогенеза Древнерусского государства. Поскольку этот процесс предполагал рост значение законодательства, то византийские памятники права (Эклога, «Градской закон» и др.) могли восполнить пробелы в политико-правовой системе, существовавшие на Руси. Созданный законодательный свод – Эклога – был краток в сравнении с корпусом

¹ *Бондаренко Ю.В.* К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. №4. С. 274.

² Там же. С. 274.

³ *Наумов Д.Б.* Влияние Византии на формирование и развитие государства Киевской Руси. Киров, 2011. С. 59.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С.73.

Юстиниана «Corpus juris civilis»¹, следовательно, легко обозрим и более удобен для практического применения. Использование Эклоги облегчалось и её простой структурой – каждый титул Эклоги посвящён отдельной отрасли права, внутри которого предусматривается наказание за то или иное нарушение/преступление. Упрощённость структуры и ясность содержания Эклоги объясняют её широкое применение на Руси, что позволяет называть Эклогу законов частью византийского культурно-правового наследия в славянском законодательстве.

На Руси не происходило полного заимствования византийской «идеи права», но она оказала влияние на формирование правовой традиции. В процессе применения в судопроизводстве византийского права его нормы изменялись и адаптировались к реалиям жизни древнерусского общества. Славяне, заимствуя элементы чуждой им культуры, своеобразно перерабатывают их, приспособливая к своим нуждам.

В XIII в. Эклога была включена в официальный правовой кодекс Северо-Восточной Руси «Мерило Праведное», а в середине XVII в. в Старопечатную Кормчую.² По мнению Л. Бургмана, очень странно, что Эклога удостоилась войти в Кормчую 1650 г. и 1653 г., имея плохое качество текста, подвергшись незначительным поправкам.³ В славянскую Эклогу, а именно в сокращённую редакцию перевода – Мерило Праведное и полную редакцию перевода – Печатная Кормчая 1650 г., из XVIII титулов оригинального греческого текста Эклоги вошли лишь XVI.⁴

Неудача проведения правовой реформы Владимира и возврат к старой форме взимания виры и продаж⁵ стимулировали процесс развития законодательства, но уже с использованием всего имеющегося

¹ Славянская рецепция византийских канонических сборников / Пер. с немецкого и библиографические дополнения К.А. Максимовича. Л. Бургман // Каноническое право Восточной Церкви и Византии в славянском мире. М., 2006. С. 153.

² Максимович К.А. Греко-римское право в Древней Руси. URL: http://pstgu.ru/pic/dcontent/21448.p_body.spisok_trudov_110.pdf. (Дата обращения: 20.05.2016 г.).

³ Славянская рецепция византийских канонических сборников // Каноническое право Восточной Церкви и Византии в славянском мире. С. 156.

⁴ Лоза С.Н. Структура славянских версий Эклоги: Мерило Праведное и Старопечатная Кормчая 1650 г. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, Российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М., 2016. С. 336-338.

⁵ См.: Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее Право. М., 1996. №1.

запаса правовых норм и византийского опыта.¹ Нормы, взятые из Эклоги целиком или в видоизменной форме, мы можем увидеть в ряде статей Пространной редакции Русской Правды при правлении Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125гг.)² Эклога, на наш взгляд, стала для Древней Руси важным сегментом освоения правового византийского наследия и формирования целостной системы древнерусского права.

Далее мы проанализируем, насколько греческая Эклога (далее ГЭ) повлияла на правовые нормы, зафиксированные в Мерило Праведное (XIII в. – далее МП) и Старопечатной Кормчей (XVII в. – далее ПК). Рассмотрим некоторые случаи заимствований и отбора византийских норм права из ГЭ. Как мы знаем, интегральная структура глав греческих версий Эклоги отличается от славянских, поэтому их нумерация не совпадает.³

Титул шесть ГЭ и зачаток/зачало семь МП и ПК регулирует права наследования родственников, критерии их отбора, распределение материальных ценностей и санкции за нарушение или неисполнение норм прописанных в статьях. Седьмая статья в данной главе содержит перечень оснований, по которым дети могут быть лишены наследования по закону.

Таблица № 1

Версия ГЭ	Версия МП	Версия ПК
«...ἐὰν τοὺς ἰδίους τὴν ψῶσι γονεῖς...»	«...если быют родителей своих...»	«...избиение родителей...»
«...ἐὰν βαρέωα αὐτοὺς ὑβρίσωσιν καὶ συκοφαντήσωσιν...»	«...тяжко ругаются над ними...»	«...тяжкие оскорбления...»
«...καὶ εἰς ἔγκλημα κατηγορησωσιν αὐτοὺς...»	«...обвиняют в чём...»	«...обвиняют в какой-либо вине...»
«...καὶ συκοφαντήσωσιν...»	«...оклеветывают их...»	«...оклеветание их...»
«...ἐὰν φαρμάκοις ὡς φάρμακός τις αὐτῶν	отсутствует	«...употребление трав для колдовства...»

¹ Милов Л.В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (Проблема рецепции) // IVS ANTIQVVM. Древнее право.1(3). М., 1998. С. 113.

² Там же. С. 113.

³ См. подробно Лоза С.Н. Указ. соч. С. 336-338.

συναναστρέφεται...»		
«...ἐὰν ἐπιβουλεύσιν οεψδηποτε τρόπω τῇ θωῇ αὐτῶν...»	«...если покуша- ются на жизнь их...»	«...за мышление про- тив жизни родите- лей...»
«...ἐὰν τῇ μητριᾷ ἢ τῇ παλλαχῇ τοῦ πατρὸς αὐτῶν σωματιχῶς τις ἐξ αὐτῶν μιγῇ...»	отсутствует	«...кровосмешение...»
«...ἐὰν ἡ συγάτηρ μὴ αερεῖται νομίμως συζευχθῆναι βουλομένων τῶν γονέων ἀλλ' αἰσχροῶς διάγειν...»	«...если дочь не хочет выходить замуж по закону и по воле родителей и в сраме пребы- вает...»	«...отказ дочери всту- пить в брак по указа- нию родителей и по- зорное её поведе- ние...»
«...ἐὰν τοὺς γονεῖς φυλακίζομένους οε ἄρῶνες παῖδες προτραπέντες μὴ ἀντιφωνῆσωσιν...»	«...если дети не заступаются за родителей перед их обидчика- ми...» ¹	«...отказ сына в пору- чительстве за родите- лей...»
«- ἐὰν μαινομένων τῶν γονέων μὴ προαιρῶνται οε παῖδες ἀντιλαμβάνεσθαι αὐτῶν» ²	отсутствует	«...отказ в поддержке родителей, впавших в «убожество» ³

Как мы видим, версия МП имеет пропуски в трёх пунктах:

1. употреблений трав (зелий) для колдовства;
2. кровосмешение;

¹ Мерило Праведное. Главная библиотека Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // РГБ НИОР. Ф.304.І. №15. Л.180 об. – 179.

² Εκλογή τῶν νομῶν παρα Λεοῦ καὶ Κωνσταντινοῦ // Collectio Librorum Iuris Graeco-romani / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. P. 28.

³ Кормчая 1650 г. Напечатана с оригинала патр. Иосифа. М., 1913. Л.1131 об. – 1130.

3. отказ в поддержке родителей, которые потеряли рассудок.

Версия ПК при этом содержит весь необходимый перечень оснований из ГЭ. Отличие славянского перевода МП и ПК минимальное, они одинаково передают смысл санкции. Причина отсутствия трёх пунктов в версии МП неизвестна. Отсутствие пункта о кровосмешении свидетельствует о том, что славянский переводчик посчитал излишним указывать его, так как прочно укрепившиеся моральное осуждение этого акта служило достаточно сдерживающим началом.¹ По уставу Ярослава, кровосмешение между родственниками жестоко наказывалось, на это указывали статьи 14,15 и 22. Отсутствие пункта о зельях объясняется тем, что вера в сверхъестественные силы, долго держалась на Руси. Распространение влияния духовенства и установление православной идеологии в общественном сознании мало повлияли на эту сферу. Этим объясняется причина отсутствия пункта о зельях и травах, которые напрямую свидетельствует об атрибуте колдовства и магии.² Отсутствие пункта, «об отказе помощи родителей», неизвестно, это могло бы обусловлено разными причинами, в рамках данной работы мы рассматривать этот вопрос не будем. На автора-индивида действуют политические, институциональные, идеологические и другие ограничения. Достаточно вспомнить знаменитого Абуль-Аббаса, подаренного Харуном аль-Рашидом Карлу Великому в 798 г., смерть старшего сына Карла Великого, Пипина франкские летописцы отметили в одном ряду с гибелью Абуль-Аббаса: «*В том же году, когда умер слон, скончался и король Италии Пипин*»,³ поэтому перечисленные обстоятельства должны учитываться.

Титул восемь ГЭ и зачаток/зачало девять МП и ПК регулирует права освобождения рабов от своих господ. Первая статья данной главы даёт нам перечень оснований по которому, раб может быть освобождён.

Таблица № 2

Версия ГЭ	Версия МП	Версия ПК
1. «...ὁπόταν παρὰ τοῦ ἰδίου κυρίου δημοσθῆ εἴτε...»	1. «...когда господин по своей воле объявит его свободным перед	1. «...когда господин объявит пред людьми волю свою об освобождении

¹ Паршин Н.М. Проблемы уголовной ответственности за инцест: история и современность // Общество и Право. №2 (44). 2013. С. 103.

² Долгов В.В. Колдуны и ведьмы в Древней Руси XII-XIII веков // Вестник Тюменского государственного университета. №1. 2007. С. 217.

³ Левандовский А. Карл Великий. М., 1999. С.39.

	людьми...»	раба...»
2. «...ἐν ἐκκλησία...»	<i>Идёт продолжение предложения пред людьми, 2. «...или церковь...»</i>	2. «...или в церкви...»
3. «...καὶ ἐπὶ φίλον πέντε προσκληθέντων...»	3. «... в присутствии пяти друзей...»	3. «...в присутствии специально приглашённых для этого пяти друзей...»
4. «...καὶ μέχρι τριῶν...»	4. «...или хотя бы трёх...» <i>если нельзя найти пятерых</i>	4. «...или хотя бы трёх человек (друг)...»
5. «...εἴτε δι ἐπιστολῆς τοῦ κυρίου αὐτοῦ...» «...или письмом хозяйина раба...»	5. «...если господина нет, но есть от него послание...»	5. «...по письменному посланию господина...»
6. «...ὁ οἰκέτης ἐν τῇ κεφαλῇ παννίον φορέσας τῇ τοῦ τελευτήσαντος ἐπακολουθήσει κηδεΐα». «...раб с мешком на голове проходит погребальное шествие своего господина...»	6. «...отойдёт раб (освободиться) если имея платок на голове пройдёт, погребальное шествие...»	6. «...раб освобождается, если в погребальном шествии своего хозяина на главе плат носив...»
7. «Ἐὰν ὁ κύριος τὸν ὑποκείμενον αὐτῷ δοῦλον ἐλευθέρῳ θεύξῃ προσώπῳ». «Если хозяин женил его на свободной женщине».	7. Отсутствует	7. «...если господин заключит брак (спряже) раба со свободным лицом...»

<p>8. «...»¹ (Основное содержание статьи: если господин или госпожа, или их дети, примут раба во время святого и спасительного крещения, или по воле господ своих раб станет монахом или клириком).</p>	<p>8. «...если господин или госпожа, а так же их дети примут раба от его святого и спасительного крещения, или с дозволения господ станет клириком или монахом...»</p>	<p>8. «...если станут восприемниками раба при его крещении, или по воле господина раб станет клириком или монахом...»</p>
---	---	--

Здесь мы можем уже наблюдать не только отсутствие одного пункта в версии МП, но уже и комбинацию пунктов внутри первой статьи. Первый пункт перечня оснований, об освобождения раба, гласит, что раб может быть свободен, если хозяин объявит его свободным перед людьми. Версия МП и ПК правильно передают смысл ГЭ, но при этом в версии МП первый пункт комбинирован со вторым, как показано в таблице. Другая особенность: принято считать, что версия МП в наибольшей степени сокращена по сравнению с ПК; это в действительности так, но необходимо выделять целые пункты и даже статьи в версии МП, где перевод в отличие от полной редакции перевода – ПК, наиболее содержателен. Это мы можем наблюдать в последнем, восьмом пункте, где версия МП передаёт больше конкретизации. Таковую особенность можно наблюдать в других главах славянской версии Эклоги сокращённой редакции.

Каждый титул (глава) содержит в себе определённое количество статей, которые заимствованы полностью, частично или вовсе пропущены в славянских версиях, при этом можно констатировать их группировку и различные комбинации внутри глав, которые были рассмотрены. Рецепция норм ГЭ в славянские версии МП и ПК представляют собой процесс гармонизации права, главное - её не смешивать с унификацией. Унификация и гармонизация права являются взаимосвязанными явлениями, но гармонизация - более широкое понятие, которое осуществляется и за пределами унификации права. Гармонизация может быть стихийной и целенаправленной, в нашем случае мы наблюдаем целенаправленную гармонизацию, то есть осознанное восприятие одной правовой системой (государством) достижений другой правовой системы (в данном случае законодательный свод VIII в. – Эклога).²

¹ Полный текст см.: *Εκλογή τῶν νομῶν παρὰ Λεοῦ καὶ Κωνσταντινοῦ* // *Collectio Librorum Iuris Craeco-romani* / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. P. 30.

² *Лоза С.Н.* Указ. соч. С.337-338.

Подведение итогов.

Многочратно было подчеркнуто то, что Русь заимствовала необходимые для неё нормы и процессы воздействия на общественные отношения при помощи специальных юридических, физических или иных методов. В дополнение к этому необходимо сказать, что социально-правовое подражание, или мимесис, можно определить как приобщение через имитацию к социальным ценностям. Мимесис – общая черта социальной жизни, как точно выделил Арнольд Джозеф Тойнби в своей работе «Постижение истории». ¹ Это действие мы можем наблюдать как в обществе примитивном, так и в цивилизациях, однако в разных видах обществ мимесис действует в разных направлениях и сферах. В Древнерусском государстве мимесис ориентирован на более развитую цивилизацию, но при этом - и на своих отечественных творческих личностей, которые оказываются первооткрывателями на пути к развитию и прогрессу общечеловеческой цели, как князь Владимир, если мы придерживаемся теории Л.В. Милова о факте проведения юридической реформы. В обществе, где мимесис направлен в будущее, обычай увядает, общество динамично устремляется по пути изменений и росту, как мы это видим на примере Руси с её рецепцией византийского права. Динамическое движение характерно для цивилизации, тогда как статичное состояние свойственно примитивным обществам, так как их мимесис направлен в прошлое, где господствует обычай. ²

Здесь можно констатировать факт, что с принятием Русью христианства осуществляется глобальный переворот во всех сферах местной правовой жизни. Обычное восточнославянское право во многом противоречило учению христианской морали и церковного права; с распространением христианской веры церковь укрепляет свои позиции, имевшие свои канонические законы, расходящиеся с традиционными обычаями славян. Со всей церковной организацией на Русь прибыли лица светской и духовной направленности, которые не подчинялись русскому праву, так как акклиматизировались к своему, и даже изживали «языческие» обычаи у новохристианского народа. ³ Такой переворот мог повлечь за собой полную замену местного права чужим, но благодаря устойчивости и прочности славянского обычая он привёл только к усвоению в необходимой и достаточной мере греко-римского

¹ Тойнби А. Постижение истории. М., 2002. 612 с.

² Там же. С. 77-78.

³ Рубаник В.Е. Влияние византийской и других традиций на складывание правовых установлений и формирование системы законодательства и суда в Древней Руси. Курск, 2011. С. 56–69.

церковного права, к частичной рецепции или переработанной рецепции отдельных положений кодексов византийского светского права, каковым являлся законодательный свод VIII в. – Эклога.

Рецепция византийского правового наследия на Руси происходила по мере вызревания необходимых условий и потребностей в заимствовании чуждых для своего мира норм. Сама по себе рецепция воспринимается в широком плане взаимного влияния правовых культур разнообразных народов, является выражением присущих им интенций, обуславливаемых асинхронностью и многовариантностью исторического развития каждого из них. Согласно В.М. Живову, рецепции византийского правового наследия на Руси сопутствовало его глубокое переосмысление как неразрывной части христианской церковной культуры.¹

Интересно говорит А.И. Бойко о так называемой «византийской прививке», что рецепция византийского права у славян оказалась возможной лишь потому, что до привнесения чужеродных «правовых стандартов» у славян уже шёл «внутренний процесс правогенеза». Основными моментами при этом выступают мифология и обычное право.²

На рассмотренном материале мы убедились, что в действительности до рецепции чужеродного права у славян в период догосударственности существовали социальные и правовые нормы. Наказание определялось экономическими, политическими, психологическими средствами. «Вживание» византийских правовых норм в древнерусское общество было возможно только при наличии и сохранении традиционных норм местной жизни в переходный этап древнерусского общества. Многие недооценивают прочность и устойчивость славянского обычая. Традиционное право уступило в большей своей части. Оно синтезировалось с византийским правом путём выборки и усвоения необходимых для себя правовых норм. Эклога явилась необходимым источником церковного и светского суда, поэтому она стала особенно актуальна для славянских стран, так как по мере становления Древнерусского государства повышалась роль законодательства, и византийские памятники права были не только актуальны, но и просто необходимы, так как заимствование права - это необходимый механизм древних обществ. Рецепция и дальнейшие усвоение социальных ценностей, способствовало «перепрыгиванию» через неудачный опыт

¹ Вин Ю.Я. Концепт «закон» в византийском праве: проблемы интерпретации // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: ИВИ РАН, 2016. С.59.

² Бойко А.И. Римское и современное уголовное право. СПб., 2003. С.69.

цивилизаций, которым приходилось вырабатывать социально-правовое регулирование институтов и сфер обществ с начальных позиций. Усвоение с дальнейшей интеграцией правового аспекта форсирует этапы кризиса и стагнации, к движению роста и развития общества и государства.

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ПЕЩЕРАХ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Я.В. Литвиненко (Киев, Украина)

В статье предпринимается попытка представить типологию погребальных сооружений в лаврских пещерах в полном объеме, а также соотнести их появление как можно в более точных временных рамках.

Ключевые слова: пещеры, погребения, могильные ямы, типология.

TYPOLOGY OF BURIAL STRUCTURES IN THE CAVES OF KIEV-PECHERSK LAVRA

Ya.V. Litvinenko (Kiev)

In article author attempts to present a typology of burial constructions in the caves of Lavra. Correlate the appearance of burial structures as much as possible in a more accurate period.

Key words: caves, burial places, burial pits, typology.

Киево-Печерская лавра, древнейший монастырь на Руси, был основан в 1051 г. в двух подземных лабиринтах – Ближних и Дальних пещерах. Как показывают исследования последнего десятилетия, Ближние и Дальние пещеры с самого начала своего существования создавались непосредственно как подземный некрополь. Согласно многовекторным научным исследованиям, монастырская практика погребения в пещерах существовала на протяжении семи веков – с XI по XVII вв.

В процессе археологических работ различных лет, происходивших в пещерах, было зафиксировано несколько типов погребальных сооружений. В отчетах все погребальные сооружения описываются последовательно, т.е. именно в том порядке, в котором и происходили археологические работы. В документах можно почерпнуть информацию о форме, размерах погребального сооружения, а также об обнаруженном в нем инвентаре.

Парадоксально, но типология погребальных сооружений лаврских пещер до сих пор остается не выявленной. А ведь именно она и могла бы стать существенным дополнением в комплексном изучении развития лаврских пещер.

В научной литературе можно выделить только несколько работ, которые затрагивают данную тематику. Так, российская исследовательница Т.Д. Панова в монографии, посвященной погребальному обряду на Руси XI–XVI вв., лишь касается вопроса пещерных погребений¹. Свои выводы автор делает на основе двух совместных публикаций киевских исследователей: П.П. Толочко, М.Л. Сагайдака² и С.А. Высоцкого, И.И. Мовчана³. Другая работа, в которой можно почерпнуть сведения про пещерные погребения, написана Т.А. Бобровским.⁴ В ней автор обращается к погребениям древнерусского периода в свете развития определенного участка Ближних пещер. Третья работа принадлежит автору данной статьи - Я.В. Литвиненко⁵, в которой пещерные погребальные сооружения фигурируют в контексте датировки живописи.

В настоящей работе предпринимается попытка представить типологию погребальных сооружений в лаврских пещерах в полном объеме, а также соотнести их появление как можно в более точных временных рамках. Так, в пещерах выделяются следующие виды погребальных сооружений: могильные ямы, камеры с лежанками, локулы, подпольные захоронения в дубовых колодах, и открытые ниши-аркосолии.

Рассмотрим подробнее каждый вид сооружений, предназначенных для погребений.

I-Тип. Могильные ямы.

¹ *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунница, 2004.

² *Толочко П.П., Сагайдак М.Л.* Вивчення стародавнього Києва у 1976-1980 рр. // Археологія. Київ, 1982. Т. 40. С. 108.

³ *Высоцкий С.А., Мовчан И.И.* Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры // СА. 1984. № 3. С. 193.

⁴ *Бобровский Т.А.* «Место идеже и всю братию погребают» (древнейший некрополь Киево-Печерского монастыря в свете новых данных) // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара. 17-21 ноября 2009 г. Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 307-315.

⁵ *Литвиненко Я.В.* К вопросу о датировке стенописи Ближних пещер Киево-Печерской лавры // Чернігівські старожитності. Науковий збірник. Випуск II. Чернігів: Чернігівські обереги, 2009. С. 205-209.

Из двух лабиринтов Киево-Печерской лавры доступные для исследователя могильные ямы находятся в Ближних пещерах – на древнерусских участках «преп. Нестора и Меркурия». Как показали обследования данных участков, произведенных автором статьи совместно с киевским археологом Т.А. Бобровским в 2007–2008 гг. две могильные ямы (участок преп. Нестора) можно отнести к первому периоду становления подземного некрополя, который формировался со второй половины XI в. до конца XII – начала XIII вв. Так, от одной из двух могильных ям, сохранилась лишь одна третья часть, что было связано с перестройкой лаврского пещерного некрополя (конец XII – начало XIII вв.). После положения тела оставшийся объем, вероятнее всего, засыпался выбранным грунтом или песком. Вторая могильная яма, на этом же участке, не подверглась конструктивным изменениям. Ее особенностью являются две небольшие ниши, расположенные у изголовья и у изножья. Отметим также наличие закраин для перекрытия погребения плитой.

Еще одно погребение, относящееся к этому типу, сохранилось на участке преп. Меркурия. Этот участок был вырыт в теле обвала, который произошел, как показали последние исследования, на рубеже XIV–XV вв. Неглубокая погребальная яма расположена под углом к проходу, и одна треть ее часть углублена в массив породы. У изголовья вырезана небольшая ниша. Особенность погребения состоит в том, что оно является открытым, т.е. ни засыпки грунтом, ни перекрытия доской или плитой предусмотрено не было. Тело было положено просто на деревянную доску, о чем говорят ее сохранившиеся остатки. Датировать погребение необходимо временем не ранее XV в., именно тогда, когда и был проложен проход в толще обвала.

Еще три могильные ямы были обнаружены в ходе археологических работ, происходивших в Ближних пещерах в 1978–1979 гг. Две могильные ямы были открыты рядом с гробницей преп. Юлиании Ольшанской. Третья же была обнаружена в подземной церкви «Введения богородицы во храм» рядом с гробницей преп. Агапита. Датировать данные погребения возможно только по косвенным признакам. Так, отправной точкой в датировке захоронений необходимо считать происшедший обвал на участке преп. Нестора и Меркурия, после которого пещеры подверглись таким изменениям, как понижение уровня пола на 50–70 см, создание новых коридоров и строительство подземного Введенского храма. Все это произошло не ранее чем в конце XV – начале XVI вв. Именно этим временем возможно датировать данные захоронения.

II-Тип. Камеры с лежанками.

Как в Ближних, так и в Дальних пещерах существуют камеры с одной, двумя и четырьмя лежанками. Эти пещерные сооружения еще совсем недавно многие исследователи интерпретировали как монашеские келии XI в. Однако, никаких следов жизнедеятельности, таких как закопченности стен, затертости грунта, наличие седалищ и каких-либо ниш, ни в одной из камер не обнаружено. Напротив, архитектура этих помещений свидетельствует о том, что они создавались под открытые захоронения, т.е. доступные для обозрения. Во всех камерах-криптах лежанки устроены в аркосолиях с невысокими бортиками, подголовниками и нишами у изголовья. В одной из таких камер над лежанкой сохранилась фресковая живопись с образом святого, который, очевидно, там почивал.

Отметим, что 20 сохранившихся камер-крипт находятся в Ближних пещерах, а лишь две в Дальних. Это говорит о том, что именно Ближние пещеры изначально формировались не только как подземный некрополь, но и создавались как место для паломничества.

Согласно исследованиям автора данной статьи и киевского археолога Т.А. Бобровского, данные камеры-крипты появляются не ранее конца XII – начала XIII вв. Практика создания подобных камер оказалась недолгой. Причиной тому был массивный обвал в Ближних пещерах, о котором уже упоминалось выше. В «послеобвальный период» – конец XV – начало XVI вв. - из уцелевших камер-крипт постепенно извлекают мощи святых, отдельные камеры становятся местом погребения монашеской братии с последующей закладкой входов, а из объемов иных камер создаются подземные церкви. Отметим, что сегодня для всеобщего обозрения открыта только одна камера-крипта, которую еще в XVII ст. Афанасий Кальнофойский назвал кельей преп. Феодосия.

III-Тип. Локулы.

В обоих лабиринтах Киево-Печерского монастыря существуют погребения, совершенные в локулах. Подчеркнем, что это самый многочисленный тип захоронений в лаврских пещерах. Так, общее их количество насчитывает более 200. Большая часть этого типа погребений сосредоточена в Ближних пещерах. Данные погребения достаточно четко локализируются на определенных пещерных участках, которые очевидно и создавались именно с этой целью. Однако, по мере того как свободных участков становилось все меньше, «локульные» погребения создавались в тех местах пещер, которые позволяли это сделать без угрозы обрушений пещерного грунта: он мог привести к необратимым последствиям определенного пещерного участка.

Археологически погребения в локулах зафиксированы вдоль коридоров, которые открыты для всеобщего обозрения, и на закрытых участках (преп. Нестора и Меркурия, Варяжские пещеры, камеры-крипты).

К этому же типу погребения можно отнести и продольные ниши-полости, которые фиксируются только в Дальних пещерах. Объяснением подобных могильных сооружений служит узость пещерного пространства, где из-за этого недостатка невозможно было произвести захоронение в локуле, которая располагается, как правило, перпендикулярно пещерному коридору.

Как отмечается в отчетах археологических работ, погребения в локулах производили два, три и более раз, что свидетельствует об экономии погребальных мест. Датировать пещерные погребения в локулах, согласно последним исследованиям, возможно широким периодом, а именно – концом XIV – началом XVII вв.

IV-Тип. Захоронения в дубовых колодах.

Захоронения данного типа известны пока только в Ближних пещерах, вероятно, они есть и в Дальних. Подтвердить или опровергнуть это смогут будущие археологические работы.

В 1978-1979 гг. на разных участках Ближних пещер были обнаружены 9 захоронений в дубовых колодах. Перед укладкой чугунных плит в XIX в. вся площадь прохода подземных коридоров была вымощена брусчатым кирпичом, поверх которого был насыпан слой песка, на который и укладывались чугунные плиты. Все обнаруженные погребения находились под кирпичной брусчаткой в углублениях, вырытых в песчанике. Любопытно, что захоронения маркировались коваными гвоздями, воткнутыми в щели кирпичного пола.

При вскрытии дубовых колод выяснился еще один интересный факт. Все гробницы внутри были засыпаны песком, при расчистке его, во всех случаях, были обнаружены мумифицированные останки.

Еще одно погребение в дубовой колоде было найдено в локуле. Отметим, что это единственный вариант подобного захоронения в обоих лабиринтах Киево-Печерского монастыря.

Датировать погребения в дубовых колодах, точно так, как и захоронения в локулах, возможно концом XIV – началом XVII вв.

V-Тип. Погребения в открытых нишах-аркосолиях.

Данный тип погребения присутствует в обоих пещерных лабиринтах Киево-Печерского монастыря. Предназначен он, в первую очередь, для паломников, которые приходят в лаврские пещеры поклониться печерским святым. Мощи святых покоятся в гробницах, которые, в свою очередь, поставлены в ниши-аркосолии. Все аркосолии

расположены вдоль пещерных коридоров. Первые подобные ниши-аркосолии, предназначенные для гробниц с мощами, появляются в пещерах, согласно сохранившимся планам, не ранее начала XVII в. Примером этому, вероятнее всего, послужили древнерусские камеры с лежанками, которые также были оформлены в виде аркосолиев. С середины XVII в. пещеры активно перестраиваются и приспособляются для посещения массового паломничества, что было связано с канонизацией печерских святых. Именно в этот период возникает большинство ниш-аркосолиев. Отметим, что с конца XVII в. некоторые из ниш были расписаны масляной живописью, фрагменты которой сохранились до наших дней.

Подводя итоги, отметим, что за время существования лаврского пещерного некрополя в нем выделяется пять основных типов могильных сооружений. При этом каждый тип захоронения вписывается в определенные временные рамки, которые соответствуют различным периодам развития лаврских пещер. Особое место в данной типологии, на наш взгляд, занимают камеры с лежанками, которым в дальнейшем необходимо уделить более тщательное внимание при их изучении и последующем анализе.

ОБРАЗЫ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ПЕТРА МОГИЛЫ В ПОСТВИЗАНТИЙСКОЙ СТЕНОПИСИ ЦЕРКВИ СПАСА НА БЕРЕСТОВЕ. ИДЕЙНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Е.В. Питателева (Киев, Украина)

В статье рассматривается одна из композиций уникального стенописного ансамбля поствизантийской эпохи, лаврской церкви Спаса на Берестове, «Дар Петра Могилы». Автор приходит к выводу, что в качестве ктитора, преподносящего свой обновленный храм Христу, здесь изображен не только киевский митрополит середины XVII века, Петр Могила. Ктитором в композиции является и его знаменитый предшественник, построивший, по убеждению дарителя, эту церковь в древности – святой Равноапостольный Владимир.

Ключевые слова: Спас на Берестове, ктитор, Петр Могила, св. Владимир, фреска.

IMAGES OF ST. VLADIMIR AND METROPOLITAN OF KIEV PETER MOGILA IN THE POST-BYZANTINE FRESCOES OF THE CHURCH OF OUR SAVIOUR AT BERESTOVE. THE IDEOLOGICAL AND ARTISTIC EXPRESSION

E.V. Pitateleva (Kiev)

The article discusses one of the compositions of a unique post-Byzantine ensemble, the Lavra Church of Our Saviour at Berestove – "The Gift of Peter Mogila". The author comes to the conclusion that as a donator, who presenting Church to Christ, was depicted in fresco not only the Kievan Metropolitan of the mid-17th century, Peter Mogila. Also as donator was represented his famous predecessor – the Equal to the Apostles Holy Vladimir, which have to build the Church of Our Saviour in ancient times.

Key words: Church of Our Saviour at Berestove, donator, Peter Mogila, Equal to the Apostles Holy Vladimir, fresco.

Фрески древней церкви Киево-Печерской лавры Спаса на Берестове, после запустения поднятой в 1644 году «из руин» митрополитом Петром Могилой, являются уникальным для Восточной Европы памятником поствизантийской монументальной живописи. По степени полноты и сохранности они могут считаться одним из самых значительных ансамблей церковной росписи середины XVII в.¹ Наиболее известной живописной сценой в стенописи церкви Спаса на Берестове является ктиторская фреска «Дар Петра Могилы». В истории искусства в ряду многочисленных сюжетов с портретным изображением дарителя или создателя храма эта композиция в киевской церкви, несомненно, выделяется неординарностью своего воплощения. Для того, чтобы это осознать, целесообразно предварить идейно-художественный анализ образов коленопреклоненного митрополита Петра Могилы и св. князя Владимира кратким обзором истории ктиторских сюжетов в христианском изобразительном искусстве.

Один из первых ктиторов, чей образ дошел до наших дней, был изваян на фасаде грузинского храма Джвари: в скульптурном рельефе VI века запечатлен правитель – эрисмтавар Стефаноз, преклонивший колени перед Христом. В мозаике из базилики в Салониках, датированной VII в., представлены донаторы-епископы, которые обращаются за покровительством к св. Димитрию; Римский папа Пасхалий, моля о заступничестве Богоматери с младенцем, прикасается к ее красному башмачку – это изображено в мозаике IX в. церкви Санта Мария ин Доминика в Риме. С X в. в византийском искусстве появляются портреты императоров, подносящих дары Христу или Богоматери в виде

¹ Лопухина Е.В., Питателева Е.В., Ченцова В.Г. Поствизантийские фрески церкви Спаса на Берестове в контексте письменных источников и художественно-иконографического анализа // Каптеревские чтения-13. Сборник статей. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 179-221.

храма или града (например, Константин и Юстиниан в мозаике храма Святой Софии Константинопольской).

«Обетный» портрет адмирала Георгия Антиохийца, припадающего к ногам Богоматери запечатлен в композиции XII века Мартораны в Палермо. В сербской живописи распространение получают групповые портреты представителей династии Неманичей, которых сама Богоматерь подводит к престолу с восседающим Христом (XIII век).

Достаточно часто в искусстве встречаются композиции со схемой «китор коленопреклоненный». Среди византийских примеров Святитель Николай Чудотворец с донаторами в миниатюре Библии Льва из Ватиканской библиотеки X в.; логофет Феодор Метохит в мозаике XIV в. из константинопольского монастыря Хора, Деисис и семейство ктиторов в росписи церкви архангела Михаила в Галате на Кипре (1514 г.).

В живописном наследии Западной Европы один из многочисленных образцов изображения стоящих на коленях донаторов – фреска «Сиджизмондо Малатеста перед св. Сигизмундом» итальянского художника Пьеро делла Франческа (XV в.). Пример из русской живописи – созданная в начале XVI в. артелью Дионисия композиция с коленопреклоненными основателями Ферапонтовского монастыря Мартинианом и Ферапонтом.

В православном искусстве интересующего нас периода – середина XVII в. – имеется композиция с коленопреклоненным Матвеем Басарабом, господарем Валахии, и его женой Еленой. Сцена представлена на странице Евангелия, которое предназначалось для афонского монастыря Великая лавра.

В росписях монастыря Сучевица, построенного в Молдавии братьями Иеремией, Симеоном и Георгием и ставшего родовой усыпальницей семьи Могил, имеется несколько киторских композиций 1601 года. На одной из них коленопреклоненным представлен молдавский митрополит Георгий Могила. Его племянник киевский митрополит Петр Могила при заказе своей киторской фрески для церкви Спаса на Берестове, несомненно, ориентировался и на эту донаторскую композицию монастырской церкви Сучевицы.

Таким образом, полагаем, что фигура Петра Могила, в киторской композиции лаврского Спаса на Берестове стоящего перед Христом на коленях, указывает на стремление заказчика фрески обратиться к устоявшейся и веками проверенной молитвенной схеме. Именно желание воспользоваться традиционной формулой изображения киторской молитвы, вероятно, и было для киевского митрополита надежным залогом того, что его обращение к Богу в духе известного

латинского изречения «do ut des» будет услышано. Заведомая архаичность преклонения колен Петром Могилой усиливается в ктиторской композиции Спаса на Берестове «ритуализированным» ритмом линий, силуэтов и орнамента.

Теперь осмелимся высказать гипотезу, которая для исследователей церкви Спаса на Берестове прозвучит весьма необычно: по нашему мнению, в композиции «Дар Петра Могилы» изображен не один, а два ктитора. Попробуем это пояснить.

Как известно, сам митрополит Петр Могила считал церковь Спаса на Берестове храмом, основанным крестителем Руси или церковью Святого равноапостольного Владимира. «В сакральном пространстве древнего киевского храма Преображения Господня на Берестове символически обозначена цепь бытия Русской Церкви, начальным звеном которой было Крещение Руси»¹. Подтверждением тому являются начальные слова славянской надписи 1643 г., расположенной в нартексе: *«Сію церковь созда великій и вся Росіи князь и самодержец, святыи Владимир, во святом крещении Василій. По летех же многих и по разорении от безбожных татар произволением Божиим обновися смиренным Петром Могилою, архиепископом, митрополитом Кіевским, Галицким и вся Росіи, екзархом святого Константинопольского престола, архимандритом Печерским...»*.

Князь Владимир скончался 15 июля 1015 г. в загородном дворце на Берестове, откуда тело его было перевезено в Киев и погребено в Десятинной церкви. В 1636 г. обретенную в руинах храма главу святого князя Петр Могила перенес в церковь Спаса на Берестове. Глава помещалась в стенной нише северного придела, освященного при восстановлении храма во имя св. Владимира.

На ктиторской фреске церкви Спаса Петр Могила, преклонив колени, подносит восстановленный им храм Христу Великому Архерею. По правую руку от Христа изображена молебница за ктитора храма – Богоматерь, слева стоит небесный покровитель – построивший древнюю церковь на Берестове св. князь Владимир. Они являют молитвенное предстательство за ктитора храма. От уст князя исходят слова, написанные на ленте-бандероли: *«Призри, Господи, на церковь сию, юже создах недостойный во имя Твое, и аще кто верою узрел, просвети светом лица Твоего. Да будут очи твои выну на этот храм»*.

¹ Лопухина Е.В. Креститель Руси и святитель Петр Могила в сакральном пространстве киевского храма Спаса на Берестове // Журнал Московской Патриархии, №7. 2015.

По предположению В.Г. Ченцовой, выполнившей новый перевод греческой надписи 1644 г., эти слова являются своего рода дополнением к ктиторской надписи, составленной либо самим Петром Могилой, либо кем-то из его окружения, владеющим греческим языком¹. Исследовательница полагает, что слова на ленте-бандероли дают возможность восстановить символический смысл ктиторской композиции. Надпись на бандероли обнаруживает парафраз цитаты из III Книги царств, уподобляющий восстановленную церковь Спаса библейскому храму царя Соломона: «...Аз же создах дом имени твоему свят тебе... И да призриши на молитву мою, Господи Боже Израилев, ...да будут очи твои открыты на храм сей день и ночь».

Можно предположить, что присутствующая в надписи ктиторской фрески церкви Спаса аллюзия на деяния царя Соломона, который достроил храм в Иерусалиме – то есть, «докончил недоконченное» царем Давидом, позволяла считать продолжателем дела князя Владимира, построившего, по убеждению Петра Могилы, берестовский храм, самого митрополита Петра Могилу – этот древний храм восстановившего.

В «Даре Петра Могилы» между фигурой князя Владимира и престолом художник изобразил небольшую архитектурную деталь. Завязанная соломоновым узлом двойная колонка, в основании которой – ножка, а в завершении – витиеватая резная капитель с листьями и виноградной гроздью, написана белой краской, зримо передающей цвет камня (вероятно, мрамора).

Выскажем предположение: данный архитектурный элемент символизирует возведение той церкви, которую, как верил Петр Могила, на заре православия создал Великий князь и самодержец святой Владимир. Одновременно колонка, по-видимому, должна олицетворять и подчеркивать древность храма, после веков запустения возобновленного тщанием киевского митрополита.

Следовательно, можно полагать, что в лице Владимира представлен не только святой, ходатайствующий перед Господом за своего «подопечного», но и ктитор. Итак, перед нами, фактически, два ктитора: Владимир Креститель с колонной – напоминанием о когда-то построенном им храме, и Петр Могила с моделью храма, только что восстановленного: древней княжеской церковью, обновленным берестовским Спасом. А потому, и слова на бандероли «Призри, Господи, на церковь сию...», «произносимые» устами святого Владимира, имеют,

¹ Ченцова В.Г. Греческая ктиторская надпись церкви Преображения Господня на Берестове (в печати).

по-видимому, более многозначный смысл, нежели традиционное ходатайство за донатора.

Однако тот факт, что фрагмент фрески, расположенный непосредственно над колонкой с капителью, не просматривается, поскольку его закрывает красочный слой, вероятно, более позднего времени (живопись поновлялась неоднократно вплоть до начала XX в.), наводит нас еще на одну догадку. Мраморная античная колонка могла быть подножием для скульптуры, символизировавшей тех кумиров и языческих идолов, которых Владимир, приняв христианство, ниспровергнул.

Косвенным подтверждением второй нашей гипотезы можно считать ксилографию из книги Лазаря Барановича «Трубы словес проповедных» 1674 г., где среди поверженных кумиров имеется изображение языческого идола, разбиваемого князем Владимиром на куски. Идол (уже распавшийся на две части) показан художником, словно зависшим в воздухе за миг до своего падения наземь. Гравюра, приводимая нами в качестве параллели, создавалась на 30 лет позже росписей церкви Спаса, однако, до нее существовали и другие аналогичные изображения, которые, к сожалению, не все дошли до наших дней.

Тем не менее, колонны со стоящими на них идолами можно видеть на миниатюрах афонских рукописей XIII–XV вв. из монастырей св. Пантелеймона и Эсфигмен и на новгородской иконе XV века «Три отрока в печи огненной».

Колонны же с идолами, падающими силой молитвы святого на землю, изображены в одном из житийных клейм иконы критско-венецианского живописца Эммануэля Занфурнариса «Успение св. Спиридона Тримифунтского».

Особенности идейного, а вслед за ним – художественного воплощения образов киевского митрополита Петра Могилы и святого Равноапостольного князя Владимира, безусловно, выделяют фреску лаврского Спаса на Берестове в ряду тех ктиторских изображений, которые известны историкам искусства.

Продолжение исследования этой фрески (а также других сохранившихся композиций росписи храма) позволит углубить знания об особенностях поствизантийского искусства в тот период, когда важнейшую роль во всех сферах культурной жизни играли традиционализм и преемственность.

ЕВХАРИСТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.С. УВАРОВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

А.Д. Стржалковская

В момент совершения Евхаристии хлеб и вино символизируют Тело и Кровь Христовы. Отцы Церкви немало писали об этом Таинстве. А.С. Уваров в своем исследовании описывает символы, обозначающие составные части этого обряда. Символы хлеба, виноградной лозы и кистей, чаши и др., часто встречаются в места собраний древних христиан.

Ключевые слова: христианство, символ, евхаристия, чаша, хлеб, вино.

EUCHARISTIC SYMBOLS IN THE STUDIES OF A.S. UVAROV AND THEIR MEANING

A.D. Strzhalkovskaya

At the time of the Eucharist bread and wine represent the body and blood of Christ. Fathers of the Church is not enough written about this sacrament. In his research A.S. Uvarov describes the symbols denoting the integral part of this rite. Symbols of bread, grape vines and brush, cup, etc., are often found in the synagogues of the early Christians.

Keywords: Christianity, symbol, eucharist, chalice, bread, wine.

Согласно учению древних христиан, а также и сегодня, Евхаристия есть таинство, в котором хлеб и вино представляются в истинное Тело и в истинную Кровь Христа. Православная Церковь с древнейших времен веровала, что в таинстве Евхаристии хлеб и вино непостижимым образом становятся истинными Телом и Кровью Христовыми. Затем верующие приобщаются Их для соединения со Христом в жизнь вечную. Веществом таинства являются хлеб и вино. С древнейших времен в вино добавляется также некоторое количество воды.¹

Евангелие пронизано символическими образами Таинства Причастия: «Я есть Лоза, а вы ветви, кто пребывает во Мне...» (Ио 15:1).

Евхаристия и символы, с ней связанные, являются одной из основных тем в творениях отцов и учителей Древней христианской Церкви.

Ефрем Сирийский пишет о Причастии: «Ты сподобил его священнодействовать в месте славы и преподавать Святую Кровь Твою стаду Твоему. Да испьет Ее на брачной вечери Твоей!»²

О вине и виноградной лозе как символах Крови Христа говорил Иоанн Златоуст: «При установлении таинства употреблял вино, и по воскресении, когда без таинства предлагал обыкновенную трапезу, также употреблял вино, говорит: «от плода лозаго». Виноградная же лоза производит вино, а не воду»³.

Киприан Карфагенский также упоминает вино и чашу, в наставлениях своих: «Значит, Кровь Христова есть не вода, а вино, и нельзя потому думать, что Кровь Господня, которою мы искуплены и оживотворены, находится в чаше Господней тогда, когда в ней недостает вина, потому что одно вино представляет Кровь Христову, как это можно видеть из прообразов к свидетельств всех Писаний»⁴.

Кирилл Иерусалимский учит о Хлебе как о Телe: «Сам Христос объявил о хлебе: Сие есть Тело Мое. Кто же отныне дерзнет сомневаться в этом?»⁵

Николай Кавасила в своих «Словах о жизни во Христе» утверждает: «Когда же питаемся священнейшим Хлебом и пием Божественную чашу, сообщаемся той самой Плоти и той самой Крови, которые

¹ Давыденко О. Догматическое богословие. М.: Изд-во ПСТБИ, 2013. С. 257.

² Ефрем Сирийский. Творения в 4 томах. Барнаул: Издательство прп. Максима Исповедника, 2005. Т. 2: Надгробные песнопения.

³ Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. Беседа LXXXII:2.

⁴ Киприан Карфагенский. Письмо 63.

⁵ Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. 4 поучение, гл. 1.

восприняты Спасителем, и таким образом соединяемся с Воплотившимся за нас, и Обоженным, и Умершим и Воскресшим.»¹

Важность Таинства Причастия несомненна, и поэтому его истинное значение и смысл христиане в трудные времена скрывали и обозначали символически. Эти символические изображения часто встречаются в местах собраний первых христиан.

А.С. Уваров - русский археолог, член-корреспондент, почётный член Петербургской Академии наук, один из основателей Московского археологического общества, посвятил свой труд «Христианская символика» символическим надписям и изображениям. Причиной того, что эти изображения появились у древних христиан, стало то, что древние христиане вынуждены были скрываться от гонений на них, а позднее, в IV в. - чтобы непосвященные в Церкви неверно не истолковали христианское учение. Если проследить этот вопрос по творениям церковных писателей, что в христианском учении подлежало этому правилу восемь следующих предметов: Таинство Крещения, Таинство Миропомзания, Таинство Рукоположения, Таинство Причащения, Литургию, Учение о Св. Троице, Символ Веры, Молитва Господня.²

Остановимся более подробно на символах Евхаристии, описанных А.С. Уваровым. Этими символами являются: изображения виноградной лозы, чаши, кисти винограда, хлебов, корзины и бочки.

Везде, где появляются виноградные лозы, вместе с ними представлены и сцены уборки винограда, как элементы, указывающие на символическое значение подобных стенописей. Если сцены уборки отсутствуют, то на таких изображениях даны птицы, символы души, сидят на лозах и клюют виноград; и в первом и во втором случае выражена одинаковая символическая идея о плодах Божественного учения. Из этого следует заключить, что главное значение виноградной лозы для христиан находилось в символической связи с Таинством Причащения, отчего по преимуществу любили изображать лозу вместе с уборкой винограда, или же питающей своими кистями многочисленных птиц. Эта любовь к изображениям уборки винограда отзывается и на всех остальных символах, происшедших от главного символа виноградной лозы.³

Такое же символическое значение перенесено от виноградной лозы на ее плод – виноградные кисти. Так, писатель IV века Ориентий,

¹ Николай Кавасила. Семь слов о жизни во Христе. Слово 1.

² Уваров А.С. Христианская символика. М.: Изд. УИК, СПб.: Алетейя, 2001. С. 42.

³ Там же. С. 210-211.

епископ испанский, считает за символ Христа не всю лозу, а одну только виноградную кисть.¹

На надписях, где изображена птица, которая клюёт виноград или держит кисть, вероятно, подразумевается символическое значение св. Причастия.²

Блаженный Иероним даёт более узкое значение символики виноградной кисти. Он полагает, что кисть означает Кровь Христову и кровь святых мучеников.³

Далее перейдем к следующему символу Евхаристии, описанному А.С. Уваровым – это чаша или сосуд. В церковных служебниках чашу для Евхаристии еще называют потир. Потир есть более или менее высокая и широкая чаша. В древности потир изготавливали из дерева, глины, хрусталя, мрамора, меди, серебра, золота и др. Во времена гонений, а с IV века по преимуществу, потиры делались из драгоценных металлов с изображением доброго пастыря или Спасителя, Божьей Матери и Иоанна Предтечи. Согласно христианскому учению, появление этого сосуда современно самому Христу, когда он установил и преподавал Причастие апостолам на Тайной Вечере.⁴

При уборке винограда, как это видно на многочисленных изображениях, необходимы были сосуды. В сосуды также собирали сок при выжимании кистей. При символическом значении лозы такой сосуд как потир, был необходим для Таинства Причащения. На фресках пещер св. Каллиста мы видели изображение Христа, несущего корзину с хлебами и с сосудом, наполненным красным вином. По той же причине и сосуды встречаются в двойном значении: или с вином, или с хлебами. Чтобы показать, что сосуд - не просто изображение ремесла, а имеет другое, более важное значение, его иногда помещали на колонне или на узорчатой подставке.⁵

При описании надгробной плиты Викентия упоминается, что изображенная на плите женщина прижимает к груди сосуд. Это изображение, несомненно, имеет евхаристическое значение и иконно передает слова Псалма: «И чаша твоя яко твоя упоющи мя яко державна...»⁶

¹ Там же. С. 212.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 213.

⁴ *Голосов Г.* Руководство по литургии или наука о православном богослужении. Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1886. С. 520.

⁵ *Уваров А.С.* Христианская символика. С. 213.

⁶ Там же. С. 214.

На стенописи в пещерах св. Агнии главное место на стене занимает изображение трапезы, как символа Таинства Причащения. Под ним в особом полукруглом пространстве нарисованы семь кошниц (корзин), а возле них - две вазы с одной ручкой, чтобы показывать символическую связь между семью кошницами и потирами. Еще яснее указывается на сосуд в значении Причастия на надгробной плите пещеры Гордиана. Две птицы - вероятно, символы души, стоят по сторонам сосуда, внутри которого для более ясного определения его содержания, изображена монограмма Христа. Обозначив содержание сосуда монограммой Христа, стали изображать стремление к этому сосуду: голуби или прилетают к нему, или пьют из него. Везде чаша имеет одно и то же символическое значение Причастия.¹

Иногда посредством изображения чаш показывали символическую связь между Причастием и Раем. Рядом изображали голубей, одного сидящим на сосуде - символ души принимающей Причастие², другого на дереве - как символ души в Раю³.

Символическое значение бочки связано с уборкой винограда.⁴ Изображение бочки, по сторонам ее голуби, под ней монограмма Христа, - прямое указание на внутреннее содержание бочонка, а этим может быть прояснено и символическое значение такого изображения.⁵

Встречаются изображения сосудов с хлебами, относящиеся к Причастию. Происхождение этого символа небесной пищи основано на словах Спасителя: «Аз есмь хлеб животный...» (Ин 4:48-50). Тут сразу высказывается связь хлеба с Таинством Причастия и Царством Небесным. В таком именно значении христиане помещали изображение хлеба на своих надписях. Они, по древнему обычаю, рисовали его разделенным на четыре или на шесть частей.⁶

К символу хлеба должны быть причислены пшеница и ячмень, из которых пекли хлебы.⁷ Также будет интересно заметить, что пшеничные у греков назывались - ὁ ἄρτος, а ячменные - ἡ μάζα.⁸

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 230.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Там же. С. 216.

⁶ Там же. С. 217.

⁷ Там же. С. 217.

⁸ Там же.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А.С. ЛЕБЕДЕВА (1833–1910 гг.)

С.И. Лиман (Харьков)

В работе рассматривается историография истории средневековой церкви. В центре внимания автора - исследования профессора Харьковского университета А.С. Лебедева (1833-1910 гг.). Делается вывод о том, что указанный историк был крупным медиевистом Российской империи.

Ключевые слова: церковь, средние века, Харьков, университет.

HISTORY OF MEDIEVAL CHURCH IN CREATIVITY OF PROFESSOR OF IMPERIAL KHARKOV UNIVERSITY AMPHIAN STEPANOVICH LEBEDEV (1833-1910)

S.I. Liman (Kharkiv, Ukraine)

The paper deals with the historiography of the history of the medieval church. The author focuses on the research of Professor of Kharkov University A.S. Lebedev (1833-1910). The conclusion is that the said historian was a major medievalist Russian Empire.

Keywords: church, Middle Ages, Kharkov University.

Средневековье – особая эпоха в истории Церкви как на Востоке, так и на Западе. Роль Церкви в Средние века далеко не исчерпывается феноменальными успехами христианизации ею многочисленных языческих народов¹. Миссионерская деятельность и идеологическое руководство обществом, длительная по времени монополия на образование и высоконравственные примеры достойного преодоления трудностей жизненного пути, сосредоточение огромных материальных богатств и острые конфликты с представителями высшей светской власти – эти и многие другие черты истории средневековой Церкви активно исследовались представителями дореволюционной отечественной медиевистики.

Среди этих исследователей достойное место принадлежит профессору кафедры церковной истории императорского Харьковского университета Амфиану Степановичу Лебедеву (1833-1910). В течение более чем четырёх десятилетий он оставался одним из самых попу-

¹ Ср.: *Диль Ш.* История Византийской империи / Пер. А.И. Рогинской. М., 1948. С. 33-34; *Історія Візантії. Вступ до візантиністики* / За ред. С.Б. Сорочана і Л.В. Войтовича. Львів, 2011. С. 333.

лярных университетских преподавателей даже тогда, когда мятежный дух революционного студенчества приходил в очевидное противоречие с христианскими истинами добра, смирения, всепрощения, которые содержались в его учебных дисциплинах.

К сожалению, за сто последних лет в исторической науке сделано очень мало для реального изучения его профессиональной деятельности. Современники и ученики А.С. Лебедева в мемориальной, юбилейной и мемуарной литературе излагали преимущественно основные вехи его биографии, публиковали библиографию его работ, давали общую оценку его деятельности на посту декана историко-филологического факультета, отмечали его популярность среди студентов, делились воспоминаниями о его преподавательском мастерстве¹. В последнем случае особую ценность представляют краткие, но ёмкие воспоминания академика В.П. Бузескула, который в студенческие годы слушал лекции А. С. Лебедева по истории церкви². Название и хронологические рамки некоторых лекций представлены в автобиографической заметке А.С. Лебедева в юбилейном сборнике «Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования»³.

Поскольку предметом преподавания А.С. Лебедева была история церкви, это обстоятельство по известным причинам сделало харьковского профессора почти забытым в атеистические советские времена. Исключением стали лишь юбилейные статьи и обобщающие труды по истории славяноведения, изданные в СССР в 1970-80-х гг., в которых представлены краткие, по сути, аннотационные данные о взглядах А.С. Лебедева на историю славянских церквей, главным образом, в контексте историографии гуситского движения⁴.

¹ Бузескул В.П. Амфиан Степанович Лебедев (Некролог). СПб., 1910; Бузескул В.П. Исторические этюды. СПб., 1911. С. 388-397; Профессор А.С. Лебедев (некролог) // Записки Харьковского университета. 1910. №2. С. 21-40; Редин Е.К. Профессор А.С. Лебедев // Харьковские губернские ведомости. 1910. №273.

² Бузескул В.П. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х гг. // Наукові записки науково-дослідницької кафедри історії української культури. Х., 1927. №6. С. 11.

³ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905) / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. Х., 1908. С. 298-299.

⁴ Лантвева Л.П. Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 77-78; Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 217-218; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 236.

Лишь с возрождением с конца 1980 - начала 1990-х гг. научного интереса, с одной стороны - к церковно-исторической тематике, с другой стороны - к развитию медиевистики в императорском Харьковском университете, анализ отдельных аспектов творчества А.С. Лебедева становится непременной составляющей ряда обобщающих историографических публикаций¹. В некоторых наших публикациях, в том числе, в статьях, написанных в соавторстве с проф. С.Б. Сорочаном, контекстно рассматривался вклад А.С. Лебедева, как представителя харьковской исторической школы, в изучение истории византийской Церкви².

Предлагаемая статья представляет собой попытку комплексного изучения учебных курсов и научных публикаций А.С. Лебедева, посвящённых истории зарубежной Церкви в Средние века. Такой анализ позволит показать его место и значение в отечественной медиевистике, в частности, в византистике 2-й половины XIX - начала XX вв.

Амфиан Степанович Лебедев родился 22 февраля 1833 г. в селе Карпово Богородицкого уезда Московской губернии. Его отец был священником, что во многом предопределило дальнейшую судьбу Амфиана Степановича. Он окончил Вифанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию со степенью магистра (1856). Магистерская диссертация была написана им на тему «О нравственном достоинстве гражданских законов Моисеевых» (1856).

После окончания учёбы А.С. Лебедев получил должность помощника инспектора Московской духовной семинарии (с перерывами в 1856 и 1860-1861 гг.), затем - профессора кафедры всеобщей истории в Московской (1858-1859, 1861-1869) и Херсонской (1859-1860) семинариях. В 1860 г. А.С. Лебедев снова был утверждён помощником инспектора Московской духовной семинарии, а в 1861 г. - профессором Московской духовной семинарии. В течение этого времени учёный дважды выезжал за границу: в 1860 г. в Швейцарию, где имел

¹ Митряев А.И., Голубкин Ю.А., Лиман С.И. Медиевистика в Харьковском университете // Вестник Харьковского университета. 1991. №357. С. 79-80; Лиман С.И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 - первая половина 1880-х гг.). Х., 2009. С. 128, 248, 249, 372, 506-507, 608-609; Лиман С.И., Сорочан С.Б. Лебедев Амфиан Степанович // Сходознавство і візантологія в Україні в іменах: біобібліографічний словник. К., 2011. С. 132.

² См. напр.: Лиман С.И., Сорочан С.Б. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804-1917) // Дриновський збірник. Х.; Софія, 2008. Т. 2. С. 63-64.

возможность в течение нескольких месяцев слушать богословские и философские лекции Ж. Навиля в Женевской академии, а в 1868 г. – в Австро-Венгрию и Сербию¹.

В 1869 г. начинается новый этап в научно-педагогической деятельности А.С. Лебедева. С этого времени до самой своей смерти в 1910 г. он – бессменный профессор кафедры церковной истории императорского Харьковского университета. А.С. Лебедев был одним из организаторов при этом университете в 1877 г. научного Историко-филологического общества². Признанием большого научного авторитета учёного стало присвоение ему в 1894 г. степени доктора русской истории и звания заслуженного профессора³. С 1891 по 1899 гг. А.С. Лебедев – декан историко-филологического факультета⁴.

Его избранию на эту должность предшествовали события, которые, к сожалению, стали обычным явлением в университетской корпорации того времени. Палубу факультетского корабля ошутимо раскачивало выяснение личных и групповых отношений между несколькими известными учёными, в том числе, А.С. Лебедевым, М.С. Дриновым, М.Н. Петровым, В.К. Надлером⁵. При этом поддержку М.С. Дринову оказал его друг А.С. Лебедев, а В.К. Надлеру – его учитель М.Н. Петров. Ученик В.К. Надлера и союзник М.С. Дринова В.П. Бузескул писал по этому поводу: «В 70-х и в начале 80-х гг. на нашем факультете происходили большие раздоры и борьба. Было две партии, из которых одну – не совсем точно – называли консервативной или немецкой, а другую – тоже неточно – прогрессивной или русской (Потебня, Кирпичников, Дринов, Лебедев)»⁶. Впоследствии эта факуль-

¹ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). С. 297; *Лиман С.И.* Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). С. 570; *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* С. 217.

² Приложения к отчёту о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1877 г. // *Записки Харьковского университета.* 1878. Т. 1 (1879). С. II.

³ Отчёт о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1894 г. // *Записки Харьковского университета.* 1895. Кн. 2. Часть официальная. С. 7.

⁴ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). С. 298.

⁵ Протоколы заседания Совета [Харьковского] университета 28 октября, 11 ноября, 2 декабря, 20 декабря // *Записки Харьковского университета.* 1882. Т. 4 (1884). С.122-123.

⁶ *Бузескул В.П.* Исторические этюды. С. 397.

тетская война станет одной из главных причин отъезда В.К. Надлера в Одессу. Деканство А.С. Лебедева в 1890-е годы, наконец, сплотит факультет. А дружба А.С. Лебедева с М.С. Дриновым будет настолько сильной, что впоследствии первый будет погребён в могиле второго, чей прах за год до этого будет перевезён в Болгарию.

Основной курс, который преподавал А.С. Лебедев в Харьковском университете – история церкви¹. Хронологически курс охватывал время с возникновения христианства до XIX – начала XX ст. Обычно А.С. Лебедев делил общий курс истории церкви на два больших периода – до IX в. и с IX в., соответственно². Таким образом, большая часть материала его курса охватывала средневековую эпоху. Например, в 1872/1873 учебном году как составную часть общего курса церковной истории А.С. Лебедев прочёл «Историю восточной церкви с IX в. до взятия Константинополя турками (1453)»³.

Помимо общего курса на течение нескольких лет А.С. Лебедев преподавал «Историю Византийской и славянских церквей» (1877/1878 – 1885/1886, 1887/1888 уч. г.), «Церковную историографию» (1904/1905; 1909/1910), а в 1885/1886 учебном году он провёл практические занятия («чтения византийских источников»; «разбор письменных работ») ⁴. Однако, в дальнейшем к практическим занятиям, как виду учебного процесса, А.С. Лебедев не обращался.

Как преподаватель А.С. Лебедев пользовался большим уважением среди студентов и коллег. Он получил на факультете уважитель-

¹ Обзорение преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1869-70 уч. г. X., 1869. С. 4.

² Обзорение преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1874-75 уч. г. X., 1874. С. 5; Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в императорском Харьковском университете на 1899-1900 академич. год. X., 1899. С. 14; Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1909-1910 академич. год. [X.], 1909. С. 14.

³ Обзорение преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1872-73 уч. г. X., 1872. С. 5.

⁴ Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в императорском Харьковском университете на первое полугодие 1885-1886 года. X., 1885. С. 8; Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1909-1910 академич. год. [X.], 1909. С. 14; *Лиман С.І.* Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (1880-1917 pp.): дис. ... канд. іст. наук: 07. 00. 03. X., 1993. С. 239-240.

ные прозвища «патриарх» и «Нестор, благомыслия полный»¹. «Лекции его отличались особым стилем: метким, выразительным, колоритным языком, - указывал в своих воспоминаниях В.П. Бузескул. – А.С. Лебедев любил приводить цитаты из источников, из архивных документов, говорить их словами... С годами интерес слушателей к лекциям А.С. Лебедева не уменьшался, а, наоборот, возрастал»². Другой ученик А.С. Лебедева А.Ф. Селиванов в своих воспоминаниях отмечал: «Меня более всего поразили дружеские отношения, существовавшие между профессорами и студентами... Когда нам нужно было, мы ходили к профессорам и встречали у них самое радушное гостеприимство». Среди тех профессоров, о гостеприимстве которых А.Ф. Селиванов упоминал «с особой признательностью», был и А.С. Лебедев³.

Его учебные курсы и некоторые научные труды представляют определённую ценность для медиевистики. В своей статье «История церкви как предмет университетского преподавания» А.С. Лебедев назвал религию «существенным элементом» человеческой жизни, который «никогда не оставался изолированным»⁴. «Есть эпохи, – указывал он, – которые решительно нельзя понимать без широкого знакомства с религиозным движением тех времён. Таковы Средние века с религиозным характером их искусств, различных учреждений, самой науки...»⁵.

Эти концептуальные выводы в полной мере отразились на содержании его учебных курсов и научных публикаций. А.С. Лебедев в своём творчестве придерживался строго научного исторического метода исследования. «Христианство, несмотря на его божественное происхождение, ни в коем случае нельзя выделять из ряда явлений исторических, – доказывал учёный. – Христианство не есть факт, насильственно вторгшийся в историческую жизнь человечества; напротив – оно есть факт, совершенно обусловленный течением этой

¹ Бузескул В.П. Исторические этюды. С. 388.

² Бузескул В.П. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х гг. С. 11.

³ Из воспоминаний о Харьковском университете за время с 1881 (август) по июнь 1885 г. постороннего слушателя Александра Феодоровича Селиванова / Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Д. 1650/с. Л. 1-2.

⁴ Лебедев А. История церкви как предмет университетского преподавания // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 782.

⁵ Там же. С. 783.

жизни и находивший для себя корни во всём предшествовавшем развитии человечества»¹.

Вопрос о значении христианства в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья А.С. Лебедев увязывал с вопросом о способах его распространения. Профессор церковной истории откровенно указывал на факты разрушений христианами языческих храмов, на человеческие жертвы среди языческого населения, враждебного христианам, а также на то, что многих язычников угрозами заставляли принимать христианство»². Такие меры, по мнению А.С. Лебедева, приводили к тому, что среди христиан появилось множество недостойных людей, поскольку «нравственная зараза, проникшая в христианство, была принесена туда язычниками»³. В связи с этим, в монастыре учёный усматривал «реакцию означенной распушенности нравов в христианском обществе», которое, однако, «в этом противодействии вдалося в крайности, а иногда даже и в прямые заблуждения»⁴.

Одним из ключевых вопросов в отечественной церковно-исторической науке был вопрос о времени и причинах реального раскола в средневековой христианской вселенской церкви. При этом самому А.С. Лебедеву была близка идея единства церкви. Не чувствуется в его высказываниях и ярко выраженного воинствующего антикатолицизма. Так, например, возвышение римских пап и их авторитет не только на Западе, но и на Востоке в эпоху раннего Средневековья он считал объективным процессом⁵.

Рассматривая причины разделения западной и восточной (византийской) церквей, А.С. Лебедев стремился показать их внутренние отличия друг от друга. Если западная, по мнению учёного, представляла собой в иерархическом плане монархию, то восточная изображалась им как «федерация поместных церквей». Другим существенным отличием А.С. Лебедев считал их отношение к светской власти. Если на Западе первосвященники в течение веков диктовали законным монархам свою волю, то на Востоке «государи постоянно вмешивались в дела церкви, при этом иногда с нарушением церковных интересов»⁶. Этот вывод целиком объясняет, почему главное отличие богомильского движения от павликианства харьковский учёный видел не

¹ *Лебедев А.С.* Церковная история. X., 1902. Ч. 1. С. 1.

² Там же. Ч. 2. С. 314, 100-112.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же. С. 551.

⁶ Там же. Ч. 3. С. 228.

столько в вопросах догматического характера, сколько в более резком отрицании первыми государственным строем¹.

Было бы напрасным занятием искать в лекциях А.С. Лебедева острую антизападную официозность. Обычно он повествовал об иноверцах с поразительной объективностью. Даже споры Фотия с римскими папами он считал «личными взаимно-анафемствованиями патриархов, не простиравшиеся на сами церкви, которые в течение 150 лет после Фотия всё ещё хранили между собой единение, хотя и при натянутых отношениях»². Что же касается последствий захвата турками Константинополя, то А.С. Лебедев указывал на то, что «Константинопольскому патриарху Магомет II предоставил такие права, каких он не имел даже и при византийских императорах»³. Более того, учёный даже критиковал отдельные элементы иерархической структуры византийской церкви, например, утверждал, что восточное монашество «не представляло идеального совершенства»⁴. А при характеристике византийско-болгарских церковных отношений А.С. Лебедев, в духе своего коллеги и близкого друга М.С. Дринова, называл эти отношения «греческим гнётом».

В то же время, оставаясь ярким представителем российской церковно-исторической школы, А.С. Лебедев стремился пресекать любые попытки своих коллег-соотечественников выйти за рамки существующих научных представлений о западной Церкви и характере деятельности её выдающихся представителей. Так, решительные возражения А.С. Лебедева вызвали утверждения известного отечественного медиевиста А.С. Вязигина, автора монографии «Очерки из истории папства в XI в.», о том, что, осуществляя свою программу преобразования католической церкви Гильдебранд (Григорий VII) и его сторонники стремились к восстановлению порядков древней церкви. «Утверждая главенство пап, - указывал А.С. Лебедев, - вводя обязательное безбрачие духовенства, преобразователи стремились не к восстановлению порядков древней церкви, а, напротив, к закреплению

¹ См.: *Лиман С.И.* История болгарской церкви в творчестве А.С. Лебедева // Болгаристика в системе общественных наук : тез. докл. и сообщ. Второй все-союз. конф. по болгаристике, 5-7 февр. 1991 г. X., 1991. С. 53-54.

² *Лебедев А.С.* Церковная история. Ч. 2. С. 31.

³ Там же. Ч. 3. С. 293.

⁴ Там же. С. 231.

церковного строя, не имевшего для себя никакой опоры в пределах и порядках первобытной церкви»¹.

В своих лекциях и публикациях А.С. Лебедев убедительно раскрыл эволюцию самой папской власти. В эпоху развитого Средневековья папство не только притязало на светскую власть, но и, по существу, поглотило собой церковь². В связи с этим, падение папства, по мнению учёного, было предопределено не только личными качествами наместников апостольского престола, но и объективным процессом, в первую очередь, «сознанием независимости светской власти от духовной»³. Этот объективный процесс подготовил и немецкую Реформацию XVI в.

А.С. Лебедев полностью признавал её закономерность, поскольку необходимость исправления «крайних пределов» «повреждения западной церкви», была осознана многими ещё в предшествующий период⁴. Однако признание закономерности Реформации, как результата «недовольства римской церковью» и «стремления к её преобразованию», не означало признания догматической близости протестантской церкви к православной. В одной из своих публикаций А.С. Лебедев привёл убедительные доказательства острой критики лютеранства в русских полемических сочинениях XVII в., где немецкие лютеране названы «псами окаянными»⁵.

Наиболее острую критику католицизма А.С. Лебедев позволил себе в своих обращениях к сущности гуситского движения. В его статье «Несколько слов о религиозном положении в Чехии» (1869) содержался краткий обзор истории христианства в чешских землях и учения Яна Гуса⁶. Преимущественно славянофильские подходы к ис-

¹ *Лебедев А.С.* Учёное увлечение папством. [Рец.] // *Русский вестник*. 1899. №2. С. 661 (*Вязигин А.С.* Очерки из истории папства в XI в. Гильдебранд и папство до смерти Генриха III. СПб., 1898).

² *Лебедев А.С.* Церковная история. Ч. 3. С. 84.

³ Там же. С. 110.

⁴ *Лебедев А.С.* Благодеяние Иисуса Христа Распятого христианам. Сочинение XVI века. Материал для истории Реформации // *Христианское чтение*. 1871. Ч. 1. С. 135–136.

⁵ *Лебедев А.С.* Новооткрытое полемическое сочинение против лютеран XVII в. // *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*. 1884. Кн. 3. С. III.

⁶ В отличие от этой статьи, в публикации «Замечательные иностранные сочинения по истории славянства и его церковной жизни» (1869) А.С. Лебедев ограничился лишь пересказом содержания новых трудов, в том числе, работы К. Гефлера «История гусизма», в которой тот осудил гуситское движение (См.: *Лебедев А.С.* Замечательные иностранные сочинения по истории славянства и его церковной жизни. М., 1869. С. 6-14).

тории гусизма в российской историографии делали понятными и высказывания по этому вопросу самого А.С. Лебедева. Поскольку «христианская вера в Чехии ведёт своё начало от св. Мефодия», чешский народ, как полагал учёный, несмотря на религиозные преследования немецкого католического духовенства «хранил память о своём первоначальном вероисповедании»¹. Это мнение разделяли многие представители отечественного славяноведения². «В лице Гуса, – далее подчёркивал А.С. Лебедев, – он (чешский народ – *С.Л.*) заявляет энергичный протест, который ... носит на себе ясные следы влияния начал восточного православия»³. Эта классическая славянофильская трактовка подготавливала читателя к последующим выводам автора, который рассматривал религиозно-политическую борьбу чехов от начала гусизма до современности и видел в этой борьбе отражение сочувствия Православию⁴.

Православие было и оставалось главным объектом научных обращений А.С. Лебедева на протяжении всего его творчества. Он приветствовал весьма уважительные по своему содержанию описания греческого монашества западноевропейскими авторами XVII в.⁵, искал истоки современного ему религиозно-бытового сербского обычая побратимства и посестринства в той постоянной борьбе с турками, которую православные сербы должны были вести со времени установления иноверного ига⁶. А в рецензии на «Очерки церковной истории» И.Г. Куртца, А.С. Лебедев назвал наиболее сильной стороной рецензируемого труда то, что И.Г. Куртц «...более других западных историков обращает внимание на восточную церковь, и взгляды его отличаются большой умеренностью»⁷.

¹ *Лебедев А.С.* Несколько слов о религиозном положении Чехии // Православное обозрение. 1869. Первое полугодие (май). С. 250.

² См. напр.: *Иванцов-Платонов А.* Очерк истории христианства у славянских народов // Православное обозрение. 1869. Первое полугодие. С. 664.

³ *Лебедев А.С.* Несколько слов о религиозном положении Чехии. С. 250.

⁴ Там же. С. 256.

⁵ *Лебедев А.С.* О состоянии греческого монашества вообще и афонского в особенности в XVII в. По свидетельству иноземных писателей // Христианское чтение. 1870. Ч. 2. С. 965 и др.

⁶ *Лебедев А.С.* Черты народно-религиозного быта сербов // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1871. №10. С. 18.

⁷ *Лебедев А.С.* [Рец.] // Православное обозрение. 1869. №8. С. 192 (*Куртц И.Г.* Очерк церковной истории. СПб., 1868; *Михайловский В.* Очерк истории христианских церквей. СПб., 1868. Ч. 1).

По справедливому мнению В.П. Бузескула, «А.С. Лебедев был отчасти византинистом» и всегда интересовался византийской историей¹. К примеру, сложнейшей проблеме – проблеме влияния на богословие поздней Византии доктрин древнегреческих философов – посвящена его статья «К истории просвещения в Византии: Спор о Платоне и Аристотеле в XV в.» (1875).

Из всех философов древности именно Платон и Аристотель, как верно указывал харьковский исследователь, в наибольшей степени определяли данное влияние. «Если в творении учёных мужей христианства, – указывал А.С. Лебедев, – различать *материальную* сторону его, т.е. самое содержание учения, и *формальную*, т.е. изложение, систематизацию учения, то на первую имел влияние более Платон, – и это влияние особенно заметно в первые века христианства». Лишь с VI в., когда «главные догматические вопросы были уже достаточно обсуждены, и стала чувствоваться необходимость привести догматический материал в систему, начинает усиливаться значение Аристотеля»². При этом А.С. Лебедев признавал, что в греческом богословии господство идей Аристотеля в целом менее заметно, чем в латинском.

Среди тех византийских церковных деятелей, которые особенно активно защищали идеи Аристотеля, харьковский историк называл, прежде всего, Константинопольского патриарха Геннадия (Георгия) Схолария, Феодора Газу и Георгия Критского (Трапезундского). А.С. Лебедев представил краткий, но ёмкий анализ их сочинений, который должен был документально подтвердить вышеизложенную мысль. Однако харьковский учёный, по сути, оставил без внимания изложение заключительного, итогового звена своей логической цепочки, а именно: если влияние Аристотеля традиционно обнаруживалось отчётливее у богословов западной, а не Византийской церкви, не являлось ли это обнаружившееся у византийских церковных деятелей XV в. стремление к «защите» Аристотеля следствием агонии Византийской империи и навязываемой ей Западом церковной унии?

Таким образом, своими публикациями и лекциями по церковной истории Амфиан Степанович Лебедев внёс определённый вклад в историю харьковской медиевистики вообще и харьковской церковно-исторической школы, в частности. Этот вывод не может быть оспорен даже в силу того, что основная масса опубликованных работ А.С. Лебедева посвящена истории отечественной, а не зарубежной церкви, а

¹ Бузескул В.П. Исторические этюды. С. 391.

² Лебедев А.С. К истории просвещения в Византии: Спор о Платоне и Аристотеле в XV в. // Православное обозрение. 1875. №8. С. 580.

сам он имел степень доктора русской истории. Сама специфика предмета церковной истории предопределила то, что обращения А.С. Лебедева в лекциях и научных публикациях характеризуются широким географическим охватом: византийское, славянское, западноевропейское Средневековье. Несмотря на отдельные славянофильские трактовки (прежде всего, в обращениях к истории гуситского движения), для творчества и курса лекций А.С. Лебедева характерны объективность и историчность научных подходов, признание закономерности ключевых событий в истории христианской церкви (возникновения и распространения христианства, появления ересей, возвышения папства, его борьбы со светской властью на Западе и константинопольской патриархией на Востоке, зарождения и успеха Реформации). Отдельные группы работ А.С. Лебедева составляют источниковедческие и историографические публикации, которые дополняли или корректировали научные представления о характере деятельности папы Григория VII, содержании историко-богословской мысли Византии XV в. и полемических сочинений XVII в. против лютеран.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ФОТОМАТЕРИАЛОВ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА КАЗИМИРОВЫХ О СЕМЬЕ И УСАДЬБЕ ГРЕВСОВ

Т.Н. Прокопенко, С.Н. Прокопенко

В исследовании на основе сопоставления данных об усадебном доме Гревсов и его семье, полученных из письменных источников с фотоматериалами из архива Казимировых устанавливается достоверность последних.

Ключевые слова: И.М. Гревс, Лутовиново, усадьба, дом, семья.

THE QUESTION OF DETERMINING THE AUTHENTICITY OF PHOTOGRAPHS FROM THE PERSONAL ARCHIVE KAZIMIROVICH ABOUT THE FAMILY AND THE ESTATE OF GREVES

T.N. Prokopenko, S.N. Prokopenko

The study based on the mapping data about the manor house of Greves and his family received from written sources with photographs from the archives of Kazimirov set reliability.

Keywords: I.M. Graves, Lutovinovo, the estate, house, family.

Иван Михайлович Гревс – фигура, хорошо известная в истории отечественной науки, великий русский историк рубежа XIX-XX вв., добившийся успехов в медиевистике, краеведении, филологии, педагогике и других гуманитарных науках. Биография ученого изучена хорошо, но стоит отметить, что во всех исследованиях, в которых ставилась цель - рассмотрение жизненного пути и творческого наследия И.М. Гревса, - первому этапу его жизни, детству и семейным связям уделялось мало внимания¹. В русле этой проблематики неизученным остается влияние совокупного понятия «малой родины» (место рождения, взросления, родных, социального и культурного окружения региона) на мировоззрение и творчество ученого.

Изучая автобиографическое наследие ученого, мы можем сделать вывод, что начальный период жизни Ивана Михайловича был наделен особым смыслом и значимостью. Ученый сам утверждал, что базис его личности был заложен в слободе Лутовиново.

Иван Михайлович Гревс родился в с. Лутовиново Бирюченского уезда Воронежской губернии (теперь это Волоконовский р-н Белгородской обл.) в имении отца - Михаила Михайловича Гревса. Его мать и отец происходили из дворянских семей Харьковской губернии. Предки Михаила Михайловича, отца Ивана Михайловича, по отцовской линии, были английского или шотландского происхождения. Будучи военными, они переселились в Россию еще в петровскую эпоху.

Михаил Михайлович Гревс и Анна Ивановна Бекарюкова обвенчались в 1858 г. в Харькове², и в качестве приданого Анна Ивановна получила сл. Лутовиново с 1000 крепостных душ.

М.М. Гревс был человеком очень грамотным и начитанным. Отец после смерти в 1894 г. был похоронен в склепе под часовней-памятником рядом с Покровской церковью с. Лутовиново. Мать И.М. Гревса, Анна Ивановна, урожденная Бекарюкова, происходила из се-

¹ Некоторые сведения о родных и близких И.М. Гревса мы можем почерпнуть из нижеследующих работ: *Вахромеева О.Б.* Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса / Авт. сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.; *Акинъшин А.Н.* Воронежские дворяне Гревсы и Бекарюковы // Общество и власть в России: проблемы взаимодействия. XV – нач. XX в. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2011. С. 134-140; *Прокопенко С.Н., Рябцева М.Л.* Иван Михайлович Гревс и Белгородчина. Белгород: ООО «ГиК», 2012. 77 с. и др.

² ГАВО. Ф. И29. Оп.126. Д.91. Л.29-30.

мы богатейших дворян Волчанского уезда Харьковской губернии. Умершая в 1899 г. мать И.М. Гревса была похоронена рядом с мужем¹.

Иван Михайлович был старшим сыном в семье. Родившийся до него брат Михаил, умер в раннем младенчестве. Затем был брат, Дмитрий, на полтора года моложе, и сестра Елизавета, на четыре года моложе И.М. Гревса. Самый младший в семье Сергей не прожил и нескольких дней и был погребен в семейном склепе под часовней у церкви. К сожалению, никаких следов от часовни-усыпальницы в Лутовиново не сохранилось, равно как и от самого имения.

Имение перешло по наследству брату Ивана Михайловича Дмитрию Михайловичу Гревсу. Он служил земским начальником в одном из участков Бирюченского уезда. У него было две дочери. После событий 1917 г. он покинул родовое имение.

Сестра Елизавета Михайловна Гревс, которая кроме детских лет *«... приблизительно с 1885 года круглыми годами жила в Лутовиново – работала в крестьянской школе. Смерть матери была для нее жестоким ударом. Но и после она продолжала работать в школе с крестьянскими детьми; трудилась во время голода; воспитывала двух племянниц – дочерей брата Дмитрия. Из деревни уехала в 1911 г.»*². Последние годы она жила в Петрограде, работала в коммерческом училище.

До смерти родителей Иван Михайлович Гревс и его родовое имение были связаны самым тесным образом. Первые 12 лет его жизни, которые он практически безвыездно провел в Лутовиново, ученый назвал «золотым десятилетием» (1860-1872 гг.). Обучаясь в гимназии в Санкт-Петербурге, в имении он проводил каждое лето.

После смерти родителей Иван Михайлович все реже приезжает в имение, которым управляет теперь его брат Дмитрий. Иван Михайлович по этому поводу напишет в своем письме жене: *«... то, что начинает бушевать ныне под пустынно тихой поверхностью русской деревни, одетой покровом надвигающегося голода, так резко противоположно тому старопатриархальному укладу, в который я здесь вырос, что предчувствие этого грозного нового тяжелого тревожит душу. Рядом с этим щемит сердце тоска по маме, которой нет, по Лизе, которая глубоко несчастна, по Мите, который так чужд и далек всему, что особенно важно и ценно мне»*³.

¹ ГАВО. Ф. И29. Оп.124. Д.181. Л.37.

² Гревс И.М. Биографические сведения о Елизавете Михайловне Гревс // Вахромеева О.Б. Человек с открытым сердцем... С. 293.

³ Гревс И.М. Письмо Гревсам (Лутовиново, 26-27 сентября 1905 года) // Вахромеева О.Б. Человек с открытым сердцем... С. 279.

В автобиографическом сочинении «Пережитое. Детство» И.М. Гревс так передал свои впечатления от нахождения в Лутовиново на празднике Пасхи в 1912 г.: «... нет матери, нет сестры – первая в могиле, вторая мучается в больнице, одна среди чужих; вместо добродушной и близкой фигуры отца около свечной стойки церковным старостой стоит брат, ставший далеким; и люди крестьяне тоже другие, мне не знакомые (старые умерли, созревших я уже не узнаю), и в душах их выросло что-то новое, враждебное, и сам я стал другой – не знаю, больше закалившийся или потрепанный...»¹.

Итак, центром сосредоточения жизни в слободе Лутовиново являлось дворянское имение, в котором и довелось вырасти Ивану Михайловичу Гревсу: «...домом с обширным тенистым садом, спускающимся к речке-ручью поднимающимся опять на противоположной стороне...»². Описанию дома и сада отведено обширное место в автобиографическом сочинении Ивана Михайловича. Можно отметить, что имение в структурном и в содержательном плане сооружено в русле традиции обустройства дворянских усадеб среднерусской полосы «николаевского» периода.

К сожалению, от усадебного дома Гревсов в Лутовиново ничего не осталось, он вместе с церковью был разобран в начале 1930-х гг. для строительства школы². Архивные поиски документов, которые могли бы визуальнo представить жилой дом усадьбы Гревсов, не увенчались успехом. Таким образом, наши знания о доме в котором Иван Михайлович Гревс провел свое «золотое десятилетие», ограничивались, хотя и подробными, но словесными описаниями ученого.

Но в результате нашего регулярного мониторинга сети Интернет на предмет материалов, связанных с И.М. Гревсом, пришел долгожданный результат. Мы обнаружили небольшой фотоархив, посвященный семье Рерихов, в котором содержались фотографии, заинтересовавшие нас в контексте темы. Была установлена связь с владельцем архива Виталием Константиновичем Рерихом, который любезно разрешил исследовать некоторые фотоматериалы. За это мы выражаем благодарность ему и потомкам рода Казимировых, данные фотографии из личного архива которых и были размещены на ресурсе photos.google.com³.

¹ Гревс И.М. Детство (1860-1872) // Вахромеева О.Б. Человек с открытым сердцем... С. 55.

² По воспоминаниям уроженца с. Лутовиново Анатолия Сергеевича Щebetенко (1927 г.р.).

³ Фотографии сделаны в период с 1900 по 1906 гг. в слободе Лутовиново. Выражаем благодарность С.Н. Прокопенко, В.К. Рериху и потомкам Казимири-

Стоит отметить, что данные фотографии впервые используются в научных целях. Они не были опубликованы ни в одном научном издании. Публикация материалов на личном ресурсе В.К. Рериха не сопровождалась подробной интерпретацией фотоизображений. В подписях к фотографиям было указано время, когда был сделан снимок, иногда дата отсутствовала.

Место съемки на фотографиях указано общее - «Лутовиново». Иногда указано наименование запечатленного события (праздника).

Больше никаких комментариев, пояснений, предположений владельцем электронного ресурса высказано не было.

Главной задачей нашего исследования стало сопоставление данных об усадебном доме Гревсов, полученных из письменных источников, со вновь полученными фотоматериалами.

Иван Михайлович Гревс оставил очень подробное описание дома: *«Он был очень удобный, большой и уютный, наш лутовиновский дом. В нем нет монументальности колонн, фронтонов, величественных лестниц и торжественных, парадных подъездов. Он построен уже после александровской эпохи, может быть лет двадцать пять — тридцать до моего рождения. Стиля в нем настоящего нет, но есть «домовитость» и приветливость. Он деревянный, сложен из мощных бревен, обложенных кирпичом, так и оставленных в красном без штукатурки [см. фото 1]. Над ним зеленая крыша и черная труба. Со стороны двора он одноэтажный, со стороны сада — двухэтажный с открытым балконом наверху и высокой лестницей, спускающейся к дверям пролётами в сад [см. фото 2]. В нижнем этаже расположены кухня, прачечная, кладовая, погреб и некоторые помещения для служащих. Наверху было жительство нашей семьи. Высокие, большие комнаты, хорошо освещённые, без роскоши и вычурности, солидно обставленные. Замечательна <была> светлая, обширная зала с окнами на восток — во двор и на север — в сад. Она же служила столовой, местом подвижных пар и в ней часто все сидели [см. фото 3-5]. Гостиная рядом — несколько темноватая и в большие морозы холодноватая, но в камине приятно горела и согревала огромная глыба каменного угля. Мама любила проводить в ней конец вечеров после чая. Длинный широкий коридор соединял остальные комнаты — спальню мамы с*

вых за предоставленные фотографии. Рерих В.К. Из личного архива Казимировых [Эл. документ] // Фотоальбом GoogleФото. Режим доступа: <https://photos.google.com/share/AF1QipMh8pd0XRj8eAqkcNuDgZKieCGIkg4xUPUqRIF0ucdowF0J4Z1iV2TeGbsi3fB-bw?key=eVhpSFRGavdDeWszS2x0RlhSQWNzb005MWYxUjFn> Дата доступа: 07.11.2016 г.

сестрой и нашу — классную и спальную мальчиков (на север); а по южной стороне находился кабинет отца замечательно светлый, солнечный и теплый: всегда отчасти носивший приятный запах табака, отчасти кожи. В дни особенной стужи мы перекочевывали часто туда... Рядом с отцовским кабинетом располагалась ещё одна, тоже очень милая, солнечная комната, где в старые годы располагалась спальня родителей (и, говорят, я в ней родился), впоследствии представлявшая приглашавшимся для нашего просвещения учителям. Наконец, за коридором расположена была огромная «девичья», а за ней находились три небольшие комнаты - «чайная» (с печкой лежанкой) посередине и по бокам ее — комнаты нашей старой няни и иностранных гувернанток. Всего в доме было 12 комнат, по рассказам, прежде над домом еще высился мезонин с четырьмя комнатами на две стороны. В него вела лестница из коридора. Только потом его сняли, так как все тепло зимой из основных этажей уходило туда. Мы — дети, очень жалели о его исчезновении»¹.

В личном архиве Ивана Михайловича сохранилось письмо Н.Д. Бекарюковой (двоюродной сестры И.М. Гревса); в нем содержится следующее описание дома: *«...без огражденного двора, кирпичный двухэтажный дом; со стороны сада он много выше, чем по фасаду между своими двумя подъездами симметрично по углам... Отправляемся на балкон с широкой террасой, спускающейся в цветники. Дом высоко над самим садом...»².*

Исходя из всего вышеописанного, мы можем сделать вывод, что данные, полученные из анализа фотоматериалов, в полной мере согласуются с описанием дома родителей Ивана Михайловича Гревса.

Можно с уверенностью констатировать, что усадебный дом Гревсов был большим и просторным, но особой архитектурной ценности не представлял. Значение утраты данного объекта лежит в плоскости культурно-исторической значимости.

¹ Цит. по: *Гревс И.М. Детство (1860-1872) // Вахромеева О.Б. Человек с открытым сердцем... С. 17.*

² *Бекарюкова Н.Д. Письмо И.М. Гревсу (Харьков, 1926 г.) // Вахромеева О.Б. Человек с открытым сердцем... С. 143.*

Фото 1. Усадебный дом Гревсов. Вид со стороны двора (1900-1906?).

Фото 2. Усадебный дом Гревсов. Вид со стороны сада. (1900-1906?)

Фото 3. Усадебный дом Гревсов. Столовая. 1903 г.

Фото 4. Усадебный дом Гревсов. Столовая. 1903 г.

Фото 5. Усадебный дом Гревсов. Столовая. 1903 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕЙ

Н.И. Быстрицкий (Москва)

В статье рассматриваются вопросы использования методов исследования сетей и отмечаются открывающиеся современные возможности их более широкого эффективного применения для всестороннего изучения исторических явлений.

Ключевые слова: исторические сети, исторические сетевые исследования, анализ социальных сетей.

HISTORICAL NETWORK ANALYSIS

Nikolay Bystritskiy (Moscow)

The paper considers the usage of network science methods and highlights modern possibilities for their broader effective application for a comprehensive study of historical situations.

Key words: historical networks, historical network analysis, network science, social network analysis.

В последнее время методы исследования сетей приобрели значительную популярность среди исследователей в различных областях знания. Они решают задачи изучения механизмов формирования и функционирования разнообразных сложных связей и структур, наблюдаемых в природе и различных областях человеческой деятельности, таких как: компьютерные и инженерные сети, биологические и социальные, семантические и контекстуальные, торговые и финансовые связи. Исследование сетей (network science) – современная междисциплинарная научная дисциплина, сформировавшаяся на основе достижений математической теории графов и компьютерных технологий. В контексте исторических исследований актуальным направлением стали исследования сетей, рассматривающие связи и отношения социальных объектов, именуемые «анализ социальных сетей».

В научном понимании **социальная сеть** – модель социальных явлений, отражающая совокупность социальных объектов, представленных в виде набора узлов, и социальных взаимоотношений – связей между ними. Значимость анализа социальных сетей следует из важной социологической предпосылки о том, что общество в основном обусловлено характерами отношений между ее членами, т.е. параметрами составляющих социальной сети. Методология анализа социальных сетей (англ. Social network analysis, SNA) предполагает привнесение комплекса инструментов исследования сетей в область анализа социальных явлений. Исследование сетей предоставляет здесь новый набор объяснительных моделей и аналитических инструментальных средств, которые находятся вне рамок обычных количественных методов, при этом в данной области накоплен богатый математический аппарат, позволяющий строить весьма сложные модели социальных взаимодействий, описывающие практически любые социальные системы. В этом смысле, социальная сеть – достаточно новое понятие, которое сегодня используется при изучении таких различных социальных явлений, как

организационное поведение и межорганизационные отношения, распространение инфекционных заболеваний, взаимная поддержка индивидов и домохозяйств, распространение информации, политические, культурные и научные связи и т.д.

В результате, социальную сеть, рассмотренную в определенном историческом контексте, можно назвать **исторической сетью**. Историческое исследование сетей – методология изучения социальных исторических явлений при помощи методов исследования сетей.

Социальную (историческую) сеть можно описать следующими характерными утверждениями:

1. В общем случае сеть представляет собой набор объектов и связей определенного вида между ними. Набор объектов и вид связей выбираются в зависимости от задач, поставленных исследователем.

2. Расположение объектов соответствуют узлам сети и изображается точками (как вершины в графе). Узлы социальной сети принято называть **актерами**¹.

3. Характеристики актора в сетевой терминологии именуется **атрибутами**.

4. Совокупность всех наличествующих связей между актерами образует **сетевую структуру**.

5. Связи имеют собственные характеристики, которые могут отражать направленность, важность, длительность, протяженность, интенсивность, наполненность связи.

6. Некоторые акторы могут быть связаны друг с другом сильнее, чем с другими. При переходе на более высокий уровень анализа такие «сгущения», именуемые **кластерами**, можно представить одним узлом.

7. Кластер, все акторы которого соединены между собой, называют **кликкой**.

8. Наличествующие все возможные связи между всеми актерами сети образуют так называемую **полную сеть**.

В большинстве случаев в анализе социальных сетей в качестве акторов выступают конкретные люди. Тем не менее, кроме индивиду-

¹ В социологической литературе нередко в качестве актора фигурируют и иные понятия, используемые исследователями в зависимости от их проблематики: индивидум может рассматриваться как «агент», если изучается социальное действие, и как «партнер», если это социальное взаимодействие. В рамках анализа социальной группы, он будет выглядеть как «член группы»; а при рассмотрении экономического взаимодействия, коллективного поведения или социального перемещения, часто используется слово «участник»; при исследовании организационной структуры применяют понятие «позиция», и т.п.

умов, могут приниматься и различные социальные объекты: семьи, домохозяйства, группы, организации, государства, города; их структурные компоненты: подразделения, отделы, должностные позиции, роли; их производные: документы, книги, статьи в журналах, веб-страницы, компьютеры пользователей, произведения труда и творчества, артефакты и пр. Сети можно строить, включая в них однотипные или различные типы акторов. Сети, образованные только одним типом акторов именуют одномодальными, двумя – двумодальными, а несколькими – многомодальными.

Ясно, что между акторами могут существовать связи различного вида, которые характеризуют контекст разнообразных взаимосвязей между ними:

- Родственные связи (дети-родители, брат-сестра).
- Отношения (симпатия, дружба, уважение).
- Межличностное взаимодействие (разговоры, беседы, обмен письмами и сообщениями, обед с, встреча с).
- Совместная деятельность и общая принадлежность (совместное посещение концерта, членство в клубе/секции).
- Связи сходности (одинаковый цвет волос, одна марка парфюма, тот же любимый актер).
- Когнитивные связи (знаю, ознакомлен, похоже на).
- Формальные связи (должности, полномочия).
- Социальная мобильность (смена положения в обществе, статуса).
- Перемещение в пространстве (миграция, подвижность).
- Транспортные (дороги, реки, маршруты).
- Перераспределение (поток) ресурсов (безвозмездная передача, дарение, покупка, аренда, финансовые и деловые операции).

Несомненно, на основе одной и той же совокупности акторов можно построить различные конфигурации сетей, составляя их из связей разного вида. Сети, составленные на основе одного вида связей, предлагается называть одноконтекстными, двух – двухконтекстными, и более – мультиконтекстными сетями.

Поскольку, в реальности, количество акторов и связей между ними может быть достаточно велико, исследователь имеет шанс столкнуться с задачей установления границ сети и определения релевантных (значимых) подгрупп акторов. В целом, сетевые структуры могут анализироваться на уровне центральных акторов, уровне диад и триад, уровне подгрупп с повышенной сетевой плотностью (кластеров) и общесетевом уровне.

Исследование сети включает несколько последовательных этапов. Первым этапом является поиск надежных способов получения и структурирования исходных данных исследования. Первичные исходные данные получают из обзоров и опросов, данных архивных и археологических изысканий, статистических обзоров, отчетов и дневников, справочников и электронных баз данных. Основной проблемой, стоящей перед исследователем на этом этапе, является адекватное выявление структурных компонент из первичной информации источников и преобразование их в акторы и связи. Далее следует идентификация атрибутов и характеристик связей и перевод их к количественным показателям. Этот этап, в конечном итоге, собственно и приводит к построению сети, а от качества его исполнения напрямую зависит правильность полученных результатов.

Второй этап включает выбор исследователем показателей и методов расчета индикаторов, характеризующих сетевые свойства, и собственно сами их вычисления. Здесь применяются математический аппарат анализа сетей в комбинации с другими математическими и алгоритмическими методами¹.

Заключительный этап – анализ и интерпретация полученных значений индикаторов с точки зрения задач исследования. Наиболее важными параметрами, с точки зрения изучения как отдельных акторов, так и сети в целом, являются структура и характеристики связей между акторами, задающие расположение отдельных акторов в сети.

Исследования сетей начинают находить свое широкое применение в исторической науке, археологии, генеалогии, нумизматике, сигиллографии, лингвистике и пр.

Классическим уже считается сетевое исследование американского социолога Джона Паджетта, который изучал связи влиятельных флорентийских семей первой половины XV века². На основе анализа источников он сформировал одномодальную двуконтекстную сеть из 16 наиболее важных семей в качестве акторов, т.к. семьи являлись важным экономическим и политическим элементом Флорентийской республики. В исследовании рассматривались три атрибута актора: чистое состояние семьи на 1427 год; число мест приоров в городском совете с 1182 по 1434 год; и общее число существующих деловых и брачных отношений. Исследуемые связи представляли собой брачные

¹ Подробнее см. Глава 4. «Современные подходы к измерению сетевых данных» в книге *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие. М., 2004.

² *Padgett J., Ansell C.* Robust action and the rise of the Medici, 1400-1434 // *American Journal of Sociology*, 1993, Vol. 98(6). P. 1259-1319.

и деловые отношения между семьями, которые использовались ими для закрепления политических и экономических альянсов. Глава семьи Медичи – Козимо Старый (1389-1464) - нашел особый стиль управления сложными взаимоотношениями классов, переплетением интересов и семейными кланами посредством налаживания широкой сети связей, и удержания в ней центрального положения. Такой стиль управления Паджетт назвал «устойчивое влияние». Его исследование наглядно показывает, как Козимо в 1427-1434 гг. мобилизует сетевые ресурсы и укрепляет свое положение за счет продуманных браков Медичи с представителями старой флорентийской знати, и одновременно ведения деловых операций исключительно с нуворишами, закрепляя альянсы с обеими группами. Становится ясным, что усиление политической мощи Медичи было достигнуто благодаря посредничеству – умелому использованию разобщенности флорентийской элиты и дельцов, которые оказывались соединены только посредством семьи Медичи.

Сегодня активные сетевые исследования ведутся специалистами отдела византистики Института средневековых исследований Австрийской Академии наук. В качестве примера можно рассмотреть исследование «Политические фракции Византии XIV века». Оно изучает причины и динамику противоборства византийских элит в период 1282-1402 гг. В его ходе была построена сетевая модель византийской элиты, содержащая сведения о 2490 персонах и 336 географических объектах (местожительствах, местах путешествий, паломничества и торговли) и составленную на основе Просопографического лексикона времени Палеологов¹ и других источников. Полученная таким образом мультиконтекстная сеть отражает родственные, супружеские и дружеские связи, дипломатические контакты, а также отношения взаимопомощи, лояльности и противоборства между персонами – акторами сети. В результате изучения структуры сети было выявлено, что сплоченная коалиция плотных под-кластеров сторонников Андроника III, в конечном итоге, оказалась более эффективной, чем слабо связанная фракция Андроника II, в которой скоро стали очевидны признаки распада, и где персоны и группы переходили с одной стороны на другую. Указанные различия в сплоченности представляются еще более наглядными на карте, когда удалось отобразить распределение сил и их динамику в крупных городах империи, и стало понятно, что Андроник III сумел обеспечить верность центров повсеместно во всей под-

¹ *Proposographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / Ed. Erich Trapp et al. CD-Rom Version. Vienna, 2001.

властной Фракии, что, в конечном итоге, и способствовало его окончательной победе в 1328 г. над дедом.

Представленные примеры со всей очевидностью показывают, что исследования сети дают возможность значительно глубже заглянуть в суть исторической ситуации, чем чисто дескриптивные и количественные методы.

Работы по исследованию исторических сетей ведутся сегодня в МГУ, ПСТГУ, ВШЭ, ТамбГУ и др. отечественных институциях.

Резюмируя, отметим, что демонстрируемая эффективность методов исследования сетей является веским основанием для более широкого их использования в исторической науке.

Научное издание

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - V
АНТИЧНОСТЬ – ВИЗАНТИЯ – ДРЕВНЯЯ РУСЬ

**Сборник материалов
международной научной конференции**

Публикуется в авторской редакции
Редактор англ. текста *Е.О. Родина*

Оригинал-макет подписан 29.12.2016. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 13,6. Заказ 344.
Оригинал-макет подготовлен в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85